

Елена
Егорова

Елена Егорова

Три музы Пушкина

Три
музы
Пушкина

«И пробуждается поэзия во мне...»
Акварель Н.В. Антоновой. 2020 г.

Елена Егорова

Три музы Пушкина

Анна Керн

Анна Оленина

Ольга Строганова

Москва

2020

УДК 82.09
ББК 83.32
Е 30

Егорова Е.Н.

Три музы Пушкина. Анна Керн, Анна Оленина, Ольга Строганова. — М.: Литературное объединение «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России; Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», 2020. — 240 с.

Шедевры А.С. Пушкина «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») и «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» остаются одними из самых популярных и любимых читателями произведений великого поэта на протяжении почти двух столетий. Большинство литературоведов сходится во мнении, что вдохновительницей и адресатом стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» является Анна Петровна Керн, а элегия «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» обращена к её двоюродной сестре Анне Алексеевне Олениной, в которую А.С. Пушкин был серьёзно влюблён в 1828 году. Однако существуют и другие мнения, высказываемые как авторитетными исследователями, так и некоторыми литераторами.

Романтическая история любви и тайного венчания графини Ольги Павловны Строгановой с графом Павлом Карловичем Ферзенем в числе других легла в основу повести «Метель», а Ольга стала одним из прототипов героини этой повести Марьи Гавриловны.

Серия научно-популярных очерков, публикуемых в настоящем сборнике, основана на глубоком изучении научной и научно-популярной литературы более чем за 160 лет. Очерки подготовлены на основе докладов, сделанных автором на международных научных конференциях «Пушкин в Москве и Подмоскovie» и «Хозяева и гости усадьбы Вязёмы» («Голицынские чтения»), прошедших в 2000–2015 годах в подмосковном Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина. В оформлении книги использованы рисунки А.С. Пушкина в черновиках его произведений и альбомах, исторические изображения, фотографии из семейных архивов и художественные фотографии автора (если в тексте не указано иначе).

Очерки о встречах с потомками вдохновительниц великого поэта написаны в 1999–2002 годах. Перед публикацией в очерки внесены сведения о дальнейших судьбах этих людей, принадлежащих к родам Олениных, Полторацких и Вульфов.

Книга адресована всем, кто интересуется биографией и творчеством А.С. Пушкина.

ISBN 978-5-6041100-8-9

© Егорова Е.Н., текст, оформление, 2020
© Литературное объединение «Угреша», 2020
© ДМУП «Информационный центр», 2020

**Вдохновительницы Пушкина
Анна Керн, Анна Оленина
и Ольга Строганова**

Великій князь Николай Павловичъ въ костюмѣ Алариса, царя Вухарскаго,
и великая княгиня Александра Осодоровна въ костюмѣ Лалла-Рукъ.

Изъ весьма рѣзкаго изданія: „Lalla-Roukh. Divertissement exécuté au château royal de Berlin le 27 Janvier 1821, pendant le séjour de L. L. A. A. J. J. Magr. le grand duc Nicolas et Mad. la grande duchesse Alexandra Feodorowna“. Berlin. 1822.

Кому посвящено стихотворение «Я помню чудное мгновенье...»?

«Философия Лалла Рук» В.А. Жуковского

15 января 1821 года прусским королевским семейством в честь русской великокняжеской четы Николая Павловича и Александры Фёдоровны Романовых был устроен великолепный придворный праздник с представлением «живых картин» на сюжет популярной поэмы английского поэта-романтика Томаса Мура «Лалла Рук». Роль экзотической индийской принцессы Лаллы Рук исполняла сама великая княгиня, роль её жениха принца Алариса — Николай Павлович. 22-летняя Александра Фёдоровна, урождённая прусская принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, находилась тогда в расцвете своей красоты. Будущий Николай I влюбился в неё ещё в 1814 году, когда по пути к действующей армии остановился в Берлине. Шарлотта ответила ему взаимностью. Брак между ними был заключён в 1817 году. Под руководством В.А. Жуковского она быстро сделала успехи в русском языке. Поэт благоговел

Великая княгиня
Александра Фёдоровна.
Художник Ж.-А. Беннер. 1821 г.

перед своей способной и действительно очаровательной ученицей, можно сказать, был в неё платонически влюблён. Её участие в берлинском празднике произвело на Василия Андреевича неизгладимое впечатление, и в письме своему другу А.И. Тургеневу от 7 февраля 1821 года он писал: *«Всему давала очарование великая княгиня; её пронесли на паланкине — в процессии — она точно провеяла надо мною, как Гений, как сон... милое прелестное лицо появилось на высоте и пропало вдали — всё это вместе имело что-то магическое! Не чув-*

Василий Андреевич Жуковский.
Художник П.Ф. Соколов.
1820-е гг.

ство, не воображение, но душа наслаждалась...»¹.

Потом у Жуковского появилось чувство уныния, «которое имело свою сладость». Вероятнее всего, оно было вызвано ностальгическими воспоминаниями о нежной любви его к Марии Андреевне Протасовой (1793–1823), в замужестве Мойер. Любовь была взаимной, но не привела к браку из-за несогласия матери девушки, причиной чего послужило родство влюблённых: Жуковский приходился своей возлюбленной неполнородным дядей. «Долина Кашемира», где

происходит действие поэмы Т. Мура, ассоциировалась в их переписке с надеждами на ещё возможное в 1814–1815 годах счастье.

Впечатление от «несравненного праздника» в Берлине вызвало к жизни целый поэтический цикл Жуковского, написанный в 1821–1824 годах и посвящённый Александре Фёдоровне — Лалле Рук. В 1821 году поэт даже издавал рукописный журнал с названием «Лалла Рук». Имя индийской принцессы стало литературной эмблемой будущей императрицы, её своеобразной визитной карточкой в свете, о чём свидетельствуют упоминания в письмах современников².

Через две недели после праздника, 1 февраля 1821 года, Жуковский сочинил стихотворение «Лалла Рук» и носил его в кармане 8 дней, пока не решился наконец вручить адресату. Поэт воспел внешнюю и внутреннюю красоту своей вдохновительницы:

*Всё — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства*

*С безмятежной тишиной —
Всё в ней было без искусства
Неописанной красой.*

Это стихотворение — отнюдь не светский мадригал, пусть и облечённый в совершенную форму. В нём отразились размышления Жуковского на тему, поднятую немецкими литераторами Вильгельмом Вакенродером (1773–1798) и Людвигом Тиком (1773–1853), о мимолётном явлении прекрасного и вызванном им поэтическом вдохновении:

*Я смотрел, а призрак мимо
[Увлекая душу вслед]
Пролетал невозвратно;
Я за ним, его уж нет!
Посетил, как упованье,
Жизнь минуту озарил;
Но оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был.*

*Ах! Не с нами обитает
Гений чистой красоты:
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высью;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он³.*

Здесь впервые появляется «Гений чистой красоты» — найденный Жуковским «редкий поэтический алмаз»⁴, по словам Н.Н. Скатова. Это образ божественного духа вдохновения, нисходящего «с небесной высью» в особые моменты жизни, когда душа становится вдруг необычайно чувствительна к явленной ей красоте, в повседневном состоянии не воспринимаемой.

В тот день, когда было сочинено стихотворение «Лалла Рук», Жуковский посетил свою приболевшую вдохновительницу, у которой познакомился со стихами «Великой княгине Александре Фёдоровне — Лалле Рук», сочинёнными молодой немецкой поэтессой Гедвигой фон Штегенманн, в замужестве фон Ольферс (1799–1891). Гедвига принимала участие в празднике в Берлине, позировала в «живых картинах» в костюме индийской девушки, и её стихи были написаны от имени участницы торжества. Они были настолько

созвучны впечатлениям Жуковского, что спустя два дня Василий Андреевич перевёл их довольно близко к тексту, но под иным, более ёмким названием «Явление Поэзии в виде Лалла Рук»:

*...Как утро юного творенья,
Она пленительна пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.*

<...>

*Так пролетела здесь, блистая
Востока пламенным венцом,
Богиня песней молодая
На паланкине золотом.*

<...>

*При ней все мысли наши — пенье!
И каждый звук её речей,
Улыбка уст, лица движенье,
Дыханье, взгляд — всё песня в ней.*

В письме А.И. Тургеневу от 7 февраля 1821 года содержится важное рассуждение Василия Андреевича, которое он назвал «философией Лалла Рук». Жуковский развивает мысль Жан-Жака Руссо: «*Прекрасно только то, чего нет*». «*Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам только минутами для того единственно, чтобы нам сказать, оживить нас, возвысить нашу душу, но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем; нет ему ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посещает нас в лучшие минуты нашей жизни: величественное зрелище природы, ещё более величественное зрелище души человеческой, поэзия, счастье и ещё более несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного... прекрасно только то, чего нет! В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далёкому, что с ним соединяется и чего с ним нет и что для тебя где-то существует»⁵.*

Весной 1821 года он посещает Дрезденскую картинную галерею. Созерцание знаменитого шедевра Рафаэля Санти «Сикстинская Мадонна» вновь возвращает поэта к образу «Гения чистой красоты». Жуковский спешит поделиться незабываемыми впечатлениями с великой княгиней Александрой Фёдоровной, из письма к которой выделилось

впоследствии замечательное эссе «Рафаэлева Мадонна», опубликованное в «Полярной звезде» на 1824 год.

В нём Жуковский пересказывает сочинённую Вильгельмом Генрихом Ваккенродером легенду о нежданно увиденном Рафаэлем на чистом полотне образе девы Марии, который он запечатлел на картине «Сикстинская Мадонна»: *«И в самом деле, это не картина, а видение: чем долее глядишь на неё, тем живее уверяешься, что перед тобой что-то неестественное происходит... Я был один; вокруг меня всё было тихо; сперва с некоторым усилием вошёл в самого себя; потом стал ясно чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величия в неё входило; неизобразимое было для неё изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. Гений чистой красоты был с нею:*

*Он лишь в чистые мгновенья
Бытия слетает к нам
И приносит откровенья,
Благодатные сердцам.
Чтоб о небе сердце знало
В тёмной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
Он даёт взглянуть порой,
А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду⁶.*

Третье и последнее обращение Жуковского к теме мимолётного явления прекрасного и сопровождающего его небесного вдохновения в образе «Гения чистой красоты» состоялось в конце 1823 года. Видимо, совсем незадолго до выхода в свет трёхтомного собрания своих сочинений, поступившего в продажу в начале 1824 года, поэт написал стихотворение, набранное курсивом в конце 3-го тома:

*Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.*

<...>

*Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, —
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!*

*Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда, —
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!..
Пока ещё её сиянье
Душа умеет различать,
Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять.*

Это стихотворение более динамично по сравнению с другими, написанными в духе «философии Лалла Рук». Академик Н.Н. Скатов отмечает: «Здесь две стадии, два этапа: прошлое, когда были “Жизнь, и Поэзия, и Вдохновение”, и настоящее, когда нет Поэзии, “бывальх нет в душе виденый”. И, наконец, будущее — только в надежде...»⁷.

Не случайно слова «Муза», «Вдохновение», «Жизнь и Поэзия», «Гений» написаны Жуковским с прописных букв. Тем самым подчёркнута обобщённость этих понятий, их божественная, неземная природа, что давало повод некоторым исследователям сделать вывод о совершенной бесплотности «Гения чистой красоты» у Жуковского, его серафической и даже религиозно-мистической сущности. Такое заключение в советское время воспринималось уничижительно. Однако этот чудный образ не столь уж бесплотен и ассоциируется лично у Жуковского с Александрой Фёдоровной — Лаллой Рук, о чём свидетельствует 9-я строфа стихотворения «Лалла Рук», присутствовавшая только в первой публикации в «Московском телеграфе» за 1827 год и в некоторых автографах Жуковского:

*Кто же ты, очарователь
Бед и радостей земных?
О небесный жизнедатель!
Мне знаком ты; для других
Нет тебе именованья:
Ты без имени им друг!
Для меня ж тебе названье
Сердце дало: Лалла Рук.*

Трёхтомное издание сочинений Жуковского, вышедшее в 1824 году, было посвящено автором великой княгине Александре Фёдоровне, причём существовали экземпляры 1-го тома, куда стихотворение «Я Музу юную, бывало...» было перенесено из конца 3-го тома и подплетено сразу после посвящения, что даёт основание связывать его с личностью венценосной ученицы и вдохновительницы поэта. Такой экземпляр трёхтомника Василий Андреевич подарил, например, члену литературного общества «Арзамас»⁸ П.И. Полетике.

И всё же образы мимолётного видения прекрасного и «Гения чистой красоты» в поэзии Жуковского отнюдь не поражают своей яркостью, не вызывают неповторимого восторга именно по причине своей эфемерности, ощутимой отчуждённости от их земной вдохновительницы и реальностей жизни даже в её духовном аспекте. Не случайно эссе «Рафаэлева Мадонна», где эти образы связаны с Богородицей, Царицей Небесной, привлекло наибольшее внимание почитателей таланта В.А. Жуковского. Так, цензор Е.Е. Комаровский писал

В.А. Жуковский.
Рис. А.С. Пушкина
в протоколе «Зелёной лампы».
1819 г. ПД № 763. Л. 2 об.

в письме слепому поэту И.И. Козлову от 25 декабря 1823 года: «Мысль дать ей <Рафаэлевой Мадонне> значение видения очень гениальна». В том же ключе писал П.А. Вяземский: «Это не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии. О нём можно сказать то, что Жуковский сказал о самой Мадонне. Это не картина, а видение»⁹.

Не случайно образ «Гения чистой красоты» не находился в центре внимания литературных критиков. Как метко выразился Н.Н. Скатов, до огранки этого «поэтического алмаза» было ещё далеко. Превратить его в сверкающий неповторимыми гранями бриллиант суждено было А.С. Пушкину.

Творческие поиски А.С. Пушкина

Многие произведения В.А. Жуковского, развивающие «философию Лалла Рук», ещё до их опубликования были известны его друзьям, в том числе Александру Пушкину. В начале 1820-х годов великий поэт выписал в свою тетрадь с некоторыми сокращениями рассуждение Жуковского по поводу высказывания Руссо: «*Прекрасно только то, чего нет*»¹⁰. Пушкин мог узнать об этом рассуждении и о стихах Жуковского, посвящённых Александре Фёдоровне — Лалле Рук, например, от А.И. Тургенева, с которым переписывался во время своей южной ссылки. 1 декабря 1823 года великий поэт с оттенком ревности писал ему: «*Жуковскому грех: чем я хуже принцессы Шарлотты, что он мне в три года ни строчки не напишет*». Пушкин неодобрительно относился к увлечению Жуковского поэмой Томаса Мура и писал П.А. Вяземскому 2 января 1822 года: «*Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? Чопорном подражателе своеобразному восточному воображению? Вся Лалла Рук не стоит десяти строчек Тристрама Шанди; пора ему иметь собственное воображение...*»¹¹.

Великий поэт был знаком с эссе «Рафаэлева Мадонна» ещё до его публикации в «Полярной звезде» на 1824 год. Вероятно, летом 1824 года он получил недавно вышедший в свет трёхтомник Жуковского, где напечатано стихотворение «Я Музу юную, бывало...».

Произведения Жуковского перекликались с собственными творческими исканиями Пушкина, начатыми в пору юности. Уже в его лицейском стихотворении «Наслаждение» (1816) промелькнула тема призрачности и быстротечности явления любви и счастья:

*Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И пролетела предо мной.
Я вслед... но цели отдалённой,
Но цели милой не достиг!
Когда ж, весельем окрилённый,
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сиянье возгорится
Светильник тусклых юных дней*

*И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?*

Эти строки перекликаются с записью в лицейском дневнике А.С. Пушкина от 29 ноября 1815 года по поводу нечаянной и одновременно столь долгожданной встречи с предметом своего пылкого юношеского увлечения Екатериной Бакуниной, сестрой лицейского однокашника: *«Как она мила была! Как чёрное платье пристало милой Бакуниной! Но я не видел её 18 часов — ах! какое положение, какая мука!... Но я был счастлив 5 минут...»*

В сочинённом Пушкиным в 1817 году, вскоре после выпуска из Царскосельского лицея, стихотворении «К ней»¹² тема развивается в ином аспекте: возрождение души и возвращение вдохновения под влиянием любви, загоревшейся в душе поэта:

*В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
<...>*

*Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!..*

Пушкин был строг к себе: процитированные выше хорошие и во многом оригинальные стихотворения так и остались неопубликованными при его жизни. Видимо, чем-то они его не удовлетворяли, потому и попали в своего рода творческий задел поэта.

Перекликается с рассуждениями Жуковского об очищении и обновлении души под воздействием красоты стихотворение Пушкина «Возрождение»¹³, написанное в 1819 году:

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит*

*И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.*

*Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.*

*Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.*

В 1824 году в Михайловском Пушкин обращается вновь к теме возрождения души под влиянием воскресшей красоты, как подметил Б.П. Городецкий¹⁴. Написанные тогда вольные «Подражания Корану» завершаются стихотворением об измученном молодом путнике в пустыне, достигшем желанного оазиса и уснувшим под пальмой возле колодца. По воле Бога над ним протекли не часы, а века, и он проснулся стариком среди песков рядом с костями своей ослицы. Бог смилостивился над рыдающим старцем:

*И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.
<...>*

*И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь.*

В Михайловском Пушкин читает попавший к нему в библиотеку роман баронессы Варвары Юлии фон Крюденер «Валери»¹⁵. Дарственная надпись на этом экземпляре книги была сделана по-французски неизвестным лицом для прежней владелицы — некой «мадемуазель Ольги Алексеевой»: «Увы, одно мгновенье, одно единственное мгновенье <...> это мгновение было так прекрасно, так мимолётно... Чудная вспышка, озарившая жизнь, как волшебство». Надпись, перекликающаяся с творческими поисками поэта, возможно, была им взята на заметку.

Эта надпись, почти стихотворение в прозе, сделана в духе романтической лирики 1820-х годов на тему пробуждения к

жизни разочарованного героя под влиянием красоты. Так, в 1821 году А.А. Дельвиг вписал в альбом Софьи Дмитриевны Пономарёвой (1794–1824), хозяйки популярного среди литераторов той поры салона, изысканный мадригал:

*О сила чудной красоты!
К любви по опыту холодный,
Я забывал, душой свободный,
Безумной юности мечты;
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество — но ты
Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.*

За красивым салонным стихотворением не ощущается истинного и глубокого чувства. В.Э. Вацуру так охарактеризовал это произведение: «*Стихи Дельвига искусны и слегка холодны; в них след не индивидуального, но общего эмоционального опыта, который уже накопила элегическая поэзия*»¹⁶.

Тему возвышающего душу очарования одухотворенной женской красоты затрагивает и Е.А. Баратынский, посвятивший в середине 1820-х годов умной и обаятельной Александре Андреевне Воейковой (1795–1829), сестре Марии Протасовой, искреннее и изящное стихотворение:

*Очарованье красоты
В тебе не страшно нам:
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.*

И всё же стихотворения Пушкина и Жуковского на эту тему выделяются своей глубиной и совершенством по сравнению с произведениями Дельвига и Баратынского.

«Мимолётные виденья» великого поэта

Многoletние поэтические искания и взятые на заметку поэтические находки Жуковского до поры до времени копились в творческом заделе Пушкина. Для их гармоничного соединения и воплощения в одном стихотворении, венчающем весь этот творческий путь, нужны были новые

жизненные впечатления, яркое чувство, способное зажечь, как искра, пламя вдохновения.

Такой «искрой», по выражению Н.Н. Скатова, стало увлечение Пушкина Анной Петровной Керн (1800–1879), урождённой Полторацкой, приехавшей в июне 1825 года в Тригорское погостить у своей тётушки Прасковьи Александровны Осиповой¹⁷.

Первая мимолётная встреча великого поэта с Анной зимой 1819 года на вечере в петербургском салоне другой её тётушки, Елизаветы Марковны Олениной¹⁸, оставила заметный след в памяти поэта. Очаровательная 19-летняя провинциалка была женой отличившегося в Отечественной войне 1812 года пожилого генерала Ермолая Фёдоровича Керна (1765–1841). Однако трагедия неравного брака заключалась не столько в большой разнице в возрасте супругов, сколько в том, что сфера жизненных интересов и особенности характера заслуженного военного были глубоко чужды его молодой жене.

Увлечённая литературой и искусством, Анна наслаждалась творческой атмосферой оленинского салона, забыв о собственных проблемах и, видимо, даже о своём неотразимом кокетстве, присущем ей с отроческих лет: *«На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его: моё внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крюлов, Плещеев и другие. <...> В чадy такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина...»*¹⁹.

В тот вечер поэт всячески заигрывал с прелестной незнакомкой. *«Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и, когда я держала корзину с цветами, Пушкин вместе с братом Александром Полторацким подошёл ко мне, посмотрел на корзину и сказал: “А роль змеи, как видно, предназначается этому господину?”*²⁰ *Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла».*

У Олениных Анна вела себя с Пушкиным строго, без явного кокетства: смолчала, когда услышала во время ужина его игривый комплимент на французском языке: «Можно ли быть такой хорошенькой!», сухо и серьёзно ответила «нет» на шуточный вопрос, не желает ли она попасть в ад, где будет много хорошеньких женщин и где можно поиграть в шара-

ды. Отчасти такое поведение объяснялось тем, что, живя в провинции, она ещё не была хорошо знакома с произведениями Пушкина, не увлекалась его чудесными стихами.

Вторая их встреча произошла спустя 6 лет. Положение Анны Петровны тогда стало двусмысленным: она бросила мужа и жила у родителей в Лубнах. Это был уже не первый их разрыв. Супружество с Е.Ф. Керном становилось для неё с каждым годом всё невыносимее. Порой молодая женщина была на грани психического срыва.

«Какая тоска! Это ужасно! Просто не знаю, куда деваться. Представьте себе моё положение — ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от чтения уже голова кружится, кончу книгу — и опять одна на белом свете; муж либо спит, либо на учениях, либо курит. О Боже, сжался надо мною!» — писала она 2 июля 1820 года в своём «Дневнике для отдохновения», посвящённом родственнице и подруге Феодосии Полторацкой. Заботы о маленькой дочке Катеньке, родившейся в 1818 году и часто упоминаемой в дневнике, не могли отвлечь Анну от тоски. Лишь тревога по поводу болезни малышки отодвигала собственные проблемы юной матери на второй план. Жаждавшая любви и понимания Анна Петровна искала утешения в любовных увлечениях, являвшихся по большей части плодом её воображения, жила в своём придуманном мире. Она упрекала себя за недостаточную нежность к Катеньке, которая была для неё желанным ребёнком, и писала, что не хочет больше иметь детей от Керна, потому что для неё *«ужасна была бы мысль не любить их»*. Наступление второй беременности повергло её в отчаяние: *«Но этого <ребёнка> все небесные силы не заставят меня полюбить; по несчастью, я такую чувствую ненависть ко всей этой фамилии,*

Автопортрет А.С. Пушкина.
1821 г. ПД № 698. Л. 1 об.

это такое непреодолимое чувство во мне, что я никакими усилиями не в состоянии от оного избавиться» (запись от 9 августа 1820 года). Всплеск ненависти к семье Е.Ф. Керна был отчасти спровоцирован действиями мужа, который пытался сводничать жену со своим племянником П.П. Керном, что вызывало у молодой женщины естественное неприятие. Запись о нежелании иметь ребёнка от нелюбимого мужа, скорее всего, вызвана конкретной психологической ситуацией, поэтому не стоит рассматривать её как жизненное кредо Анны Петровны.

В Лубнах Керн подружилась с соседом по имени Аркадием Гавриловичем Родзянко, довольно известным в своё время поэтом, знакомцем Пушкина по обществу «Зелёная лампа» и петербургским литературным кругам. К тому времени Анна Петровна стала увлечённой поклонницей поэзии Пушкина, с упоением читала его стихи и поэмы, доставляемые ей А.Г. Родзянко. Она вела оживлённую переписку со своей двоюродной сестрой Анной Николаевной Вульф, с которой в 1808–1812 годах вместе воспитывалась у дедушки И.П. Вульфа в имении Берново под Старицей. О стихах Пушкина она писала кузине с восторгом, о чём та не преминула передать поэту. Анне Петровне кузина писала по-французски: «*Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre, chez Olfenine; il dit partout: Elle était trop brillante*» («Ты произвела сильное впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олениных; он всюду говорит: она была ослепительна»). В одном из писем Анны Николаевны к А.П. Керн поэт сделал романтическую приписку из Байрона по-французски: «*Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous*

Анна Николаевна Вульф (?).
Рис. А.С. Пушкина в альбоме
Ел. Н. Ушаковой.
ПД № 1723. Л. 73

ne reverrons jamais) («Промелькнувший перед нами образ, который мы видели и никогда не увидим»).

8 декабря 1824 года своему приятелю Родзянко Пушкин писал об Анне Петровне в духе ироничной и несколько фривольной мужской переписки: «Объясни мне, милый, что такое А.П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь — но славны Лубны за горами. На всякий случай, зная твою влюбчивость и необыкновенные таланты во всех отношениях, полагаю твоё дело сделанным или полусделанным. Поздравляю тебя, мой милый, напиши на всё это элегию или хоть эпиграмму». В тон письму был и ответ, который Родзянко и Керн послали Пушкину 10 мая 1825 года. К примеру, Анна Петровна писала по-французски: «*Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fors*» («Уверяю вас, что он не в плену у меня!») Следующая фраза Родзянко написана по-русски: «А чья вина? — вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Фёдоровичем, снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал... ради Бога, будь посредником!»

Итак, у Пушкина сложились два противоречащих друг другу впечатления об Анне Керн: промелькнувший ослепительный образ в прошлом и земная кокетливая женщина, «премиленькая вещь», живущая в разъезде с мужем и успевшая очаровать соседа по имению. Первый образ можно сравнить с расплывчатым, непроявленным снимком, хранящимся в «запасниках» памяти, который заслонён вторым, более свежим и ярким. Однако личная встреча летом 1825 года неожиданно произвела на поэта ещё более сильное впечатление, затмившее всё прежнее.

Анна Керн вспоминала: «Восхищённая Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тётки моей, в Тригорском, в 1825 году, в июне месяце. Вот как это было. Мы сидели за обедом и смеялись над привычкою одного г-на Рокотова, повторяющего беспрестанно: “Простите за откровенность” и “Я весьма дорожжу Вашим мнением”²¹. Как вдруг вошёл Пушкин с большой толстой палкой в руках <...> Тётушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заго-

ворили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться: он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, — и нельзя было угадать, в каком расположении духа он будет через минуту».

Вместо того чтобы включиться в весёлый разговор тригорского общества, Пушкин вдруг оробел перед Анной Керн, как перед таинственной незнакомкой. А ведь при первой встрече в юности он легко расточал ей игривые комплименты, а совсем незадолго до её приезда писал о ней А.Г. Родзянко во фривольном тоне. Очевидно, было в её облике что-то трогательное²², какая-то особая душевная привлекательность, заставившая поэта забыть её сомнительную репутацию. *«Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем наша встреча у Олениных»*, — писал Пушкин А.П. Керн 25 июля 1825 года, уже после её отъезда.

Анна Петровна была женщиной поразительно красивой, кокетливой и очень привлекательной. В весёлой и дружеской атмосфере Тригорского за нею ухаживала вся мужская половина общества: и Пушкин, и тот самый странный помещик И.М. Рокотов, над которым подшучивали окружающие, и юный друг поэта Алексей Николаевич Вульф, сын П.А. Осиповой от первого брака. Пушкина среди своих ухажёров Керн особенно не выделяла, чем давала поэту повод ревновать её к Алексею Николаевичу Вульфу. Волокитство нескладного И.М. Рокотова было не в счёт. Однако помимо общих беззаботных прогулок по парку, танцев на воздухе и разговоров в гостиной были, как нам представляется, минуты духовного общения поэта с Анной Петровной, которые пополняли копилку поэтических впечатлений о ней.

Анна Петровна Керн.
Миниатюра неизв. художника.
1830-е гг.

А.П. Керн. Силуэт. 1925 г.

«Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поёт его “Венецианскую ночь” на голос гондольерского речитатива; я обещал о том известить милого вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит её, но пусть вообразит себе красоту и задушевность, по крайней мере, дай Бог ему её слышать», — писал Пушкин П.А. Плетнёву в середине июля²³ 1825 года.

Анна Керн, внучка знаменитого оперного певца М.Ф. Полторацкого, была музыкально одарена, прекрасно играла на фортепиано, обладала красивым голосом. Её вдохновенное

исполнение «Венецианской ночи» И.И. Козлова на мотив популярной баркареры²⁴ запало в душу поэта. *«Всё Тригорское распевает: “Не мила ей прелесть ночи”²⁵, и сердце моё сжимается, слушая эту песню...»* — писал он Анне Николаевне Вульф 21 июля 1825 года, вскоре после её отъезда вместе с Керн. В «Венецианской ночи» воспета тоска прекрасной итальянской графини Терезы Гвичьоли²⁶ о безвременно умершем возлюбленном — великом английском поэте Байроне. И Пушкин, и Керн были искренними поклонниками творчества Байрона. История его любви и смерти особенно трогала их души.

Анна Петровна любила поэзию, тонко чувствовала её музыкальность и, можно сказать, являлась вдохновенной слушательницей. *«Пушкин был невыразимо мил, когда давал себе тему угощать и занимать общество, — писала она в “Воспоминаниях”. — Однажды с этой целью явился он в Тригорское с большой чёрной книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принёс её для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам*

своих “Цыган”. Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я иставивала от наслаждения...»

Памятный вечер в Тригорском состоялся примерно 10–15 июля, а несколько дней спустя Анна Петровна Керн собралась в дорогу: П.А. Осипова уговорила таки племянницу для примирения с мужем поехать с нею в Ригу, где Е.Ф. Керн служил военным комендантом. Но впереди была по-

оследняя романтическая прогулка в Михайловское, предпринятая по предложению Прасковьи Александровны ночью с 18 на 19 июля 1825 года. Как писала А.П. Керн, Пушкин находился в особом настроении, был «добродушно весёлым и любезным». По дороге он восхищался красотой природы и луной, которая «освещает прекрасное лицо».

«Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, “приют задумчивых дриад”, с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать... Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: “Вы выглядели такой невинной девочкой; на вас было тогда что-то вроде крестика, не правда ли?”²⁷ — вспоминала Анна Петровна. — На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анной Николаевной Вульф. Он пришёл утром и на прощанье

Автопортрет А.С. Пушкина в рукописи IV главы романа в стихах «Евгений Онегин». ПД № 835. Л. 75 об.

принёс мне экземпляр 2-й главы “Онегина”²⁸ в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: *Я помню чудное мгновенье...*»

Прежде виденные поэтом мимолётные образы вдруг соединились с накопленными новыми яркими впечатлениями, с любовным увлечением и воплотились в стихи, увенчавшие многолетние творческие искания. Такова история рождения чудесного стихотворения.

«Чудные мгновенья» вдохновения

Однако не следует забывать, как писал А.М. Гордин, что «при чётко обозначенной автобиографической канве смысл стихотворения значительно шире. Это выраженное с огромной художественной эмоциональной силой душевное состояние поэта в один из кульминационных моментов его творческого развития. Стихотворение написано на одном дыхании, как экспромт. Строгость, законченность формы, выразительность, точность каждого слова сочетаются с глубиной и искренностью самых благородных, чистых чувств. До такого совершенства, такой высокой простоты русская лирика ещё не поднималась»²⁹.

Стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» под заглавием «К ***» впервые было напечатано с разрешения Пушкина А.А. Дельвигом³⁰ на последних страницах альманаха «Северные цветы» на 1827 год:

*Я помню чудное мгновенье;
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.*

*В томленьях грусти безмятежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.*

*Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты...*

*В глуши, во мраке заточенья,
Тянулись тихо дни мои,
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.*

*Душе настало пробужденье,
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.*

*И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.*

Это удивительное стихотворение несёт в себе такой сильный эмоциональный заряд, что его легко принять за экспромт. «Оно вылилось у Пушкина прямо из души, было порождением внутреннего опыта и самообладания»³¹, — считал Н.И. Черняев. Однако черновик стихотворения³² (ПД № 68) свидетельствует о другом. Эта сложенная вдвое четверть фабричного листа синей бумаги³³ сохранилась в собрании известного коллекционера, литературоведа и издателя Л.Н. Майкова³⁴. Верхняя часть листа оборвана, но черновики трёх последних строф позволяют судить о том, что поэт писал стихи несколько дней. По-видимому, первым импульсом к творчеству послужило известие о предстоящем отъезде Керн. Так, в черновике есть наброски стихов:

*Куда ж летишь прелестный Гений,
Опять покинут я —*

Не сразу пришёл поэт к ключевым образам своего шедевра:

*Как перелётное <виденье>,
Как гений кра<соть>,
Всё та же ты — мой Гений.*

Пушкин не сразу использует образ «Гения чистой красоты», найденный В.А. Жуковским, а как бы заново открывает его. Может быть, к этому открытию он пришёл благодаря «проявившейся» во время прогулки с Керн по саду в Михайловском картинке из прошлого: прекрасная молодая женщина с крестиком на шее слушает выступление И.А. Крылова столь самозабвенно, что это придаёт ей наивный девственный вид.

Работая над стихотворением, Пушкин постепенно отходил от многих конкретных деталей, от непосредственных впечатлений. Так, прежде чем прийти к окончательному варианту 23-го стиха «И божество, и вдохновенье», поэт перебирает варианты: «Мечты, восторг и вдохновенье», «Восторг, мечты и вдохновенье».

Интересны и варианты 13-го стиха «В глуши, во мраке заточенья»:

*В изна<ны>,
В безмолвном мраке заточенья,
В степях во мраке заточенья.*

По словам известного пушкиниста Б.В. Томашевского, здесь «Пушкин вспоминает те тяжёлые годы, 1823–1824, когда его постигло разочарование в жизни»³⁵. Ещё до приезда А.П. Керн в Тригорское душевный кризис поэта был во многом преодолён: *«Душе настало пробужденье...»*.

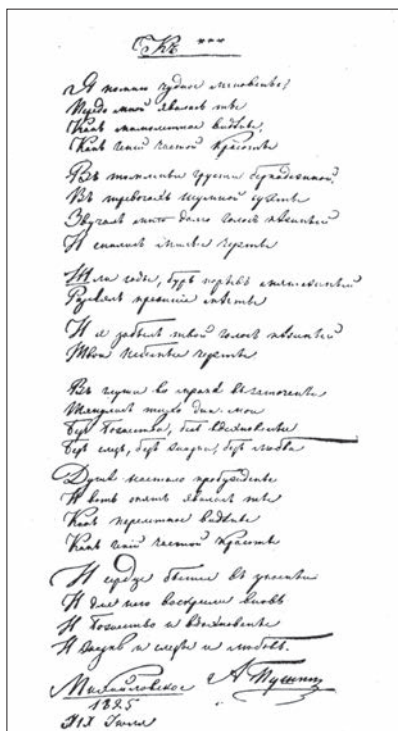
К сожалению, автограф стихотворения, подаренный Керн, не сохранился. Анна Петровна познакомилась в Петербурге с композитором М.И. Глинкой и долгие годы дружила с ним. Она вспоминала: *«Он взял у меня стихи Пушкина, написанные его рукою: “Я помню чудное мгновенье...” , чтоб положить их на музыку, да и затерял их, Бог ему прости! Ему хотелось сочинить на эти слова музыку, вполне соответствующую их содержанию, а для этого нужно было на каждую строфу писать особую музыку, и он долго хлопотал об этом»*³⁶.

У Анны Петровны имелся список стихотворения, сделанный кем-то из её друзей, возможно, А.Н. Вульфом, как предполагал А.А. Марков-Виноградский, её сын от второго брака. В начале 1880-х годов он продал альбом своей уже покойной матери и вложенный в него список коллекционеру П.Я. Дашкову³⁷, предупредив, что собственноручных записей Пушкина там нет. Однако Дашкову так хотелось иметь автограф знаменитого шедевра, что он дал себя уверить, будто лист со стихами «Я помню чудное мгновенье...» является автографом самого А.С. Пушкина³⁸. Коллекционер дважды опубликовал его именно в таком качестве: в 1887 году в «Альбоме», изданном В.В. Комаровым, и в 1899 году в 5-м номере «Исторического вестника». Известный издатель и литературовед П.А. Ефремов показал, что опубликованный документ не автограф, а список, поскольку *«почерк положительно не пушкинский»*. Он заметил, что переписчик

допустил орфографические ошибки в тех словах, которые великий поэт всегда писал правильно: в 6-м стихе «суэты» вместо «суеты»; в 10-м стихе слово «мечты» через «ять»³⁹. Кроме того, в 13-м стихе вместо «во мраке заточенья» написано «во мраке в заточеньи», в 5-м стихе написано «в томленьи» вместо «в томленьях».

В черновом автографе Пушкина и в окончательном тексте стихотворения таких вариантов нет. И в черновике, и в списке есть одно общее отличие от последней редакции: 19-й стих читается «Как перелётное виденье». Всё это наводит на мысль, что список сделан по памяти уже после того, как автограф, вручённый Пушкиным А.П. Керн, пропал у М.И. Глинки. Ей, видимо, очень хотелось иметь на память хотя бы список стихотворения, похожий на затерянный подарок великого поэта. «Переписчик» явно не был профессиональным копиистом и писал, ориентируясь на свою зрительную память о расположении стихов на листе и на известные ему отличия от окончательной редакции. Во всяком случае, цели создать подделку он не преследовал. Издатели и комментаторы произведений Пушкина П.А. Ефремов и П.О. Морозов считали список вполне авторитетным и указывали при публикации проставленную в нем дату «1825 XIX июля» как день окончания стихотворения.

В списке стихи озаглавлены так же, как и при первой публикации: «К ***». Это вполне соответствует этикету пушкинского времени: указывать имя адресата стихов, где говорится о любви мужчины к женщине, не являющейся его супругой, было не принято даже и в

Список стихотворения
 А.С. Пушкина «К ***»,
 из коллекции П.Я. Дашкова

списках, которые могли попасть в чужие руки, вызвать кривотолки и возмущение родственников адресата. Так, А.А. Оленина, давая переписывать своему знакомому посвящённое ей стихотворение Пушкина «Её глаза», просила не писать её имя в стихе «Глаза Олениной моей». Публикация этих стихов в альманахе «Северная звезда» на 1829 год без разрешения автора вызвала возмущение великого поэта, хотя вместо слова «Олениной» издатели напечатали «Элодии».

Отметим, что образ «перелётного виденья» в черновике и списке больше соответствует реальным чаяниям поэта в середине июля 1825 года. Такое выражение предполагает несколько большую продолжительность общения, чем «мимолётное виденье», и содержит в себе надежду на возвращение вдохновительницы. Слово «перелётный» Пушкин употребляет в своих поэтических произведениях лишь дважды. В «Евгении Онегине» в описании состояния природы перед дуэлью Онегина и Ленского (глава IV, строфа XXIV) упоминается «перелётная метель», то есть перелетающая с места на место и периодически возвращающаяся. В поэме «Цыганы» Алеко сравнивается с беззаботной птичкой:

*И он, изгнанник перелётный,
Гнезда надёжного не знал...*

В стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» выражение «перелётное виденье» несколько режет слух. В окончательной редакции поэт заменил его на «мимолётное виденье», и идеальная гармония поэтического пространства была достигнута.

Однако тем самым, как и в «философии Лалла Рук» Жуковского, образ вдохновительницы стихотворения отдалился от своего реального прототипа: *«В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далёкому, что с ним соединяется, и чего с ним нет, и что для тебя где-то существует».*

«Божественная» и «мерзкая» Анна Керн

Очарование, вызванное опоэтизированным образом Анны Керн, длилось у Пушкина всего несколько дней. О ночной прогулке по саду в Михайловском напоминали поэту выпрошенная у неё веточка гелиотропа и камень, о ко-

торый она споткнулась. Сама Анна Петровна впоследствии утверждала, что это был просто толстый корень старого дерева. 21 июля 1825 года поэт писал Анне Николаевне Вульф, будучи уверен, что эти строки прочтёт и уехавшая вместе с нею Керн: *«Всё Тригорское распевает: “Не мила ей прелесть ночи”, и сердце моё сжимается, слушая эту песню... Каждую ночь я гуляю в своём саду и говорю себе: “Здесь была она”... камень, о который она споткнулась, лежит на моём столе подле увядшего гелиотропа. Наконец, я много пишу стихов. Всё это, если хотите, очень похоже на любовь, но боюсь вам, что о ней и помину нет. Будь я влюблён, я бы, кажется, умер в воскресенье⁴⁰ от бешеной ревности, — а между тем мне просто было досадно. Но все-таки мысль, что я ничего не значу для неё, что, заняв на минуту её воображение, я только дал пищу её весёлому любопытству, — мысль, что воспоминание обо мне не нагонит на неё рассеянности среди её триумфов и не омрачит сильнее лица её в грустные минуты, что прекрасные глаза её остановятся на каком-нибудь Рижском фате с тем же пронзающим и сладострастным выражением, — о, эта мысль невыносима для меня...»*

Поэтическое очарование, не допускавшее проявлений «бешеной ревности» по поводу того, что Алексей Николаевич Вульф отправился провожать своих кузин и сел в одну карету с Керн, постепенно уступает место вполне земной страсти. Пушкин желал бы, чтобы Анна Петровна тосковала о нём так же, как прекрасная Тереза Гвичьоли о Байроне.

Сохранились письма Пушкина (по-французски) к А.П. Керн, ответы которой до нас не дошли. Однако строки из писем поэта позволяют судить о том, что, по словам А.М. Гордина, она стала *«партнёром поэта в своего рода литературной игре, его соавтором в создании своеобразного “романа в письмах”»*⁴¹.

Заключения исследователей по поводу этих писем разделились. Так, по мнению А.М. Гордина, *«ироничность пушкинского тона не позволяет определить меру серьёзности любовных признаний поэта...»*⁴². Как считает В.В. Синовский, письма эти, *«столь пёстрые по настроению, вполне отразили те полные противоречия чувства, которые поэт питал по отношению к Керн... Письма рисуют нам эту своеобразную любовь, отливающую самыми прихотливыми красками — от головокружительной земной страсти до*

благоговейного, чисто эстетического поклонения перед её неземной красотой... Муки ревности, радость мимолётной ласки, остроты и даже прозрачные двусмысленности — всё сверкает разноцветными искрами в этих семи письмах»⁴³.

В последнее время появилась тенденция рассматривать письма как доказательство исключительно плотского влечения Пушкина к А.П. Керн⁴⁴. При этом цитируемые отрывки вырываются из контекста, отчего их смысл искажается. Таким некорректным приёмом можно доказать всё, что угодно: от восхищённого поклонения «четырнадцатилетнего мальчика» до чисто сексуальных устремлений поэта. В письмах Пушкина к Керн и о Керн много иронии, шушливых укоров, игривых выражений и противоречивых высказываний о предмете своего увлечения:

«Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Фёдоровичу <...> Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, вы прочтёте это письмо тайком — спрячете ли вы его у себя на груди? ответите ли мне длинным посланием? пишите мне обо всём, что придёт вам в голову, — заклинаю вас <...> Если ваши выражения будут столь же нежны, как ваши взгляды, — увы! — я постараюсь поверить им или же обмануть себя, что одно и то же. — Знаете ли вы, что, перечтя эти строки, я стыжусь их сентиментального тона <...> Ах вы чудотворка или чудотворица!» (25 июля 1825 года);

«Перечитываю ваше письмо вдоль и поперёк и говорю: милая! прелесть! божественная! <...> а потом: ах, мерзкая! — Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла; ещё раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы ещё прелестнее. <...>

Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? Очень он мне нужен — разве у хороших женщин должен быть характер? — главное, это глаза, зубы, ручки, ножки — (я прибавил бы ещё сердце, но ваша кузина уж очень затаскала это слово).

Вы говорите, что вас легко узнать; вы хотели сказать — полюбить вас? Вполне с вами согласен и даже сам служу тому доказательством: я вёл себя с вами, как четырнадцатилетний мальчик, — это возмутительно, но с тех пор, как я вас больше не вижу, я постепенно возвращаю

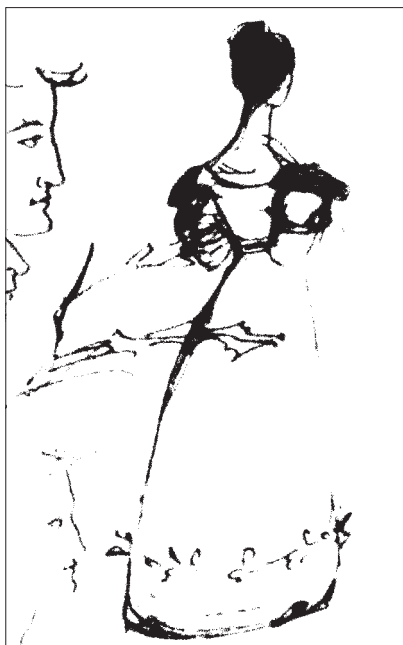
себе утраченное превосходство и пользуюсь этим, чтобы побороть вас...» (13–14 августа 1825 года);

«Прощайте, сейчас ночь, и ваш образ встаёт предо мной, такой печальный и сладострастный: мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста. Прощайте, мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени, — я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте и верьте моему бреду; он смешон, но искренен...» (21 августа 1825 года);

«Если ваш супруг вам очень надоел, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там всё семейство, берёте почтовых лошадей на Остров и приезжаете... куда? В Тригорское? Вовсе нет: в Михайловское!.. Согласитесь, что проект мой романтичен! — Сходство характеров, ненависть к преградам, сильно развитый орган полёта и пр., и пр. — Представляете себе удивление вашей тётушки?..» (28 августа 1825 года);

«Всерьёз ли говорите вы, уверяя, будто одобряете мой проект? У Анеты⁴⁵ от этого мороз пробежал по коже, а у меня голова закружилась от радости. Но я не верю в счастье, и это вполне простительно. Захотите ли вы, ангел любви, заставить уверовать мою неверующую и увядающую душу? Но приезжайте, по крайней мере, в Псков; это вам легко устроить <...> Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду...» (22 сентября 1825 года).

В октябре–ноябре 1825 года в переписке Пушкина и Керн наступает перерыв. В середине октября 1825 года Анна Петровна приезжала в Тригорское с мужем. Между нею и Пушкиным произошла размолвка. Заочное примирение состоялось после того, как Анна Петровна прислала Александру Сергеевичу вновь вышедшее собрание сочинений Байрона, которое поэт так хотел иметь. Анна Николаевна Вульф писала кузине 8 декабря 1825 года: *«Байрон помирил тебя с Пушкиным, он сегодня же посылает тебе деньги — 125 рублей, его стоимость»*. Письмо самого поэта, отправленное в тот же день из Тригорского, дышит восторгом и полупритворной ревностью: *«Никак не ожидал, чародейка, что вы вспомните обо мне, от всей души благодарю вас за это. Байрон получил в моих глазах новую прелесть — все его героини примут в моём воображении черты, забыть которые невозможно. Вас буду ви-*

Анна Керн (?). Рис. А.С. Пушкина
в черновике повести
«Барышня-крестьянка».
ПД № 831. Л. 81 об.

деть я в образах Гюльнары и Лейлы — идеал самого Байрона не мог быть божественнее. Вы — ангел-утешитель, а я неблагодарный, потому что смею ещё роптать <...>.

Снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что по-прежнему люблю вас, что иногда вас ненавижу, что третьего дня говорил о вас гадости, что я целую ваши прелестные ручки и снова перецеловываю их, в ожидании лучшего, что больше сил моих нет, что вы божественны...»

Итак, Анна Петровна в письмах поэта, с одной стороны, «божественная», «прелесть», женщина с «сильно развитым органом полёта», «прекрасная и нежная», «ангел любви», «ангел-утешитель», «чудотворка», «чародейка».

С другой стороны, она же и «мерзкая», и «сладокрастная» обладательница обворожительных «глаз, зубов, ручек и ножек». Её же поэт и любит, и иногда ненавидит, и даже «третьего дня говорил гадости» о ней.

Значение последних нелестных эпитетов и выражений поэта нередко преувеличивается, отчего возникает неверное, на наш взгляд, мнение, будто стихи «Я помню чудное мгновенье...» совершенно не отражают истинного отношения поэта к А.П. Керн в период, предшествовавший их сочинению. Так, Б.В. Томашевский, справедливо отмечая, что «данное стихотворение заключает в себе более значительное содержание, чем влюблённый мадригал хорошенькой женщине»⁴⁶, и его истолкование не следует искать только в биографии Керн, пишет: «Решительно нельзя выводить вспышку, продиктовавшую Пушкину стихи «Я помню чудное мгновенье...», ни из характера А.П. Керн, ни из харак-

тера отношения Пушкина к ней. Хотя, конечно, поводом к созданию стихотворения, направившим Пушкина к этой теме, была встреча с Керн и мгновенное увлечение ею...».

Нам представляется, что великий поэт был очарован не только внешними прелестями Анны Петровны, но и её духовным обаянием, вдохновенным пением полного драматизма произведения Ивана Козлова «Венецианская ночь», искренним увлечением и самозабвением, с которым она слушала его поэму «Цыганы». От внешнего облика вдохновительницы в стихах «К ***» остались только «голос нежный», «милые черты», «небесные черты». Перед нами не конкретная земная женщина с её достоинствами и недостатками, а увиденный «сквозь магический кристалл» вдохновения воплощённый образ «гения чистой красоты».

Вообще говоря, письма Пушкина к Керн и о Керн, кроме первых двух (от 21 и 25 июля 1825 года), прямого отношения к сочинению стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» не имеют. Они лишь позволяют судить о том, что у поэта образ Керн был связан с ярчайшими воспоминаниями и чувствами, способными вдохновлять на творчество.

В письме от 21 июля 1825 года Пушкин упоминал, что пишет много стихов. Он очень вдохновенно и плодотворно работал тогда над трагедией «Борис Годунов» и писал Н.Н. Раевскому (младшему): «Покамест я живу в полном одиночестве: единственная соседка, у которой я бывал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме старушки-няни и моей трагедии; последняя продвигается, и я доволен этим. <...> Чувствую, что душа моя совсем созрела; я могу творить»⁴⁷.

«Борис Годунов» был, конечно, не единственным произведением, над которым работал великий поэт летом 1825 года. Одно из стихотворений того периода можно связать с именем А.П. Керн. Существует хорошо обоснованная версия, что к ней обращено известное восьмистишие «Всё в жертву памяти твоей...»⁴⁸, помеченное в автографах «1825 Тригорское 22» и «Тригорское 23 1825». Эти даты близки к тем дням, когда Пушкин писал Анне Петровне в июле, августе и сентябре. Да и по содержанию стихи можно отнести к ней:

*Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слёзы девы воспаленной,*

*И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточённого страданья.*

Возможно, впечатления от встреч с Анной Петровной в Тригорском в октябре 1825 года отразились и в последних двух строках стихотворения «Цветы последние милей»:

*Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.*

Пушкин, судя по письмам, с нетерпением предвкушал новую встречу с Керн, но, когда Анна Петровна в октябре приехала в Тригорское, они поссорились. Наполненная оживлённой перепиской разлука оказалась «живее сладкого свиданья»⁴⁹.

Нежная страсть поэта к А.П. Керн вскоре утихла, хотя иногда он всё ещё с нотой ревности относился к её успехам у мужчин. 7 мая 1826 года он писал А.Н. Вульф: «Что делает Вавилонская блудница Анна Петровна? Говорят, что Болтин очень счастливо метал против почтенного Ермолая Фёдоровича. Мое дело сторона, но что скажете вы? Я писал ей: вы пристроили ваших детей — это очень хорошо; но пристроили ли вы вашего мужа? Последнее гораздо более затруднительно». Речь в письме идёт, разумеется, об обычном светском флирте. Анна Петровна тогда была на позднем сроке беременности и ходила с большим животом, но оставалась прелестной, по словам сестры поэта Ольги Сергеевны, с которой Керн тесно сдружилась в Петербурге⁵⁰.

«Вавилонской блудницей» Пушкин назвал А.П. Керн, как справедливо писал Владимир Соловьёв, не всерьёз, а «в форме весёлого балагурства»⁵¹. Если бы поэт знал, что слова, мимолётом высказанные в частном письме, впоследствии

Алексей Николаевич Вульф.
Художник Н. Шаде.
1829–1833 гг.

«Вавилонской блудницей» Пушкин назвал А.П. Керн, как справедливо писал Владимир Соловьёв, не всерьёз, а «в форме весёлого балагурства»⁵¹. Если бы поэт знал, что слова, мимолётом высказанные в частном письме, впоследствии

любители покопаться в чужом грязном белье превратят чуть ли не в визитную карточку Анны Петровны, вряд ли он вообще написал бы их. К этому прибавляют грубую фразу Пушкина из написанного в марте 1828 года письма к С.А. Соболевскому, ухаживающему за Анной Петровной, о своей интимной близости с ней⁵². Фантастические подробности их эротических отношений на все лады смакуются в публикациях жёлтой прессы, помещённых в интернете. В итоге получается образ женщины лёгкого поведения, никак не подходящей на роль вдохновительницы шедевра «Я помню чудное мгновенье...».

Анна Петровна, конечно, таковой не была, как и не являлась ни образцом женской целомудренности, ни безупречной матерью. Ненавистного мужа она бросила в начале 1826 года, несмотря на беременность. Две её старшие дочери Екатерина и Александра воспитывались в лучшем женском учебном заведении Петербурга — Смольном институте благородных девиц, младшая дочь Ольга⁵³, названная в честь О.С. Пушкиной и её крестница, жила то с матерью, то у родственников и умерла от детской болезни в 1833 году.

А.П. Керн пережила немало искренних сердечных увлечений, среди которых и А.Н. Вульф, и С.А. Соболевский. Её положение соломенной вдовы давало поводы для грязных светских сплетен. Сын О.С. Пушкиной, в замужестве Павлицевой, Л.Н. Павлицев писал: *«Присущая Анне Петровне весёлость и врождённое, вполне, однако, добродушное, можно сказать, милое кокетство подавали зачастую пищу недоброжелательным, злым языкам, распускавшим об Анне Петровне ни на чём не основанные самые неправдоподобные слухи... Незлобная Анна Петровна сказала однажды Александру Сергеевичу и моей матери, как это сообщила мне последняя, следующие слова: "Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не вникнуть в мораль басни: «собаки лают, собаки отстают»? Совесть моя совершенно чиста: никому зла не делала, не делаю и делать не буду; зла не желала, не желаю и желать не стану, а кто не в мою пользу открывает широкий рот, тому от души прощаю да низко кланяюсь...»*⁵⁴. Это лучший ответ из уст самой Анны Петровны ушедшим в мир иной и современным любителям посплетничать о её интимной жизни.

Бюст А.П. Керн в Риге.
Скульптор Л. Ульмане. 1990 г.

с этой церковью и до наших дней не уцелел. Церковь стоит на берегу Даугавы в черте старой крепости (ул. Цитаделей). Анна Петровна была глубоко верующим человеком. Видимо, это свойство её души имело важное значение для автора бюста Лигиты Ульмане, изобразившей Керн с печально-задумчивым, молитвенным выражением лица.

Несмотря на все несовершенства и небезгрешность натуры, А.П. Керн оставалась обаятельной личностью. Её открытый нрав, лёгкое остроумие, музыкальность, эмоциональность, добродушие и отзывчивость вкупе с очаровательной внешностью помогали поддерживать многолетнюю дружбу с семьями Дельвигов, Пушкиных, Павлицевых, а также с Д.В. Веневиновым, М.И. Глинкой и многими другими умными

Как многие яркие личности, Керн донныне подвергается недоброжелательной критике одними людьми и вызывает уважение и восхищение у других. В Риге в 1990 году на средства Латвийского фонда культуры установлен бюст А.П. Керн к 180-летию со дня её рождения. Бюст находится у церкви Петра и Павла, которую она посещала, когда жила в Риге с мужем. Комендантский дом, где проживали супруги Керн, располагался рядом

Антон Дельвиг.
Рис. А.С. Пушкина
в альбоме Ел. Н. Ушаковой.
ПД № 1723. Л. 19

и интеллигентными людьми. В конце 1820-х годов она квартировала рядом с Дельвигами, и Антон Дельвиг в узком кругу с юмором называл её «женой № 2» и даже подарил экземпляр поэмы Баратынского «Бал» с подписью «Жене № 2 от мужа безномерного».

В 1828–1829 годах Анна Петровна часто общалась с А.С. Пушкиным, который нередко бывал у неё один или с друзьями, писал ей в альбом шуточные стихи и переводил с французского записанные туда чьи-то неуклюжие опусы вроде:

*Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он,
Я скажу тебе резон:
Невозможно!*

Квартира А.П. Керн в Санкт-Петербурге.
Неизв. художник. 1830-е гг.

По просьбе Керн Пушкин прислал ей на память о чтении им поэмы «Цыганы» в Тригорском отдельное издание этого произведения с церемонной надписью на обёртке: «Её Превосходительству А.П. Керн от Господина Пушкина, усердного её почитателя».

Обстановка в квартире Анны Петровны была такова, что иногда поэт сочинял при ней лирические стихи. Однажды, сидя на маленькой подножной скамеечке⁵⁵ хозяйки, Пушкин написал на каком-то листке стихотворение

«Приметы», которое потом внёс в альбом А.А. Олениной. Анне Петровне достался потрёпанный, исчерканный вдоль и поперёк черновик этих стихов, который у неё видел литератор А.И. Подолинский⁵⁶, посвятивший ей стихотворение «Портрет»:

*Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю: Гурия Пророка
С небес на землю сведена...⁵⁷*

На одном из вечеров у Дельвигов Пушкин спародировал две последние строки:

*Я мыслю: в день Ильи Пророка
Она была разведена...*

Анна Петровна тогда старалась всячески привлечь внимание Пушкина: однажды каталась с ним на лодке, подарила в знак благодарности за посвящённые ей стихи кольцо, приняла от него перстень в качестве ответного подарка. С ревностью писала она об ухаживаниях поэта за её кузиной Анной Олениной. Может, действительно была между Керн и Пушкиным та интимная связь, о которой поэт писал Соболевскому. Однако всё это отстояло очень далеко от ярких чувств к ней поэта, которые летом 1825 года способствовали рождению шедевра «Я помню чудное мгновение...».

Последующие годы принесли Керн не только много горя, испытаний, но и долгожданную любовь, верную и счастливую. Жила она в материально стеснённых обстоятельствах, потеряла мать, двух младших дочерей — Александру и Ольгу. Пережила Анна Петровна несколько сердечных драм, пока в конце 1830-х годов горячая любовь не связала её с троюродным братом Александром Васильевичем Марковым-Виноградским (1820–1879), за которого она вышла замуж в 1842 году, после смерти

А.В. Марков-Виноградский.
Фото 1860-х гг.

Е.Ф. Керна. Хотя муж был её на 20 лет моложе, он до самой смерти благоговел перед нею и очень любил. Его «Дневник» наполнен самыми нежными воспоминаниями:

«Я помню уют любви, где мечтала обо мне моя царица <...> где поцелуями пропитан был воздух, где каждое дыхание её было мыслью обо мне. Я вижу её улыбающуюся из глубины дивана, где она поджидала меня <...> Никогда я не был так полно счастлив, как на той квартире!» (25 марта 1850 года);

«Благодарю тебя, Господи, за то, что я женат! Без неё, моей душечки, я бы изныл скучая. Всё надоедает, кроме жены, и к ней одной я так привык, что она сделалась моей необходимостью! Какое счастье возвращаться домой! Как тепло, хорошо в её объятьях. Нет никого лучше, чем моя жена» (3 ноября 1849 года)⁵⁸.

Марковы-Виноградские жили в материальном отношении очень скромно: ни Александр Васильевич, ни позднее сын Александр Александрович, родившийся до заключения официального брака в 1839 году, не смогли сделать успешной карьеры, несмотря на свои таланты. Нужду помогали переносить тёплые отношения в семье. 9 января 1852 года Анна Петровна писала золовке Е.В. Бакуниной: *«Бедность имеет свои радости, и нам всегда хорошо, потому что в нас много любви. За всё, за всё благодарю Господа! Может быть, при лучших обстоятельствах мы были бы менее счастливы»⁵⁹.*

В старости, как многие люди, Анна Петровна была не лишена всяческих странностей и тщеславия. Об этом поведал миру В.Д. Рокотов, в доме которого Марковы-Виноградские жили в конце 1860-х годов. Перепечатывая рассказ Рокотова из журнала «Север» за 1892 год в «Историческом вестнике» за 1899 год, В. Тихонов замечает: *«Как видите, не особенно привлекательными красками г. Р-в рисует старушку А.П. Керн, а между тем посмотрите, как заботливо, бережливо и даже любовно относится к ней её муж, человек далеко ещё не старьей, во всех отношениях порядочный, умный и образованный. За что? Былая красота уже утрачена, прежнюю грацию сменило неряшество, изящную кокетливость — старческое брюзжание... Нет, надо полагать, что была в Анне Петровне какая-то внутренняя, духовная привлекательность... Одной красоты мало. Красотой можно увлечься, обезуметь от страсти,*

но страсть быстро гаснет, как только исчезнет красота. А Анну Петровну любили до самого преклонного возраста»⁶⁰.

**«Гений чистой красоты»:
Анна Керн, императрица Елизавета Алексеевна
или «Мадонна» Рафаэля? Образ или формула?**

В конце 1850-х — начале 1860-х годов А.П. Маркова-Виноградская написала и опубликовала очень ценные, интересные и достоверные, за исключением нескольких мелочей, мемуары об А.С. Пушкине, А.А. Дельвиге, В.Д. Веневитинове, М.И. Глинке и других выдающихся людях, с которыми свела её судьба. Стараясь быть до конца правдивой, она не скрыла одного обстоятельства, связанного с вручением ей А.С. Пушкиным стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» 19 июля 1825 года: *«Когда я сбиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, я не знаю»*.

В отличие от самой мемуаристки, пушкиноведы взялись на разные лады интерпретировать поведение Пушкина. Так, академик Н.Н. Скатов пишет: *«Сейчас с большой долей уверенности можно предположить, что же “промелькнуло тогда в голове поэта”. Не промелькнуло ли опасение, что эти стихи будут приняты Анной Петровной и другими за её портрет и “облик” и за историю их отношений? А ведь так и случилось. Иной раз стихотворение даже печатают под названием “А.П. Керн”⁶¹»*.

Такого же мнения придерживается и Н.В. Забабурова. Развивая совершенно справедливую мысль Б.В. Томашевского о неправомочности чисто биографической трактовки стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», она пишет: *«Может быть, и сам Пушкин, передавая Анне Керн свой дар, вдруг понял, что его стихотворение с этого момента получит иное, в сущности ложное и неполное, толкование, и потому усомнился и даже внутренне воспротивился своему порыву? Но было поздно. А стихи эти сделали из Анны Керн живую легенду, и пушкинская строчка “Я помню чудное мгновенье...” даже выбита на её надгробии»⁶²»*.

Представляется маловероятным, чтобы поэт во время прощания с очаровавшей его женщиной думал о толкова-

нии своего стихотворения читателями. Судя по его письму к Анне Николаевне Вульф от 21 июля 1825 года, в этот момент Пушкин был охвачен чувством досады, что не он, а Алексей Вульф поедет провожать А.П. Керн и её родственниц до ближайшей станции. Логичнее предположить, что поведение Пушкина объясняется своего рода кокетством «четырнадцатилетнего мальчика» и что он вырвал у Анны Петровны листок со стихотворением, чтобы заставить её подольше уговаривать его вернуть подарок и тем привлечь особое внимание к собственной персоне. В пользу этого говорит и сама форма преподнесения стихов среди неразрезанных листов первой главы «Евгения Онегина». Впрочем, наверняка утверждать это мы не берёмся.

Третья версия заключается в том, что стихи попали к Анне Петровне случайно и предназначались другому адресату.

С.Г. Ржеутский в рамках версии о «потаённой любви» Пушкина к императрице Елизавете Алексеевне Романовой, супруге Александра I, пишет: «Елизавету Алексеевну с ходу влюблявшийся Пушкин-лицеист впервые увидел в Царскосельском парке⁶³. И был поражён её красотой <...> Прошли годы <...> Создано “Чудное мгновенье”. Его Пушкин считал всплеском чистого и красивого юношеского чувства и после него не написал больше ни одного посвящения своей тайной любви. Он тщательно скрывал подлинного адресата своего посвящения, поскольку, узнай об этом общество или Александр I, последствия могли оказаться самыми печальными.

При краткой встрече Александра Пушкина с Анной Керн в Михайловском⁶⁴, куда она заехала, оригинал стихотворения случайно оказался в её руках. Она долго упрасивала

Императрица
Елизавета Алексеевна.
Неизв. художник с портрета
Л. Виже-Лебрён

Пушкина отдать ей это “любовное послание”, хотя оно не имело к ней никакого отношения. Поэт готовился передать сложенный вчетверо лист бумаги, вложенный в только что увидевшую свет первую главу “Евгения Онегина” (своё необычное послание) лично Елизавете Алексеевне, которая должна была проезжать в Таганрог через Псковскую губернию и на почтовой станции Опочка остановиться на моление. Накануне Карамзин прислал Пушкину письмо, в котором сообщал о том, что Елизавета Алексеевна очень заинтересуется его новыми произведениями⁶⁵.

Но всё расстроила Керн. Пушкин поступил правильно, отдав это стихотворение своей гостье. Если оно посвящено не Керн, размышлял он, то кому же? Начнут докапываться, что-де и как-де, а в литературных кругах и салонах быстро сплетут интригу...»⁶⁶.

Рассуждения С.Г. Ржеутского совершенно неубедительны и даже несколько наивны. В его версии поведение Пушкина выглядит, по меньшей мере, странным. Для чего и от кого было поэту прятать листок со стихотворением, где имя адресата не указано, в неразрезанный экземпляр своей поэмы? Неужто чтобы тут же «случайно» подхватить его и преподнести А.П. Керн? Зачем вообще было заранее, почти за два месяца до предполагаемой встречи готовить «послание» к Елизавете Алексеевне, которая останавливалась на станции Ашево близ Святогорского монастыря 6 сентября 1825 года? Серьёзно больная императрица во время своего переезда никого не принимала, кроме самых приближённых особ. Отношения Пушкина с нею вовсе не были близкими. Вряд ли опального поэта допустили бы к ней. 6 сентября довольная спокойной обстановкой Елизавета Алексеевна писала своей матери: «Никаких визитов, никаких записок, на которые нужно отвечать, никого, кто бы постоянно отвлекал по пустякам»⁶⁷. Ни прямых, ни косвенных свидетельств о встрече Пушкина и Елизаветы Алексеевны во время её путешествия в Таганрог не имеется.

Наивны рассуждения С.Г. Ржеутского и о возможных интригах в литературных салонах по поводу адресации стихотворения к Елизавете Алексеевне и грозной реакции на это Александра I, как и предположение о том, что императрица не только была поклонницей творчества влюблённого в неё Пушкина, но и «тоже его тайно любила».

Сторонницей адресации стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» к Елизавете Алексеевне является увлѣкшаяся пушкиноведением писательница К.П. Викторова⁶⁸. Она пытается доказать, что императрица Елизавета Алексеевна была «утаѣнной любовью» Пушкина, причѣм её образ нашѣл самое широкое отражение в произведениях поэта. В рамках этой версии Викторова относит стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» к Елизавете Алексеевне, указывая на его связь со стихами «К ней», по мнению писательницы, тоже обращѣнными к императрице. Других обоснований своего утверждения Викторова не приводит, строя аргументацию на неубедительном доказательстве, что к Анне Керн стихи не имеют никакого отношения. Вся работа написана как бы в пику исследованиям «академистов». Комментируя ситуацию при вручении стихотворения Анне Керн, писательница без тени сомнения пишет: *«Нашла вчетверо сложенный листок и сказала: “Это мне подарок, спасибо”. “Но позвольте!” — вот что хотел сказать Пушкин»*.

Викторова склонна каждую строчку стихотворения трактовать буквально, с примитивно-биографической точки зрения. Например, к стиху *«Рассеял прежние мечты»* её пояснение таково: *«Что же, Пушкин непрерывно с 1819 года о ней (т.е. о Керн) “мечтал”?»*. В «доказательствах» писательницы вообще содержится множество грубых ошибок и неточностей⁶⁹, необоснованных атрибуций⁷⁰ и прочих перлов.

Императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826), урождѣнная принцесса Луиза-Мария-Августа Баденская, на самом деле была очень красивой и достойной, хотя и небезгрешной по молодости женщиной с нелѣгкой судьбой. В 1810-е годы она выглядела весьма моложавой и привлекательной, при посещениях Царскосельского лицея очень непринуждѣнно и приветливо обращалась с юными лицеистами и известными профессорами, умея каждому сказать доброе слово. В лицейские и первые послелицейские годы поэт был очарован ею, как, впрочем, и несколькими другими светскими дамами бальзаковского возраста.

Сложное, почти опальное положение Елизаветы Алексеевны при дворе и её смиренное поведение привлекали к ней внимание оппозиционно настроенной интеллигенции. В 1818 году А.С. Пушкин посвятил императрице стихотворение «На лире скромной, благородной...», заканчивающееся такими строками:

*Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Кастилийский ток шумел,
Я, вдохновлённый Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламенённую душой
Я пел на троне добродетель
С её приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

Публикуя стихи в 1819 году в 10-й книге журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», поэт дал им церемонное название: «Ответ на вызов⁷¹ написать стихи в честь Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны». На наш взгляд, здесь речь идёт не об «утаённой любви»⁷² Пушкина, а, скорее всего, о благоговейном поклонении и восхищении императрицей.

Стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» не имеет отношения к императрице Елизавете Алексеевне прежде всего потому, что сохранились автографы А.С. Пушкина, где поэт сам явно указал имя адресата своего шедевра — Анны Петровны Керн. Это два написанных рукой поэта перечня его стихотворений для двухтомного собрания сочинений, вышедшего в 1829 году. Перечни происходят из собрания Л.Н. Майкова, ныне хранящегося в Пушкинском доме⁷³. Первый список Пушкин сделал на оборотной стороне чернового автографа стихотворения «Ещё дуют холодные ветры...», датируемого маем-июнем 1828 года. Там стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» обозначено так: 4 — Кернь.

Смысл значков, которыми в этом списке поэт пометил каждое стихотворение, раскрыл Б.В. Томашевский в своей книге «Пушкин», вышедшей в Ленинграде в 1925 году. Знак «—» Пушкин поставил перед названиями лирических стихотворений. Послания и посвящения он пометил иначе. Таким образом, поэт сам указал жанр своего шедевра.

Второй перечень стихов написан карандашом на обороте чернового письма к А.Х. Бенкендорфу от 27 апреля 1827 года. Девятым по счёту значится произведение «к Кернь А.П.К.», в котором нельзя не видеть стихотворение

«Я помню чудное мгновенье...», опубликованное в 1829 году во 2-м томе издания сочинений Пушкина. Списки были составлены поэтом для себя, поэтому исключена возможность намеренного изменения им адресатов стихотворений.

Итак, вдохновительницей и адресатом стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»), несомненно, является Анна Петровна Керн, несмотря на все её несовершенства. Однако не следует забывать, что это произведение является именно лирическим стихотворением, увенчавшим многолетние творческие искания поэта, а не посланием, посвящением или мадригалом. Его нельзя трактовать просто как стихотворное признание в любви.

Как ни странно, авторы многих публикаций, посвящённых А.П. Керн и стихотворению «Я помню чудное мгновенье...», либо забывают, либо просто не знают о существовании двух авторских перечней поэта, где он явно указал имя своей вдохновительницы. Так, Э.С. Лебедева считает: *«Легендарной трактовкой отношений А.С. Пушкина и А.П. Керн мы обязаны самой Анне Петровне. Это она побудила в 1827 году А.А. Дельвига напечатать посвящённое ей стихотворение в альманахе “Северные цветы”, а спустя 22 года после смерти великого поэта опубликовала свои воспоминания, из которых читатели в конечном счёте и узнали, что <стихи> “Я помню чудное мгновенье...” адресованы ей»*.

Далее автор пишет об использовании образа «Гения чистой красоты» из стихотворения В.А. Жуковского «Лалла Рук», обращённого к императрице Александре Фёдоровне: *«Пушкин, цитируя “гения чистой красоты”, посягнул на одну из литературных масок императрицы... Переадресовка литературной маски более чем известного лица была со стороны Пушкина, во-первых, некоторой дерзостью, а во-вторых, содержала намёк на вторичность адресата»⁷⁴*.

Рассуждения эти некорректны уже потому, что «литературной маской» императрицы Александры Фёдоровны была, как следует из переписки современников, «Лалла Рук», а не «Гений чистой красоты». В упомянутой статье Э.С. Лебедевой имеется ряд других неточностей⁷⁵, приведших автора к сомнительным выводам.

К сожалению, даже академик Н.Н. Скатов не учитывает два собственноручных перечня поэта, где он указал

Рафаэль Санти.
Сикстинская Мадонна

имя А.П. Керн как адресата своего шедевра «Я помню чудное мгновение...». Подчёркивая связь «Гения чистой красоты» в пушкинском шедевре и в написанных ранее произведениях В.А Жуковского, прежде всего в статье «Рафаэлева Мадонна», уважаемый учёный приходит к выводу: «в поэзии Жуковского “гений чистой красоты” — лишь бесплотный символ вдохновения, знак появления только поэзии и потому обескровливающий её саму. В этом смысле Пушкин явно больше, чем стихам Жуковского, обязан его статье: ведь за нею — Рафаэль...».

Н.Н. Скатов вполне справедливо замечает: «В стихах Пушкина создан образ, родственный “Сикстинской Мадонне”». Однако, увлечшись своей идеей, он это родство интерпретирует слишком буквально: «“Гений чистой красоты” в пушкинских стихах — не Керн. Стихи написаны, так сказать, безотносительно к Керн... “К ***” в данном случае вовсе не условный знак, не обычное для Пушкина деликатное сокрытие определённого лица. Здесь есть обращение к столь высокому, небесному и необъятному, что не может и не должно быть определено в обычном смысле. <...> В стихах Пушкина есть обращение к бесконечности, “К ***”, к “Мадонне” Рафаэля, никогда Пушкиным не виденной, но угаданной⁷⁶. <...> Так что это пушкинское произведение создано не на тему Анны Петровны, а на тему “Сикстинской Мадонны” и есть не результат мгновенного порыва, а итог долгого пути»⁷⁷.

Анне Петровне Керн Н.Н. Скатов отводит роль «повода» для сочинения стихотворения «Я помню чудное мгновение...»: «А что же Анна Петровна Керн? Ни при чём? Конечно, очень при чём. Важно, что в этот момент, в труд-

ную минуту, она оказалась рядом, что было живое, неподдельное увлечение, что всё на нём замкнулось, что оно было искрой, взметнувшей пламя гениального произведения. И всё же она была лишь поводом, который помог вызвать образ великого видения в пору душевного пробуждения поэта...»⁷⁸.

С таким заключением нельзя согласиться в полной мере. Яркие впечатления Пушкина от встреч и общения с А.П. Керн, испытанное им сильное чувство к ней действительно помогли образам (но не конкретно «Мадонне» Рафаэля), многие годы созревавшим в творческой «лаборатории» поэта, оформиться и воплотиться в гениальные стихи. В них форма и содержание находятся в такой изумительной гармонии, когда, выражаясь языком философии, содержание оформлено, а форма содержательна в полном смысле слов. Так что А.П. Керн была не просто «поводом», а подлинной вдохновительницей пушкинского шедевра.

Тем не менее не следует отождествлять реальную А.П. Керн с «Гением чистой красоты», ведь поэт прямо так её не называет, а даёт этот образ в сравнении с её явлением как вдохновительницы, в самый момент явления воплотившей в себе идеал духовной и телесной красоты.

Образ «Гения чистой красоты» у Пушкина не прост, он воспринимается в контексте стихов во многом субъективно, на уровне подсознания, поэтому его нелегко объяснить словами. У пушкиноведов нет единства мнений на этот счёт. В конце XIX века, исследуя связь стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина и «Лалла Рук» Жуковского, Н.И. Черняев пришёл к выводу, что «Пушкин творил самостоятельно, а не подражал Жуковскому». Резюме этого автора подкупает искренней восторженностью и поэтичностью: «“Я помню чудное мгновенье...” — одно из гениальнейших стихотворений Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности стиха, по изяществу формы, по глубине содержания, возвышенности и искренности чувства. <...> Под обаянием красоты в поэте пробуждались и ярко сказывались и религиозное чувство с его высокими порывами, и художественное творчество, и способность жить самой полной жизнью, и способность плакать благодатными слезами счастья и любви»⁷⁹.

В советский период атеистическое мировоззрение накладывало соответствующий отпечаток на суждения учёных.

В начале 1940-х годов исследователь В.В. Виноградов писал: «В стихотворении “Я помню чудное мгновенье...” Пушкин воспользовался символикой Жуковского, спустив её с неба на землю, лишив её религиозно-мистической основы»⁸⁰.

Почти такое же мнение высказывал в конце 1950-х годов Н.Л. Степанов: «“Гений чистой красоты” у Пушкина — земной, реальный, в нём нет ничего сверхъестественного... Пушкинское послание противостоит своей земной, чувственной страстностью серафической поэзии Жуковского»⁸¹. Однако трудно выдержать чисто материалистический тон, когда речь идёт о поэтическом вдохновении, и тот же автор пишет: «“Гений чистой красоты” — это и видение поэта, и в то же время облик прекрасной женщины, пронесённый им через долгие годы жизненных бурь и волнений. <...> Пушкин стремился образом “Гения чистой красоты” оттенить чистоту, непосредственность поэтического вдохновения...”⁸².

Нередко образ «Гения чистой красоты» называют «формулой». К примеру, Б.В. Томашевский считал: «Пушкин воспользовался формулой Жуковского, хотя и не для того, чтобы воспроизвести поэтическую философию Жуковского, а чтобы возвести воспеваемый образ на высоту, равную по чистоте лирическим образам Жуковского»⁸³. Похожее мнение высказывал также Н.Н. Скотов: «Пушкин усвоил формулу Жуковского и уже в стихах изобразил неизобразимое: явленное чудо, пролетевшее видение»⁸⁴.

На наш взгляд, слово «формула» в этих суждениях неудачно, хотя и очевидно, что авторы придают ему совсем не такое значение, как в точных науках. Поэзия живёт не формулами, а образами, хотя форма их выражения исключительно важна. Ритмическое построение строф, стихотворный размер, точность и последовательность рифм, ёмкие метафоры и эпитеты, гармония звуков — всё это помогает поэту высказать невыразимое словами и воспринимать подсознательно, то есть сердцем, а не рассудком. Без поэтических образов сочинение стихов превращается в рифмоплётство. «Гений чистой красоты» и у Пушкина, и у Жуковского — это образ, а не формула.

В приведённых цитатах слово «формула» можно было бы легко заменить, например, словосочетанием «поэтическая находка», и содержание бы от этого только выиграло.

Однако сам по себе «формульный» подход к поэзии не столь безобиден и может привести к неточному пониманию поэтических образов. Так, Ю.М. Лотман писал: *«Искреннее чувство Пушкина к А.П. Керн, когда его надо было выразить на бумаге, характерно трансформировалось в соответствии с условными формулами любовно-поэтического ритуала. Будучи выражено в стихах, оно подчинилось законам романтической лирики и превратило А.П. Керн в “гений чистой красоты” (то, что Пушкин воспользовался здесь цитатой из стихотворений Жуковского <...> лишний раз подчёркивает литературную условность этого образа)»⁸⁵.*

Следуя такой логике, видный учёный приходит к странному выводу, что в письме от 28 августа 1825 года *«Пушкин нашёл более яркую и индивидуальную, чем в стихах, формулу того, что связывало его с Керн: “Ненависть к преградам, сильно развитый орган полёта”»⁸⁶.* Образы «миломётного видения» и «гения чистой красоты», несомненно, гораздо точнее, ярче и прекраснее, чем приведённые слова из письма.

Другой разновидностью «формульного» подхода к стихотворению *«Я помню чудное мгновенье...»* является приписывание образам узкого символического значения. Стремясь исполнить своего рода социальный заказ советского периода и показать, что лирика Пушкина не связана с религиозной сферой, А.И. Белецкий так «дешифрует» поэтический язык великого поэта: *«Божество — это искусство, пророк божий — это поэт; алтарь — это его рабочий стол, а молитва — сладкие звуки его слов, подчинённых метру и ритму»⁸⁷.* «И божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слёзы, и любовь» Белецкий относит сугубо к области художественного творчества и приходит к заключению: *«Любовная тематика в данном стихотворении явно подчинена другой, философско-психологической тематике, и основной его темой является тема о разных состояниях внутреннего мира поэта в соотношениях этого мира с действительностью».* Он считал, что стихотворение не следует включать в любовную лирику Пушкина, а биографический комментарий для его восприятия не важен. Дальнейший вывод А.И. Белецкого резко сужает поэтическое пространство пушкинского шедевра: *«Совершенно второстепенным нам представляется имя реальной женщины, которая вознесена затем на высоту поэтического создания, где реальные*

черты её исчезли, а сама она стала обобщением, ритмически упорядоченным словесным выражением некоей общей эстетической формы».

В такой «общей эстетической форме» исчезает всё очарование, вся сила духовного воздействия стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Не случайно Б.В. Томашевский, соглашаясь с А.И. Белецким в частности, не полностью принимает его заключение и пишет, что «любовь представлена в стихотворении не на равных правах с вдохновением, слезами и прочим. Всё-таки это основная тема стихотворения, определяющая его сюжет... Недаром оно в самом заголовке ("К ***) адресовано любимой женщине, хотя бы и не названной, хотя бы и изображённой в отвлечённом и обобщённом образе идеальной женщины. <...> она <Керн> своевременно явилась, и Пушкин не столько вспомнил, сколько забыл всё, что знал о ней, ослеплённый её обликом. И чувство любви завершило полноту пробуждения: за божеством, вдохновением, слезами явилась всё венчающая любовь»⁸⁸.

Пушкинисты в своём большинстве с выводами Белецкого также не согласны. В качестве типичного примера приведем мнение Н.Л. Степанова: «В этом стихотворении слились в нерасторжимом единстве факты биографии поэта, его чувства и переживания с описанием творческого вдохновения, посетившего поэта»⁸⁹.

Резюме

Лирическое стихотворение «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») увенчало многолетние творческие поиски Пушкина на тему, поднятую в ранних произведениях «Наслаждение», «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»), «Возрождение», о пробуждении души и возвращении вдохновения под влиянием мимолётного явления красоты и чувства любви.

Пушкин развил и довёл до совершенства образы мимолётного явления прекрасного и «Гения чистой красоты»⁹⁰, найденные В.А. Жуковским в стихотворениях «Лалла Рук», «Явление Поэзии в виде Лалла Рук», «Я Музу юную, бывало...» и, прежде всего, в эссе «Рафаэлева Мадонна». Сохранившийся черновик последних трёх строф стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» свидетельствует о

том, что великий поэт не подражал В.А. Жуковскому, а как бы заново открыл эти образы, придал им более совершенное звучание, возвышающее земную красоту до красоты небесной, духовной, но при этом не теряющей своего земного очарования.

Адресатом и вдохновительницей стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») является Анна Петровна Керн. Это подтверждается биографическими фактами двух встреч с нею в 1819 и 1825 годах и вручением ей автографа в Тригорском 19 июля 1825 года, а также записями рукой самого Пушкина названия стихотворения «Кернь» и «к Кернь А.П.К.» в двух черновых перечнях произведений, предназначенных для публикации в двухтомнике, вышедшем в 1829 году.

Предположение С.Г. Ржеутского и К.П. Викторовой об адресации стихотворения к императрице Елизавете Алексеевне, в пользу которого авторы приводят неубедительные косвенные аргументы, полностью опровергается данными фактами.

Условные обозначения в списках «Кернь» и «к Кернь А.П.К.» Пушкин сделал исключительно для себя, вероятно, чтобы не путать стихотворение с другими, имеющими название «К ***». В подаренном А.П. Керн автографе, судя по известному списку, стихотворение названо «К ***», как и в двух прижизненных публикациях, поэтому не следует публиковать его под названиями «Кернь», «К А.П. Керн» и подобными таковым.

Значок, проставленный Пушкиным в одном из списков, подтверждает, что это именно лирическое стихотворение. Не следует считать стихи «Я помню чудное мгновенье...» посланием, посвящением или любовным признанием, хотя любовь, венчающая пробуждение души, вдохновляющая на творчество и рождающая ощущение полноты жизни, является ведущей темой.

Противоречивые высказывания Пушкина об Анне Петровне Керн в письмах к ней и о ней, написанных после её отъезда из Тригорского, перипетии их дальнейших отношений, равно как и её двусмысленное положение в светском обществе, порождавшее осуждение и сплетни, не имеют существенного значения для атрибуции и восприятия стихотворения «Я помню чудное мгновенье...».

Возвышенный, опоэтизированный образ вдохновительницы стихотворения перекликается с образом Богоматери в эссе Жуковского «Рафаэлева Мадонна». Однако это не даёт основания утверждать, что название «К ***» предполагает обращение к Мадонне.

Неприемлема как чисто биографическая, так и совершенно отвлечённая от событий жизни Пушкина трактовка стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Для его глубокого понимания важны и связанные с историей написания факты биографии Пушкина, в частности его встречи и общение с А.П. Керн, и знание преемственности ключевых поэтических образов с многолетними творческими поисками великого поэта и произведениями Жуковского «Рафаэлева Мадонна», «Лалла Рук», «Я Музу юную, бывало...», и учёт философско-психологического подтекста об изменении состояния внутреннего мира лирического героя. Помимо такого вдумчивого прочтения стихотворения для увлечённого читателя не менее важно интуитивное восприятие пушкинского шедевра сердцем, а не рассудком, позволяющее насладиться им в полной мере.

Ссылки и комментарии

¹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. — М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. — Т. 2. — С. 595–603. (Комментарий О.Б. Лебедевой.)

² Подробнее см. там же.

³ Сочинения В.А. Жуковского / Под ред. П.А. Ефремова. — СПб.: Издание И.И. Глазунова, 1878. — Т. 5. — С. 325–327.

⁴ Скотов Н.Н. Пушкин. Русский гений. — М.: Классика, 1999. — С. 365.

⁵ Сочинения В.А. Жуковского / Под ред. П.А. Ефремова. — Т. 5. — С. 327–328.

⁶ Там же. — С. 465–469. Авторская цитата из стихотворения «Лалла Рук».

⁷ Скотов Н.Н. Пушкин. Русский гений. — С. 368.

⁸ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. — Т. 2. — С. 623. (Комментарий А.С. Янушкевича.)

⁹ Там же. — С. 600.

¹⁰ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные рукописи. — М.–Л.: Academia, 1935. — С. 490–492.

¹¹ Письма цитируются по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949. —

Т. 10. — С. 75, 32. «Тристрам Шанди» — название романа известного английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

¹² Имя вдохновительницы этих стихов достоверно неизвестно. Комментаторы связывают их с Екатериной Бакуниной, с императрицей Елизаветой Алексеевной и другими.

¹³ Это стихотворение впервые опубликовано в «Невском альманахе» на 1828 год, спустя 9 лет после написания.

¹⁴ *Городецкий Б.П.* Лирика Пушкина. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1962. — С. 296–299.

¹⁵ Подробнее об этом романе, пометках Пушкина в его тексте и их связи с перепиской поэта и А.П. Керн см.: *Вольперт Л.И.* Пушкин в роли Пушкина. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

¹⁶ *Вацуро В.Э.* Избранные труды. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 343.

¹⁷ Первым браком Прасковья Александровна была замужем за Николаем Ивановичем Вульфом, родным братом матери А.П. Керн Екатерины Ивановны Полторацкой, урождённой Вульф.

¹⁸ Елизавета Марковна Оленина (1768–1838) приходилась родной сестрой отцу А.П. Керн Петру Марковичу Полторацкому (1775 — после 1851).

¹⁹ Здесь и ниже «Воспоминания» А.П. Керн цитируются по изданию: *Керн А.П. (Маркова-Виноградская).* Воспоминания, дневники, переписка. — М.: Правда, 1989.

²⁰ В оригинале фраза на французском языке: «Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspic?»

²¹ В оригинале фразы на французском языке: «Pardonnez ma franchise» и «Je tiens beaucoup à votre opinion».

²² О трогательном впечатлении от внешности А.П. Керн писал в дневнике А.В. Никитенко: «...меня больше всего привлекла в ней трогательная томность в выражении глаз, улыбке, в звуках голоса» (*Никитенко А.В.* Записки и дневники 1826–1877 годов. — СПб., 1893. — Т. 1. — С. 225–226).

²³ Это письмо было отправлено только 3 августа 1825 года.

²⁴ Известный романс М.И. Глинки на первые три строфы этого стихотворения тогда ещё не был написан.

²⁵ Строки из «Венецианской ночи» И.И. Козлова, перекликавшиеся с настроением Пушкина после расставания с А.П. Керн, таковы:

*Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Иступленного певца?*

*Нет её: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живёт одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит серебристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.*

²⁶ Джорж Гордон Байрон познакомился с блистательной Терезой Пвичьоли в апреле 1819 года в Италии. Он посещает Терезу в доме её отца в Равенне, затем следует за нею в Болонью. В сентябредиабре 1819 года влюблённые жили на вилле близ Венеции, затем переехали в Равенну. Их любовь не могла увенчаться браком: Байрон не был официально разведён со своей женой Аннабеллой Мильбенк. Под влиянием отца и братьев Терезы Байрон в 1819–1822 годах включился в освободительную борьбу карбонариев. 18 апреля 1824 года великий английский поэт скончался от болезни (лихорадки) в Греции, где принимал деятельное участие в национально-освободительной борьбе народа.

²⁷ В оригинале фраза по-французски: «Vous aviez un air si virginal; n'est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?»

²⁸ А.П. Керн запомнила: тогда в свет вышла только 1-я глава романа «Евгений Онегин».

²⁹ Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. — Л.: Лениздат, 1989. — С. 195.

³⁰ Стихи показала А.А. Дельвигу сама Анна Петровна, которая, окончательно разъехавшись с мужем, поселилась в Петербурге и подружилась с ним и его семьей. Дельвиг писал Пушкину 15 сентября 1826 года: «Между тем, позволь мне завладеть стихами к Анне Петровне...».

³¹ Черняев Н.И. Послание «К А.П. Керн» Пушкина и «Лалла Рук» Жуковского // Критические статьи и заметки о Пушкине. — Харьков, 1900. — С. 33–64.

³² ПД № 68. Автограф описан в изданиях: Сочинения Пушкина. — Издание Императорской академии наук. — Петроград, 1916. — Т. IV. — С. 40–41, 59–60, 286–287; Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. — М.: Воскресение, 1994. — Т. 2. — Кн. 2. — С. 900–901.

³³ На этом же листе и на его обороте поэтом сделаны черновые наброски «Расходились по поганскому граду...» и «Короче дни, а ночи доле...»:

*Настала зимняя пора <скучная> пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранный поле...*

Последний отрывок является началом переложения сказки Вольтера о рыцаре, возвращавшемся домой из Рима. Описанный пейзаж не может служить основанием для датировки стихотворения зимним периодом, поскольку логика «пишу о том, что вижу за окном» в данном случае неприменима. Кроме того, эти наброски сделаны не одновременно с набросками стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», так как чернила поэт использовал другие и писал на листе в противоположном направлении.

³⁴ Майков Леонид Николаевич (1839–1900), видный исследователь истории русской литературы, издатель и коллекционер, магистр словесности (1863), академик (1882) и вице-президент (1893) Императорской академии наук.

³⁵ *Томашевский Б.В.* Пушкин. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1961. — Кн. 2. — С. 74.

³⁶ Романс «Я помню чудное мгновенье...» закончен М.И. Плиной в 1840 году и посвящен дочери А.П. Керн Екатерине Ермолаевне, которой композитор был столь серьезно увлечён, что намеревался на ней жениться. Долгая болезнь невесты и затянувшийся развод Плины с первой женой помешали этому браку. Приведённый отрывок из воспоминаний А.П. Керн вкуче с воспоминаниями Л.Н. Павлищева, который со слов своего отца Н.И. Павлищева писал об исполнении романса «Я помню чудное мгновенье...» самим М.И. Плиной в их доме в начале 1830-х годов, позволяет предположить, что существовали ранние редакции этого романса.

³⁷ Дашков Павел Яковлевич (1849–1910), известный коллекционер гравюр, рукописей, портретов и редких книг.

³⁸ П.Я. Дашков приписывал Пушкину также два автографа стихотворений Дельвига в альбоме А.П. Керн: «Там, где Семёновский полк...» и «Я в Курске, милые друзья...». Вторая запись была сделана не самим Дельвигом, а Львом Сергеевичем Пушкиным, имевшим сходный почерк с почерком брата. В конце XIX — начале XX века было опубликовано много подделок рукописей А.С. Пушкина, раскрытых в брошюре П.А. Ефремова «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях» (СПб.: Издание Суворина, 1903). Среди них упомянут ещё один поддельный автограф стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», воспроизведённый в журнале «Русская мысль», книга IV, за 1900 год: *«Нет ни малейшего сомнения, что это подделка и притом самая грубая. Почерк нисколько не похож на пушкинский, а стихотворение составлено отчасти по пушкинским стихам. Из характерных букв Пушкина нет ни одной, хуже всего подделана подпись».*

³⁹ Сочинения А.С. Пушкина / Под ред. П.А. Ефремова. — СПб.: Издание А.С. Суворина, 1905. — Т. VIII. — С. 221–222.

⁴⁰ 19 июля 1825 года пришлось на воскресенье.

⁴¹ *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. — С. 191.

⁴² Там же. — С. 194.

⁴³ *Синовский В.В.* Пушкин. Жизнь и творчество. — СПб., 1907. — С. 238–239.

⁴⁴ См., например: *Панфилов Д.Г.* Анна Петровна Керн, которую мы не знали // А.С. Пушкин в Москве и Подмосковье: Материалы IX Пушкинской конференции 16–17 октября 2004 года. — Большие Вязёмы: ГИЛМЗ А.С. Пушкина, 2005. — С. 215–233.

⁴⁵ Речь идёт об Анне Николаевне Вульф, которая к тому времени уже вернулась в Тригорское вместе с матерью.

⁴⁶ Редким примером противоположного мнения среди известных литературоведов является рассуждение В.Э. Вацуро: «*Современный читатель, знающий биографию Пушкина, вычитывает в его стихах к Керн («Я помню чудное мгновенье...») историю пылкой и трогательной любви, — но в них этой истории нет; они — лишь мадригал, написанный рукой гениального мастера... мастерская аранжировка общего лирического сюжета, — кстати, того же самого, что в интересующих нас сейчас стихах Дельвига»* (Вацуро В.Э. Избранные труды. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 343). В конце цитаты речь идет о стихотворении А.А. Дельвига «О, сила чудной красоты!».

⁴⁷ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 10. — С. 174–176.

⁴⁸ Подробнее см.: *Громбах С.М.* «Всё в жертву памяти твоей» // *Временник Пушкинской комиссии.* — Л.: Наука, 1989. — Вып. 23. — С. 98–102.

⁴⁹ Там же. — С. 103–105.

⁵⁰ Эти слова передала Пушкину в письме от 2 июня 1826 года Анна Николаевна Вульф, которая об отношениях А.П. Керн и О.С. Пушкиной в тот период писала: «Они в восторге друг от друга».

⁵¹ *Соловьев В.С.* Судьба Пушкина // *Пушкин в русской философской критике.* Конец XIX — первая половина XX века. — М.: Книга, 1990. — С. 21.

⁵² К примеру, Б.Л. Модзалевский считал, что «в данном случае Пушкин написал это для красного словца, отвечая Соболевскому в духе и стиле его писем» (*Модзалевский Б.Л.* Анна Петровна Керн // *Пушкин.* Библиотека великих писателей / Под ред. С.А. Венгерова. — СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1909. — Т. III. — С. 599).

⁵³ Несмотря на высказываемые иногда мнения, базирующиеся на словах Е.Ф. Керн в одном из писем, Ольга была его законной дочерью: она родилась в середине июля 1826 года доношенным ребенком, следовательно, беременность наступила в октябре 1825 года (едва ли не в Тригорском), когда супруги Керн примирились. Раннюю смерть девочки нет оснований связывать с недосмотром или небрежным отношением матери, поскольку смертность от детских болезней имела даже в царской семье,

которую пользовали лучшие медики. Редким семьям выпадало счастье воспитать всех родившихся детей. Для этого надо было обладать не только хорошей наследственностью, но и особым материнским даром. Им в полной мере обладала жена А.С. Пушкина Наталья Николаевна, вырастившая десятерых детей: четверых от первого брака, троих от второго брака и троих племянников Петра Петровича Ланского, оставшихся в малолетстве сиротами. А.А. Оленина, на которой Пушкин мечтал жениться в 1828 году, вышедшая замуж за Ф.А. Андро, потеряла в результате тяжелых родов первенца, остальные четверо её детей прожили долгую жизнь. Удивительна интуиция А.С. Пушкина, выбиравшего в качестве невест таких женщин.

⁵⁴ Семейные предания Пушкиных. — СПб.: Пушкинский фонд, 2003. — С. 133.

⁵⁵ Эта скамеечка теперь находится в экспозиции кабинета Пушкина в Михайловском.

⁵⁶ Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998. — Т. 2. — С. 134.

⁵⁷ В этом стихотворении интересно описание внешности А.П. Керн:

*Коса и кудри тёмно-русы,
Наряд небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лета сочетанье
В живом огне её очей
Рождают негу и желанье
В груди тоскующей моей.*

⁵⁸ Керн А.П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Дневники. Переписка. — С. 361–362, 367–368.

⁵⁹ Там же. — С. 316.

⁶⁰ Тихонов В. Анна Петровна Керн и романс «Я помню чудное мгновенье...» // Исторический вестник. — 1899. — № 5. — С. 616.

⁶¹ Скатов Н.Н. Пушкин. Русский гений. — С. 362.

⁶² Забабурова Н.В. «И слезы, и любовь...». Анна Петровна Керн (1800–1879) // Культура. — 2000. — № 9 (39).

⁶³ На самом деле впервые императрицу Елизавету Алексеевну лицеист Пушкин увидел на акте открытия лица 19 октября 1811 года.

⁶⁴ В действительности Анна Керн около месяца гостила, как известно, не в Михайловском, а в Тригорском.

⁶⁵ Речь идёт о письме императрицы Елизаветы Алексеевны к Н.М. Карамзину от 23 февраля 1825 года, в котором она благодарит его за посылку новой поэмы Пушкина, скорее всего, первой главы «Евгения Онегина», чтение которой доставило ей удовольствие. Письмо Н.М. Карамзина к А.С. Пушкину на эту тему неизвестно.

⁶⁶ Волхонка. — 2003. — 5 июня.

⁶⁷ Цитируется по статье: *Забабурова Н.В.* «Елисавету втайне пел...» // Ростовская электронная газета. — 1999. — № 20 (26).

⁶⁸ *Викторова К.П.* *Неизвестный или непризнанный Пушкин.* — СПб.: Политехника, 1999.

⁶⁹ Так, упоминая о публикации Дельвигом стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» в «Северных цветах» на 1827 год, К.П. Викторова пишет: «*Вчетверо сложенный листок*» А.П. Керн передала ему, Дельвиг сразу (письмо от сентября 1825 года) пишет Пушкину: «Разреши и мне воспользоваться стихами «К **»», и вместо адресата ставит две звездочки, а не Керн. Анна Петровна не такая уж неизвестная особа, и можно было бы вполне прямо назвать её имя, это не повредило бы её положению в обществе. Наоборот, возвысило бы её в глазах света». Складывается впечатление, что писательница слабо осведомлена о светском этикете пушкинской эпохи. Кроме того, цитата из письма Дельвига от 15 сентября 1826 (а не 1825) года приведена неточно: Дельвиг просил позволить ему «завладеть стихами к Анне Петровне».

Кроме того, писательница явно путает подаренный Пушкиным Керн белой автограф с черновиком стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», когда пишет: «Кстати, я уверена, что стихи были написаны ещё до приезда Керн в Тригорское. На обороте попавшего к ней почтового листка были такие слова: «Зима, короча стали дни, а ночи доле...». Относительно этого «доказательства» см. прим. 33.

⁷⁰ Так, подтверждением тайного прощания Пушкина с предметом своей «утаённой любви» императрицей Елизаветой Алексеевной, якобы состоявшегося на ближайшей к Святогорскому монастырю станции Ашево 6 сентября 1825 года, К.П. Викторова считает известный рисунок поэта, изображающий печальную молодую женщину у верстового столба (см. рис. на с. 20 настоящего издания). Автор неверно указывает, что рисунок находится в рукописи «Полтавы» (на самом деле в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой), неправильно приводит надпись на столбе «238 верст от Москвы» вместо «От Москвы 235». Викторова считает рисунок портретом Елизаветы Алексеевны, несмотря на очевидную разницу в форме лба (на рисунке — выпуклый, на портретах императрицы покатый), носа, нижней челюсти (на рисунке почти «квадратной») и гораздо более тяжелой, чем на портретах императрицы). Специалисты считают этот рисунок Пушкина портретом Анны Николаевны Вульф, известному профилю которой соответствуют изображённые поэтом черты. Подобными огрехами отличаются и другие атрибуции К.П. Викторовой, которая относит к Елизавете Алексеевне целый ряд портретных зарисовок Пушкина, игнорируя явные отличия основных черт лица от её известных портретов.

⁷¹ Скорее всего, вызов последовал от Натальи Яковлевны Плюсковой (около 1780–1845), фрейлины, близкой к литературным кругам.

⁷² На наш взгляд, ближе всего к истине мнение Р.С. Иезуитовой в отношении давнего спора пушкинovedов о предмете «*утаённой любви*» А.С. Пушкина. Исследовательница считает, что это воображаемый идеал поэта, вобравший в себя «лучшие черты близких ему современниц, неуловимо присутствующие в каждой из них — и ни в ком полностью. “Утаённая любовь” — мечта поэта, то, что он искал в “подругах тайных” своей весны, чем очаровывался и из-за чего страдал» (Иезуитова Р.В. «Утаённая любовь» Пушкина // Легенды и мифы о Пушкине. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 240).

⁷³ Рукою Пушкина. — С. 238–240.

⁷⁴ Лебедева Э.С. «Верный список...» // Пушкинская эпоха и христианская культура. По материалам традиционных христианских пушкинских чтений. — СПб.: Санкт-Петербургский центр православной культуры, 1995. — Вып. VII. — С. 67–79.

⁷⁵ Так, Э.С. Лебедева пишет о стихотворении «Я помню чудное мгновенье...»: «Сам автор его не публиковал и никогда не включал в планы своих изданий». В действительности стихи опубликованы Пушкиным в издании сочинений 1829 года и дважды им «включены в план» этого издания. Из дальнейшего текста следует, что Э.С. Лебедева спутала автограф стихотворения «Приметы», над которым работал поэт во время одного из посещений Анны Керн и который видел у неё литератор А.И. Подолинский, с автографом стихотворения «Я помню чудное мгновенье...».

Не отличается точностью и такое утверждение: «Автограф шедевра “Я помню чудное мгновенье...” не сохранился. По словам Анны Петровны, он был ей подарен 19 июля 1825 года при её отъезде из Тригорского». На самом деле дату А.П. Керн в «Воспоминаниях о Пушкине» не указала. День отъезда устанавливается по помете П.А. Осиповой в календаре. Известен черновой автограф последних трёх строк стихотворения (ПД № 68а) и список, вероятнее всего, с того самого автографа, который был подарен А.П. Керн. Укажем ещё на одну небрежность Э.С. Лебедевой: А.В. Марков-Виноградский в её статье назван двоюродным племянником А.П. Керн. В действительности он приходился ей троюродным братом.

⁷⁶ Это высказывание представляется сомнительным. Вряд ли Пушкин здесь «угадал» образ именно «Сикстинской Мадонны». Он мог быть знаком с этим произведением Рафаэля только по неудачному эстампу, о котором В.А. Жуковский писал: «Вы не имеете о ней никакого понятия, видевши её только в списках или в Миллеровом эстампе. Не видав оригинала, хотел купить себе в

Дрездене этот эстамп: но, увидев, не захотел и посмотреть на него: он, можно сказать, оскорбляет святыню воспоминания». Творческое видение гениев, прославившихся в разных видах искусства и даже живших в разных эпохах, во многом объединяет их, поэтому неудивительно, что поэзия Пушкина в чём-то родственна живописи Рафаэля. Недаром великий русский поэт обращается к образам Рафаэля в стихотворениях «Её глаза», «Мадонна».

⁷⁷ Скатов Н.Н. Пушкин. Русский гений. — С. 364, 366, 368.

⁷⁸ Там же. — С. 371. Под «великим видением», судя по контексту, автор понимает «Сикстинскую Мадонну».

⁷⁹ Черняев Н.И. Критические заметки и статьи о Пушкине. — С. 33–64.

⁸⁰ Виноградов В.В. Стиль Пушкина. — М., 1941. — С. 402.

⁸¹ Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. — М.: Советский писатель, 1959. — С. 346.

⁸² Там же.

⁸³ Томашевский Б.В. Пушкин. — Кн. 2. — С. 79.

⁸⁴ Скатов Н.Н. Пушкин. Русский гений. — С. 366.

⁸⁵ Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство-СПб., 1995. — С. 107.

⁸⁶ Там же. — С. 108.

⁸⁷ Белецкий А.И. Из наблюдений над стихотворными текстами А.С. Пушкина // Филологический сборник Киевского государственного университета. — 1954. — № 5. — С. 86–95.

⁸⁸ Томашевский Б.В. Пушкин. — Кн. 2. — С. 83–84.

⁸⁹ Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. — С. 346.

⁹⁰ Не случайно у Пушкина слово «гений» написано со строчной буквы. Этим поэт, возможно, хотел подчеркнуть, что его «гений чистой красоты» сохраняет своё земное обаяние.

Кому посвящена элегия «Я вас любил: любовь ещё, быть может...»?

Чудесное пушкинское стихотворение «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» завораживает утончённостью, красотой и благородством выраженных чувств:

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

В этой элегии, как и во многих других сочинениях великого поэта, можно отыскать немало реминисценций — переключек с другими произведениями, как чужими, так и собственными. Стихотворение имеет некоторое сходство¹ со стихами французского поэта XVI века Клемана Маро, творчество которого Пушкин хорошо знал. Приведём эти стихи в нашем переводе на русский язык:

*Поскольку вы жестоки так со мной,
Я удалюсь отшельником в пустыню.
Дай Бог, чтобы в служенье вам отныне,
Подобно мне, усерден был другой.
Прощай, любовь! Прощай, прелестна грудь!
И свежесть щёк, прощай, и взор лукавых глаз.
Не благосклонны вы ко мне, и в этом суть.
Быть может, повезёт тому, кто меньше любит вас².*

Интересно, что последний стих переключается со знаменитыми начальными строками IV главы «Евгения Онегина»:

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей...*

Несмотря на смысловую переключку между 3–4-м стихами произведения Маро и 7–8-м стихами пушкинской элегии «Я вас любил...», последняя по силе психологического воздействия, искренности чувств, поэтичности намного превосходит салонные стихи Маро, при прочтении которых не верится ни в глубину переживаний, ни в серьёзность намерений лирического героя, который воспринимается лишь как неудачливый ухажёр.

Пушкинские стихи отличает особенная возвышенность, альтруистичность чувств. Начало стихотворения «Я вас любил...» сходно со словами героя известного романа Клодины Герен де Тансен «Мемуары графа де Камеража» (1735): «*Я любил г-жу де Бенавидес, — сказал он <маркиз де Бенавидес> мне, — сильнейшей в мире страстью; она ещё не угасла в моём сердце...*»³.

В знаменитом пушкинском стихотворении можно найти также авторские реминисценции. Некоторые пушкинове-ды⁴ подчёркивают связь 4-го стиха с 2-м четверостишием Посвящения поэмы «Полтава», где говорится о непризнанной, безответной любви, и отмечают переключку с сюжетной линией поэмы о неразделённой любви безымянного казака к Марии Кочубей: «...Он без надежд её любил...».

В.Г. Белинский ценил в элегии «Я вас любил...» «*трогающую душу изысканность*» и «*артистическую прелесть*», отмечал её связь со стихотворением 1832 года «Нет, я не должен, не могу...», посвящённым юной Н.Л. Соллогуб. Аполлон Григорьев высказывал сходное мнение: «*Последний стих несравним ни с чем, он — высокочеловечный. Нежная мысль, в нём являющаяся, ещё определённое сказалась в строках другого стихотворения, в желании любимому существу всего, “даже счастья того, кто милой деве даст название супруги”...*»⁵.

Несмотря на реминисценции и переключку с некоторыми произведениями французских авторов, стихотворение «Я вас любил...», как и другие сочинения Пушкина, образует своё неповторимое поэтическое пространство, существенно отличающееся от использованных поэтом вольно или невольно источников, включая собственные произведения.

«Вряд ли можно найти другое стихотворение, которое было бы одновременно столь смиренным и столь страстным, умиротворяющим и пронзающим, как “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”; мы никогда не сможем ни назвать, ни даже для себя решить окончательно, что же преобладает, что выражается здесь в итоге: подавляемая ревность или самоотвержение, понимание или обида, горечь неоценённого и потому затухающего чувства или его скрытое пламя; “любил” или “люблю”...»⁶, — замечает в одной из своих работ В.С. Непомнящий.

Неоднозначность восприятия и отсутствие автографа стихотворения породили немало споров среди пушкинистов по поводу его адресата.

Одним из важных аргументов в пользу той или иной атрибуции является время создания произведения. В отношении «Я вас любил...» его можно определить только приблизительно.

Впервые это стихотворение, датированное самим автором 1829 годом, опубликовано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год. Цензурное разрешение было получено 20 декабря 1829 года. Известно, что в ноябре больше половины тиража уже отпечатали, а в последних числах декабря альманах поступил в продажу. На основании этого долгое время стихотворение датировалось в академических собраниях так: «1829 год, не позднее ноября». На эту датировку опирались пушкинисты при попытках определить адресата стихотворения.

В начале 1970-х годов Л.А. Черейский⁷ разыскал в отделе нот Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина уникальный сборник «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных сочинителей». Год издания не был обозначен, но цензурное разрешение получено 10 августа 1829 года. Сборник поступил в продажу осенью 1829 года в музыкальном магазине издателя нот и композитора М.И. Бернарда. Магазин этот ранее принадлежал умершему весной 1829 года О.-Ж. Дальмасу, основателю нотного издательства «Troubadour du Nord» («Северный трубадур»). Вероятно, сборник готовился ещё прежним владельцем, а издан был его преемником. В книгу включён романс на стихи А.С. Пушкина «Я вас любил...», написанный, как предполагал Л.А. Черейский, композитором-любителем Феофилом Матвеевичем Толстым (1810–1881). По утверждению профессора Петербургской консерватории А.И. Рубеца, это был первый из приблизительно 200 романсов данного автора. С Ф.М. Толстым, внуком фельдмаршала М.И. Кутузова, Пушкин общался у его родственников в семьях Е.М. Хитрово и Д.Ф. Фикельмон, а также в свете.

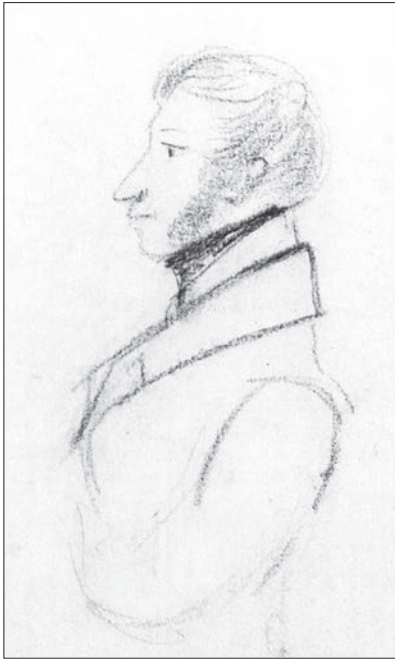
Находка раритетного песенного сборника позволила Л.А. Черейскому сделать вывод о том, что романс «Я вас любил...» Ф.М. Толстой написал до публикации стихотворения в «Северных цветах» на 1830 год по автографу Пушкина или

авторитетному списку. Шестая строка в тексте романса читалась «*То страстию, то ревностью томим*». Такой она была в ранней редакции стихотворения.

Л.А. Черейский обосновал новую датировку стихотворения: поскольку середину января — начало марта (примерно до 10-го числа) Пушкин провёл в Петербурге, а затем почти на 8 месяцев покинул столицу и вернулся только в начале ноября, то «*Толстой получил текст... стихотворения в феврале-марте 1829 года. Несколько месяцев понадобилось для написания музыки и печатания романса*»⁸. Действительно, тогда ноты печатались с гравировальных досок, которые изготавливались ручным способом, требующим значительного времени. Кроме того, за этот период умер издатель нот Дальмас, его магазин был куплен Бернардом, что также могло продлить срок подготовки нотного сборника. Да и на сочинение своего первого опубликованного романса и представление его для издания композитору Толстому понадобилось какое-то время. Следовательно, от момента передачи стихов до получения цензурного разрешения на издание романса прошло не менее 3–4 месяцев. Так Л.А. Черейский обосновал новую датировку стихотворения: не позже марта-апреля 1829 года.

Теперь предположим, что текст романса мог быть послан по почте или передан с оказией после отъезда Пушкина из Петербурга⁹. В этом случае стихотворение «Я вас любил...» сочинено поэтом также не позднее апреля 1829 года, пока он находился в Москве¹⁰, откуда почта шла сравнительно быстро.

В 2008 году вышла в свет статья музыковеда М.В. Долгушиной¹¹ об авторстве романса «Я вас любил...» из сборника «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных композиторов». Исследовательница приводит убедительные аргументы в пользу того, что автором этого романса является не Ф.М. Толстой, а более опытный тогда композитор-любитель граф Сергей Васильевич Толстой (1785 — не позднее 1839). Во-первых, в сборнике имя автора обозначено «Граф Т***», а Ф.М. Толстой не был графом, и впервые без всякого обоснования авторство романса «Я вас любил...» ему приписано издателем П.И. Юргенсоном в сборнике «Цыганский табор» (1872). Во-вторых, Ф.М. Толстой писал, что начал сотрудничать с издателями с 1833 года, то есть через 4 года после первой публикации романса

Автопортрет А.С. Пушкина
в альбоме Ел. Н. Ушаковой.
1829 г.

ПД № 1723. Л. 7 об.

Таким образом, стихотворение «Я вас любил...» написано Пушкиным не позднее апреля 1829 года, возможно, уже в январе-феврале. Это было время, когда поэт полюбил юную Наталью Гончарову, которую встретил на балу в конце 1828 года, когда он осознал всю серьёзность своего чувства к ней и, наконец, принял решение о предложении ей руки и сердца. Стихотворение «Я вас любил...», написанное на фоне таких переживаний и размышлений, представляет собой как бы поэтическое прощание с женщиной, любовь к которой почти угасла в связи с нахлынувшим новым чувством.

Эти стихи связывали с именами, по крайней мере, 5 женщин, за которыми ухаживал Пушкин. Первая по времени атрибуция принадлежит известному библиофилу С.Д. Полторацкому. 7 марта 1849 года он записал: «Оленина (Анна Алексеевна) <...> Стихи о ней и к ней Александра Пушкина: 1) «Посвящение» — поэмы «Полтава», 1829 <...> 2) «Я вас любил...» <...> 3) «Её глаза» <...>». 11 декабря 1849

«Я вас любил...». В-третьих, музыкальный почерк Ф.М. Толстого отличается большей четкостью, симметричностью, танцевальностью, чем почерк автора обсуждаемого романа, очень похожий на почерк С.В. Толстого.

С последним Пушкин общался в доме своих московских друзей Ушаковых, где оба они были частыми гостями. К примеру, 30 апреля 1830 года С.В. Толстой и А.С. Пушкин были поручителями брака Елизаветы Николаевны Ушаковой и Сергея Дмитриевича Киселёва. В доме Ушаковых и мог получить С.В. Толстой стихи «Я вас любил...» в начале января или в марте-апреле 1829 года, когда поэт пребывал в Москве.

года Полторацкий сделал приписку: «Подтвердила мне это сама сегодня и сказала ещё, что стихотворение “Ты и вы” относится к ней».

Этой же версии придерживался известный пушкинист П.В. Анненков, который в комментариях к стихотворению «Я вас любил...» отметил, что «*может быть, оно написано тому же лицу, которое упоминается в стихотворении “To Dawe, ESQr”*»¹², то есть к А.А. Олениной. Опирался ли Анненков на гипотезу С.Д. Полторацкого, с которым был хорошо знаком, неизвестно, поскольку аргументов в пользу своей атрибуции он не привёл. Мнение Анненкова было принято большинством исследователей и издателей сочинений А.С. Пушкина.

Анна Алексеевна Оленина (1807–1888) была младшей дочерью президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки, члена Госсовета А.Н. Оленина, внёсшего значительный вклад в развитие отечественной культуры. Лучшие представители творческой интеллигенции первой трети XIX века посещали салон Олениных, один из самых престижных в Петербурге. Выросшая в такой

Анна Алексеевна Оленина.
Художник П.Ф. Соколов. 1825 г.

духовной атмосфере, Анна отличалась не только привлекательной внешностью, но и хорошей гуманитарной образованностью. Эта в меру кокетливая очаровательная девушка великолепно танцевала, была ловкой наездницей, метко стреляла из лука, неплохо рисовала, лепила, сочиняла стихи и прозу, впрочем, не придавая своим литературным занятиям большого значения. Оленина унаследовала от предков¹³ способности к музыке, обладала красивым, хорошо поставленным голосом, пробовала сочинять романсы. Современники отмечали доброту Анны, со-

Анна Алексеевна Оленина.
Художник О.А. Кипренский. 1828 г.

страдательность, душевную чистоту в сочетании с весёлым, игривым нравом.

Весной 1828 года Пушкин серьёзно увлекся юной Олениной, но его чувство осталось безответным: по иронии судьбы девушка тогда сама страдала от неразделённой любви к князю А.Я. Лобанову-Ростовскому, блестящему офицеру благородной внешности. Вначале Анна Алексеевна была польщена ухаживаниями великого поэта, произведениями которого очень увлекалась, и даже тайно встречалась с ним в Летнем саду. Поняв, что намерения Пушкина, мечтавшего о женитьбе на ней, далеко выходят за границы обычного светского флирта, Оленина стала вести себя сдержанно. Ни она, ни её родители не желали её брака с великим поэтом в силу разных причин как личного, так и политического порядка. Насколько серьёзна была любовь Пушкина к Олениной, свидетельствуют его черновики, где он рисовал её портреты, писал её имя и анаграммы. Т.Г. Цявловская писала: «...она была центральным образом его лирики 1828 года и <...> вдохновила поэта на создание одного из самых больших циклов любовных стихотворений за всю его жизнь»¹⁴.

К Олениной уверенно относят стихотворения Пушкина «Увы, язык любви болтливый...», «To Dawe, ESQr», «Её глаза», «Ты и вы», «Кобылица молодая», «Не пой, красавица, при мне...», «Предчувствие», «Вы избалованы природой...» в ранней редакции, «Город пышный, город бедный...». По свидетельству внучки Анны Алексеевны Ольги Николаевны Оом, издавшей в 1936 году в Париже дневник своей бабушки, в её альбомы великий поэт внёс некоторые обращённые к ней стихотворения. О.Н. Оом в предисловии к изданию дневника писала: «Зная, как я интересовалась её прошлым, бабушка оставила мне альбом, в котором среди других автографов Пушкин в 1829 году вписал стихи “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”». Под текстом этого стихотворения он в 1833 году сделал приписку: “plusquarçait — давно прошедшее, 1833”. Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. В тайнике своей души сохранила она причину этого пожелания: было ли это простое сожаление о прошлом или затронутое женское самолюбие, мне неизвестно»¹⁵. Альбом хранился в семье О.Н. Оом, в первом браке Звегинцовой, до 1917

Девушка (А.А.Оленина) в саду. Художник К.И. Кольман. 1830 г.

года. Наличие в нём пушкинского автографа стихотворения «Я вас любил...» независимо от О.Н. Оом подтверждал известный композитор Александр Алексеевич Оленин¹⁶, внучатый племянник А.А. Олениной.

Существовало несколько версий о том, когда же попало в альбом Олениной знаменитое стихотворение. Как предполагал первый директор музея-усадьбы Приютино Л.В. Тимофеев¹⁷, поэт мог показать Анне Олениной свои новые стихи, в частности Посвящение к поэме «Полтава», в самом начале января 1829 года в Москве. А мог ли он тогда вписать ей в альбом стихи «Я вас любил...»? Вряд ли. Во-первых, элегия, возможно, сочинена несколько позже.

Во-вторых, встреча Пушкина с Анной в это время маловероятна, поскольку он покинул Москву 6 января, тогда как Оленины выехали из Петербурга наверняка не раньше 2–3 января, а прибыли соответственно не раньше 6–7 января. Встреча могла состояться разве что случайно на дорожной станции. Достоверно известно, что 10 января Оленины уже находились в Первопрестольной. Скорее всего, разминувшись они с Пушкиным и в начале марта, когда вернулись в Петербург, а поэт, наоборот, оттуда уехал в Москву. Вероятность их встречи в светском обществе в тот период уменьшается и тем, что 25 февраля 1829 года начался Великий пост, во время которого балы прекращались. Кроме того, хранившая альбом Олениной около 30 лет О.Н. Оом приводит стихотворение в окончательной редакции, не указывая на какие-либо отличия от текста в автографе, хотя по отношению к другим стихам Пушкина она ранние варианты¹⁸ отмечает. Поэтому вряд ли справедливо предположение В.П. Старка о том, что *«текст стихотворения, положенный на музыку Ф.М. Толстым, восходит к альбомной записи, сделанной Пушкиным для Олениной»*¹⁹.

Из всего этого можно заключить, что стихи попали в альбом Олениной не раньше ноября 1829 года, когда Пушкин вернулся в Петербург. Однако тогда отношения поэта с Олениными обострились: он был чем-то раздосадован и написал о них несправедливые сатирические строки в черновиках «Евгения Онегина», которые, впрочем, никому не показал и в беловик не включил. Поскольку на обороте листа с автографом «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» Пушкин написал стихотворение «Что в имени тебе моём?», внесённое в альбом К.А. Собаньской 5 января 1830 года, Т.Г. Цявловская²⁰ полагала, что оба произведения попали в альбом Олениной чуть позже. Развивая идею исследовательницы, комментаторы «Дневника» и «Воспоминаний» А.А. Олениной вполне обоснованно предположили, что это могло случиться 12 января 1830 года, когда Пушкин в компании ряженых, как явствует из дневниковых записей Д.Ф. Фикельмон, посетил дом Олениных и был узан под маской: *«Возможно, именно в этот день поэт вписал в альбом Анны Алексеевны свои произведения: они переводили в новую плоскость их отношения, зашедшие в тупик взаимной недоброжелательности. Пушкинская любовь объявлялась*

Невский проспект в эпоху Пушкина.
Художник С.И. Эрбер. 1897 г.

достоянием прошлого, а её идеализация давала пути к достойному отступлению на исходные позиции»²¹.

Вполне логично и предположение комментаторов, что приписка к стихотворению «появилась в альбоме А.А. Олениной после смерти Н.И. Гнедича: 6 февраля 1833 года Пушкин участвовал в его похоронах вместе с Олениными, И.А. Крыловым, П.А. Вяземским и П.А. Плетнёвым — помянуть усопшего должны были, скорее всего, у Олениных»²².

Если стихотворение «Я вас любил...» попало в альбом Анны Алексеевны 12 января 1830 года, то она почти наверняка уже познакомилась с ним по публикации в «Северных цветах», поскольку Оленины были в курсе всех литературных новинок. По содержанию Анна могла предположить, что стихи адресованы ей, а когда поэт вписал их в её альбом и позднее сделал обидную для самолюбия девушки приписку, предположение переросло в уверенность. Поэтому Анна Алексеевна и подтвердила этот факт своему двоюродному брату С.Д. Полторацкому, зная его научную щепетильность и добросовестность. Некоторые пушкинисты²³

Сергей Дмитриевич
Полторацкий

не доверяли записям Полторацкого, считая, что он хочет укрепить семейную легенду, будто стихотворение «Я вас любил...» и Посвящение поэмы «Полтава» обращены к его кузине А.А. Олениной. В противовес такому утверждению В.М. Есипов, В.В. Крамер и Л.В. Тимофеев приводят серьезные аргументы, подтверждающие правоту С.Д. Полторацкого и А.А. Олениной. Исследователи обратили внимание на очень небольшой перечень стихотворений, обращённых к Анне Алексеевне, объясняя это так: некоторые стихи Пушкин не отдал ей, поэтому она не знала, к кому они обращены. «Очевидно, у Олениной не было намерения искусственно увеличивать список за счёт сти-

хов с сомнительными адресатами; добросовестность же Полторацкого как библиографа достаточно хорошо известна»²⁴, — резюмировал В.В. Крамер.

Анна Алексеевна назвала Полторацкому лишь те стихи, в отношении которых совершенно не сомневалась, что они адресованы к ней. В них либо явно указано её имя («Её глаза»), либо прослеживается связь с событиями из истории её взаимоотношений с Пушкиным. Разбирая архив А.А. Олениной, в замужестве Андро, П.М. Устимович обнаружил список стихотворения «Ты и вы», сделанный рукой Анны Алексеевны, с её же припиской: «Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье он привёз эти стихи»²⁵. Не попало в список стихотворение «To Dawe, ESQ», где имя Олениной в публикациях обозначалось «О...» и было раскрыто только в первом издании сочинений Пушкина под редакцией Геннади, вышедшем в 1859 году. Не назвала Анна Алексеевна и стихотворение «Город пышный, город бедный...», хотя в её окружении явно догадывались, чью «маленькую ножку» и чей «локон золотой» воспел Пушкин в двух последних стихах. Близкая подруга Олениной Антонина Блудова в своём сочинении «Мои Роман» писала о замёрзшей и продрогшей Анне: «Озябла маленькая ножка, / Развился локон золотой»²⁶. Видимо, полной уверенности в том, что стихи обращены к ней, у Олениной тогда всё же не было.

Удивительно, что не попало в список С.Д. Полторацкого стихотворение «Что в имени тебе моём?», вписанное в альбом Олениной, хотя она вряд ли могла видеть его также и в альбоме Каролины Собаньской. Видимо, проницательная Анна Алексеевна не чувствовала тесной связи этого стихотворения с конкретными обстоятельствами своей жизни и понимала, что оно может быть обращено и к другой женщине, которую некогда любил поэт, но отношения с которой у него не сложились.

На первый взгляд необоснованным кажется включение в список Посвящения поэмы «Полтава»: в советском пушкиноведении оно традиционно ассоциировалось с декабристкой М.Н. Волконской. Не вникая в подробности дискуссии пушкинистов об «утаённой любви», отметим: имеются серьёзные основания относить Посвящение не к ней, а к А.А. Олениной, чьи портреты, инициалы и анаграммы часто повторяются в черновиках поэмы²⁷.

Полторацкий включил Посвящение в список стихотворений к Олениной под первым номером в 1849 году и повторил свою запись в 1878 году²⁸, что наводит на мысль: Сергей Дмитриевич и Анна Алексеевна имели какое-то весьма авторитетное свидетельство на этот счёт, совпавшее с их собственными догадками. Можно согласиться с мнением В.В. Крамера относительно записи Полторацкого: *«Не являясь окончательным и бесспорным решением пушкиноведческого спора, идущего уже несколько десятилетий, она в то же время даёт едва ли не наиболее вероятную из всех возможных кандидатур»*²⁹.

Стихотворение «Я вас любил...» не вызывало столь жарких споров, как Посвящение поэмы «Полтава» по поводу адресата, которым многие пушкинисты были склонны называть Анну Оленину ещё до сообщения её внучки О.Н. Оом о наличии автографа в альбоме. Это неудивительно, потому что содержание стихотворения соответствует характеру взаимоотношений Пушкина с Олениной. Оно было написано в начале 1829 года после встречи с будущей женой Натальей Гончаровой, когда любовь великого поэта к Анне Олениной осталась в недавнем прошлом, но отголоски прежнего чувства всё ещё беспокоили его. Известны зарисовки Пушкиным портретов Олениной в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой в этот период и позже в черновиках.

В 3-м и 4-м стихах поэт пишет о том, что не хочет больше тревожить и даже печалить бывшую возлюбленную своим чувством. Анну Оленину действительно тревожило поведение влюблённого поэта, которое, как ей казалось, могло бросить тень на её репутацию. В дневнике Анны Алексеевны интересна запись от 20 июня 1828 года, где она, рассказывая о встрече с Пушкиным на обеде у своей родственницы Варвары Дмитриевны Полторацкой, пишет: *«Там был Пушкин и Миша Полт<орацкий>. Первой довольно скромен, и я даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не совра<л> чего в сантиментальном роде»*.

Поэт чувствовал настороженность Олениной по отношению к себе. Обращаясь к ней, он писал в стихотворении «Увы! Язык любви болтливый...»:

Тебя страшит любви признание,

Письмо любви ты разорвёшь...

Он не говорил о своей любви прямо и тщетно надеялся, что «стихотворное посланье» девушка прочтёт «с улыбкой»

нежною». Но Оленина не стала относиться серьёзно к поэтическому признанию в любви «Ты и вы», вручённому ей поэтом 27 мая 1828 года. В стихах чувствуется робость: «*Пред ней задумчиво стою...*». С этим перекликаются 5-й и 6-й стихи «Я вас любил...», где поэт говорит о безнадежности своего чувства, безмолвии перед возлюбленной, томлении ревностью, робостью, а в ранней редакции — страстью.

А.А. Оленина.
Рис. А.С. Пушкина
в черновике «Полтавы». 1828 г.
ПД № 838. Л. 27

Такие чувства поэта к Олениной находят подтверждение в письмах его друга П.А. Вяземского³⁰ к жене о вечере у Мещёрских 5 мая 1828 года, Вяземский писал: «С девицей Олениной танцевал я *rot-roigt* и хвалил её кокетство <...>. Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в неё влюблён, и вследствие моего *rot-roigt* играл ревнивого». В письме о поездке с Адамом Мицкевичем 20 мая 1828 года в имение Олениных Приютино близ Петербурга есть такие строчки: «Там нашли мы и Пушкина со своими любовными гримасами. <...> Пушкин был весь в прыщах и, осаждаемый комарами, нежно восклицал: *сладко!*» В письме Вяземского от 26 мая 1828 года, где он сообщает жене о путешествии с Пушкиным и Олениными в Кронштадт на пироскафе 25 мая, имеется фраза: «Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь».

В 1829 году страсть поэта уже улеглась. «Закономерной представляется в силу этого замена в окончательном варианте стихотворения (в шестом стихе) слова «страсть» на слово «робость», как более соответствующее чувству Пушкина к А.А. Олениной»³¹, — совершенно обоснованно заключил В.П. Старк.

Искренность и нежность любви Пушкина к Олениной не вызывает сомнений. Он рисует её профили в черновиках, пишет имя и анаграммы, выдающие мечты о женитьбе на ней, которые не оставляют его, несмотря на параллельное увлечение А.Ф. Закревской летом 1828 года. 11 августа 1828

года, в свой день рождения, Анна Алексеевна записала в дневнике: «Пушкин <...> был по обыкновению у нас. Он влюблён в Закревскую и всё об ней толкует, чтоб заставить меня ревновать, но при этом тихим голосом прибавляет мне нежности...».

Примечательно, что в дневниковых записях начитанной Олениной можно найти параллели с 2-м четверостишием стихотворения «Я вас любил...», когда она говорит о своей безответной любви к Алексею Лобанову-Ростовскому. В апреле 1829 года Анна записала: «Один раз только я искренно полюбила, судьба не исполнила моего желания, Провидение Всеведущее, может быть, спасло меня. Я повинуюсь, не ропщу». Вот запись от 17 мая 1829 года: «Я обречена, мне кажется, быть одной и проводить жизнь, не занимая собою никого. Без цели, без желаний, без надежд...» Тогда пушкинского стихотворения, скорее всего, ещё не было в альбоме Олениной, но интуитивное совпадение выражения чувств удивительно³².

Вполне естественным в отношении Анны представляется и пожелание поэта в последнем стихе «Я вас любил...» обрести счастье с другим: судьба девушки в начале 1829 года не была определена, она ещё не встретила того, кто стал бы её супругом. Пушкин об этом наверняка знал, вращаясь в том же великосветском кругу. Знаменательно, что В.Г. Белинский и А.А. Григорьев, как отмечалось выше, видели развитие темы в стихотворении «Нет, я не должен, не могу...», обращённом также к незамужней женщине.

Существует ещё одно свидетельство в пользу отнесения стихотворения «Я вас любил...» к Олениной. Племянник поэта Л.Н. Павлицев в «Воспоминаниях об А.С. Пушкине» описывает вечер в доме его родителей в начале 1830 года,

А.А. Оленина.
Рис. А.С. Пушкина
в черновике «Полтавы». 1828 г.
ПД № 838. Л. 48

на котором присутствовали Пушкин, композитор Глинка, Анна Керн, Дельвиг и Соболевский: «...Александр Сергеевич обратился к Анне Петровне с вопросом:

— Не приревнуете ли вы меня к вашей кузине Олениной, если прочитаю последние мои к ней стихи нашему другу Глинке, которому их особенно рекомендую?

— Да, очень приревную, — отвечала, шутя, Анна Петровна.

— Ну, тем лучше, — подхватил в шуточном же тоне дядя Александр и, сказав Глинке: «Послушайте и положите на музыку», — прочёл наизусть: «Я вас любил...»³³.

Сообщение Павлицева не вызывает доверия исследователей. К примеру, Т.И. Краснобородько комментирует его так: «Приводимый эпизод, скорее всего, сочинён автором «Семейной хроники»: ни в мемуарах М.И. Глинки, ни в воспоминаниях А.П. Керн, отличающихся фактической точностью и достоверностью, рассказа о подобном вечере у Павлицевых нет. Кроме того, Л.Н. Павлицев относит его к началу 1830 года, когда Глинка находился в родительском имении Новоспасское Смоленской губернии. С.А. Соболевский — за границей»³⁴. Также и литературовед Н.О. Лернер считал сообщение Павлицева явной выдумкой³⁵. Однако, на наш взгляд, эпизод «появился» не на пустом месте. Он свидетельствует о том, что в семье Павлицевых стихотворение «Я вас любил...» относили к Олениной. Скорее всего, сестра поэта Ольга Сергеевна Павлицева знала об этом со слов самой Анны Алексеевны, с которой подружилась в 1840-х годах в Варшаве, где служил её муж Н.И. Павлицев, а полковник Ф.А. Андро, за которого Оленина вышла замуж в 1840 году, занимал должности чиновника особых поручений при наместнике, а затем президента города (с 1847 г.). Могла знать Ольга Павлицева и о

Анна Оленина в Приютине.
Художник Г.Г. Гагарин. 1833 г.

записи в альбоме Олениной, хотя сама его вряд ли видела: Анна Алексеевна убрала свои девические реликвии подальше от ревнивого супруга, да и показывать обидную приписку Пушкина не хотела.

Итак, атрибуция стихотворения «Я вас любил...» к Анне Алексеевне Олениной основана на следующих основных аргументах.

- По времени создания стихи могут быть обращены к ней.
- Содержание стихотворения соответствует характеру и истории взаимоотношений Пушкина с нею.

• Стихотворение было вписано Пушкиным в её альбом, вероятнее всего, в январе 1830 года.

• В 1833 году поэт сделал приписку «давно прошедшее», подтверждающую, что стихотворение имеет к ней отношение.

Хотя столь серьёзной аргументации нет относительно других предполагаемых адресатов стихотворения «Я вас любил...», однозначно толкуемых прямых свидетельств, что оно обращено к Олениной, пока не найдено. Существует ещё несколько гипотез, выдвинутых в разное время.

Известный пушкиновед Т.Г. Цявловская относила стихотворение к **Каролине Адамовне Собаньской** (1794–1885), которой Пушкин увлекался ещё в период южной ссылки. Собаньская была, кажется, соткана из противоречий: с одной стороны, изящная, красивая, умная, образованная женщина, увлекающаяся искусством, хорошая пианистка, а с другой стороны, ветреная и тщеславная кокетка, окружённая толпой поклонников, сменившая несколько мужей и любовников, да к тому же, по слухам, тайный агент правительства на юге. Отношения Пушкина с Каролиной были далеко не платоническими.

Флигель-адъютантъ
князь Алексѣй Яковлевичъ
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.
Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю
Николаю Михайловичу.

Цявловская убедительно показала, что к Собаньской обращены два страстных черновых письма Пушкина, которые написаны в феврале 1830 года, и стихи «Что в имени тебе моём?». «О том, что стихотворение “Что в имени тебе моём?” не только переписано в альбом Собаньской, но и посвящено ей, свидетельствует составленный поэтом в 1830–1831 годах список его стихотворений, намечавшихся в сборник, изданный в 1832 году. В этом списке значится стихотворение “Соб-ой”, то есть “Собаньской”, в котором нельзя не видеть стихотворения “Что в имени тебе моём?”»³⁶.

Свою аргументацию Т.Г. Цявловская строит на смысловой переключке с указанными письмами и стихотворением: «Мне кажется более чем вероятным, что к ней же обращено стихотворение “Я вас любил...”. До сих пор оно не связывалось ни с чьим именем. Между тем оно датировано самим поэтом 1829 годом, как и стихотворение “Что в имени тебе моём?”, и чрезвычайно близко к нему как темой, так и тоном смирения и грусти <...>. Основное чувство здесь — огромная любовь в прошлом и сдержанное, бережное отношение к любимой в настоящем <...>».

Стихотворение “Я вас любил...” связывается и с первым письмом Пушкина к Собаньской. Слова “Я вас любил так искренно, так нежно” развиваются в первом письме: “От всего этого мне осталась лишь слабость выздоравливающего, привязанность очень нежная, очень искренняя и немного боязни...”. Стихотворением “Я вас любил...”, по видимому, открывается цикл обращений поэта к Каролине Собаньской»³⁷.

Подробно исследуя парижское издание дневника Олениной во второй половине 1950-х годов, Т.Г. Цявловская находит подтверждение давно известному ей сообщению композитора А.А. Оленина о том, что стихотворение «Я вас любил...» записано Пушкиным в альбом Анны Алексеевны Олениной. Однако исследовательница с явным предубеждением и антипатией относится к ней: «Лишённая всякого литературного дара, Оленина усвоила от культуры слова лишь развязность, бойкость в выражении мыслей. Рассудительность её, душевный холод часто заглушали её природную пылкость. Властная и даже деспотичная, рассудочная в отношениях, резонёрка, чрезвычайно высоко мнящая о себе, — она представляется нам малосимпатич-

ным человеком. Но обаяние её девичьей нежности, привлекательность её в соединении с весёлым и живым характером заставили Пушкина “без памяти” влюбиться в неё³⁸. Образно говоря, Татьяна Григорьевна видела Оленину словно в кривом зеркале.

Таким отрицательным отношением можно объяснить нежелание Цявловской допустить мысль о том, что стихи «Я вас любил...» могут быть обращены к Анне Алексеевне: «Вся психологическая основа стихотворения “Я вас любил...” противоречит тому, чтобы признать его написанным к А.А. Олениной³⁹. Слова стихотворения предполагают безграничную преданность женщине — до полнейшего отказа от собственного чувства. За стихотворением чувствуется какая-то протяжённость, давность чувства, остужающее дыхание времени⁴⁰. Не желая отказаться от своей версии, Цявловская писала:

«Пушкин вписал в альбом Олениной стихотворение “Что в имени тебе моём?” <...> Не то же ли самое случилось и со стихотворением “Я вас любил...”? Не было ли оно написано другой женщине и вписано в какую-то нежданную минуту в альбом Олениной? Например, когда Крылов побуждал Пушкина написать ей в альбом стихи. Оленина уже не вдохновляла его, и он взял стихи, написанные другой женщине»⁴¹. Этой «другой женщиной» исследовательница по-прежнему называет К.А. Собаньскую, но, как видно из

Портреты К.А. Собаньской (?) и автопортрет А.С. Пушкина. 1823 г. ПД № 843. Л. 36 об.

статьи, не считает вопрос об адресате стихотворения «Я вас любил...» окончательно решённым.

Однако авторитет Т.Г. Цявловской столь высок, что в обзоре пушкинианы 1962–1963 годов О.А. Пини написано: «*Вс. Рождественский ошибается здесь, что “тайной поэта осталось то, кого он имел в виду в стихотворении “Я вас любил...”*», что «*пушкинисты спорят до сих пор, к кому обращено пушкинское признание — к Олениной? К Наталье Гончаровой?*»⁴². Вдохновителем этого шедевра, как установила Т.Г. Цявловская, является К. Собаньская⁴³.

Сторонником атрибуции Цявловской был литературовед Р.О. Якобсон, сделавший на эту тему несколько сообщений на зарубежных научных конференциях. Свою статью о Каролине Собаньской «Тайная осведомительница, воспеваемая Пушкиным и Мицкевичем» он начинает с цитирования стихотворения «Я вас любил...» и далее пишет: «*Кто же героиня этих волнующих пушкинских строк? Кому посвящены любовные стихи “Что в имени тебе моём?”*, написанные примерно в то же время (зимой 1829–1830 годов), что и это восьмистишие, и вписанные в альбом рукой поэта? <...> Только теперь эта тема, по-видимому, близка к раскрытию. Найден альбом К. Собаньской со стихотворением “Что в имени тебе моём?”, вписанным Пушкиным в январе 1830 года»⁴⁴. Однако, как и Цявловская, Якобсон не считал Собаньскую неопровержимо доказанным адресатом стихотворения «Я вас любил...».

Таким образом, атрибуция к Каролине Адамовне Собаньской строится на следующих аргументах.

- Стихотворение «Я вас любил...» написано в одно время со стихотворением «Что в имени тебе моём?», обращённым к Собаньской.

- Эти стихотворения близки темой и тоном смирения и грусти.

- Имела место вспышка чувства поэта к Собаньской, выраженная в двух черновых письмах к ней, написанных в феврале 1830 года.

- Имеются авторские реминисценции в стихотворении «Я вас любил...» и указанных письмах.

- Стихотворение переадресовано Пушкиным при внесении его в альбом А.А. Олениной.

Все аргументы являются косвенными, поэтому гипотеза Т.Г. Цявловской не случайно подвергается критике.

Уточнение Л.А. Черейским времени написания стихотворения делает несостоятельным первый аргумент. Вспышка чувственного увлечения Собаньской произошла у Пушкина в конце 1829 — начале 1830 года, когда было написано стихотворение «Что в имени тебе моём?». Говорить о новом серьёзном увлечении поэта Собаньской в начале 1829 года, когда было написано стихотворение «Я вас любил...», или в 1828 году нет оснований. В 1907 году в «Русском архиве» опубликованы воспоминания публициста О.А. Пщецлавского. Описывая свой визит в середине 1828 года к Каролине Адамовне в обществе Мицкевича и Пушкина, мемуарист сообщает, что последний был равнодушен к хозяйке, «женщине действительно очаровательной». Это свидетельствует скорее об обычном светском ухаживании, чем о серьёзной любви. Следовательно, по времени создания стихотворение «Я вас любил...» трудно отнести к Собаньской.

Остальные аргументы Т.Г. Цявловской сами по себе весьма спорны. Сторонник атрибуции стихов к А.А. Олениной, В.П. Старк отмечает: *«В стихотворении “Я вас любил...” (1829) <...> некоторые выражения почти буквально соответствуют тем, которые Пушкин использовал в черновом письме к Собаньской от 2 февраля 1830 года: “от всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя — и немного робости, которую я не могу побороть”. Однако в контексте письма эти слова относятся к тому, что “есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении”, которое никакого отношения не может иметь к чувству, испытанному Пушкиным по отношению к А.А. Олениной. Поэт мог вписать в альбом Собаньской стихотворение “Что в имени тебе моём?..”, но никогда бы “Я вас любил...”. Для гордой и страстной Собаньской слова “любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем” были бы просто оскорбительны. В них заключена та форма бесстрастности, которая не соответствует её образу и отношению к ней Пушкина»⁴⁵*. Добавим, что такую экстравагантную и далеко не целомудренную женщину, как Собаньская, вряд ли могла опечалить или встревожить любовь поэта. На наш взгляд, к ней нельзя отнести 3-ю и 4-ю строки стихотворения «Я вас любил...». Спорным является и соображение о переадресовке стихотворения А.А. Олениной: его значение поэт скрепил в 1833 году припиской «давно прошедшее».

Отметим также, что авторские реминисценции, не подтверждённые фактами, могут быть лишь косвенным аргументом в литературоведческих дискуссиях. Как было показано выше, выраженную смысловую переключку отдельных стихов элегии «Я вас любил...» можно найти в произведениях французских авторов, которые к Собаньской не имеют отношения, а также в дневниковых записях Анны Олениной.

Следовательно, по времени создания и содержанию стихотворение «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» вряд ли адресовано К.А. Собаньской.

Другим возможным адресатом элегии Д.Д. Благой в своём исследовании пушкинской лирики 1826–1830 годов, изданном в 1967 году, называет **Наталью Николаевну Гончарову** (1812–1863). По поводу холодного приёма Пушкина у Гончаровых осенью 1829 года Д.Д. Благой писал: «Мучительные переживания поэта претворились тогда же в едва ли не самые проникновенные любовно-лирические строки, им когда-либо написанные (датируются 1829 годом, не позднее ноября): “Я вас любил...”. <...>

Наталья Николаевна Гончарова.
Рис. А.С. Пушкина. 1830 г.
ПД № 121. Л. 1 об.

Стихотворение это абсолютно целостный, замкнутый в себе мир. И в то же время существует несомненная внутренняя преемственная связь между ним и созданной по пути в Тифлис второй и окончательной редакцией стихотворения “На холмах Грузии...”. Оба стихотворения даже внешне подобны друг другу. Тот же объём, простота рифм, некоторые из них прямо повторяются (в обоих стихотворениях рифмуется “может” — “тревожит”), и вообще единый структурный принцип — предельная простота выражения при насыщенности словесными повторами (там: “тобою”,

“Тобой, одной тобой”, здесь — троекратное “Я вас любил”).
<...>

Эта близость формы определена общностью содержания — единой развивающейся лирической темой. Основа первого — утверждение, что сердце поэта любит, ибо не может не любить. Во втором раскрывается природа, сущность большой, подлинной любви. Мне приходилось слышать критические замечания по этому поводу: деликатно ли по отношению к любимой настойчиво твердить ей о своей любви в прошедшем времени <...>. Однако такое замечание — результат непонимания того душевного состояния, которое выражено в пушкинском стихотворении <...>. Поэт говорит, что его любовь, быть может, не совсем угасла (снова образная переключка с кавказским стихотворением, где сердце горит любовью), но всё стихотворение — непрерываемое свидетельство того, что гореть любовью оно продолжает и сейчас <...>. То, что он говорит о своей любви в прошедшем времени, продиктовано мыслями не о себе, а о ней, нежной заботой о том, чтобы своей настойчивой, а раз она безответна, становящейся даже назойливой любовью не причинить ей хотя бы какого-либо огорчения; а это уже само по себе лучшее подтверждение того, что любовь не угасла⁴⁶.

Итак, гипотеза о посвящении стихотворения «Я вас любил...» Наталье Николаевне Гончаровой основана на следующих соображениях.

- Стихотворение написано после получения неопределённого ответа на предложение Пушкиным руки и сердца Н.Н. Гончаровой, а точнее, после холодного приёма поэта в её семье осенью 1829 года.

- Стихотворение по объёму, ритмической структуре и содержанию близко к окончательной редакции стихотворения «На холмах Грузии...», которое обращено к Н.Н. Гончаровой.

- В контексте стихотворения слово «любил» может восприниматься как «люблю», выражение «любовь угасла не совсем» как «любовь не угасла».

Первый аргумент является самым важным в цепи рассуждений Д.Д. Благого. Во время написания работы он ещё не мог знать об уточнении датировки создания стихотворения Л.А. Черейским, фактически опровергающем его версию. Стихотворение «Я вас любил...» написано до первого сватовства Пушкина к Н.Н. Гончаровой и задолго до холод-

ного приёма Пушкина в её доме после его возвращения с Кавказа. Второй и третий аргументы весьма спорны сами по себе, содержат смысловые натяжки и отражают чисто субъективное восприятие стихотворения.

Таким образом, стихотворение «Я вас любил...» по времени создания и содержанию не может быть отнесено к Н.Н. Гончаровой.

В работе Л.А. Краваль, посвящённой пушкинской графике, неявно высказывается предположение о том, что вдохновительницей стихотворения «Я вас любил...» является **Анна**

Анна Петровна Керн.
Рис. А.С. Пушкина. 1829 г.
ПД № 841. Л. 14

Петровна Керн (1800–1879): «В Москве, в день памяти св. Анны Кашинской, 2 октября 1829 года Пушкин нарисовал дивный портрет Анны Керн (знаменитый, определённый А. Эфросом), взглянув на который ясно видишь: он всё ещё любил её: “Я вас любил: любовь ещё, быть может, / В душе моей угадала не совсем...”. В лице её, в самом наклоне лица столько нежности, тихости, молитвенности...»⁴⁷.

Исследовательница ведёт речь о новом романе Пушкина и Керн, начавшемся, по её мнению, в феврале 1828 года: «Он был с ней сдержан, не высказывал чувств, “любил безмолвно”, не надеясь, а она не признала в его чувстве любовь»⁴⁸.

Из этого эмоционального текста можно заключить, что Л.А. Краваль опирается на такие соображения.

- Стихотворение «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» написано, возможно, тогда же, когда Пушкин изобразил Анну Керн в своей тетради, то есть около 2 октября 1829 года.

- В начале 1828 года Пушкин испытал безответную любовь к А.П. Керн, утаив своё чувство от неё.

Первый аргумент полностью опровергается уточнённой датировкой стихотворения, а второй аргумент очень спорен. А.П. Керн в своих воспоминаниях стремилась описать близкие дружеские отношения с Пушкиным: они выступают как бы членами одного кружка, куда входят также А.А. Дельвиг и его жена. В её повествовании сквозит ревность по отношению к А.А. Олениной, за которой Пушкин тогда, по её словам, «очень усердно ухаживал»⁴⁹. Она с удовольствием отмечала любые знаки внимания поэта к себе. В известном письме, написанном Пушкиным С.А. Соболевскому во второй половине марта 1828 года, есть фраза об интимной связи поэта с Анной Петровной. Даже если она и является ревнивым преувеличением, то всё равно свидетельствует об отношениях, далёких от безмолвной и безответной любви. В альбом Керн Пушкин записывал тогда короткие шуточные стихи, а стихотворение «Я вас любил...» туда не попало. Сама Анна Петровна его к себе также не относила, хотя без достаточных оснований полагала, например, что XIV–XV строфы VIII главы «Евгения Онегина», где говорится о Татьяне, появившейся на петербургском балу с мужем-генералом, связаны с нею⁵⁰.

Таким образом, предположение о том, что адресатом стихотворения «Я вас любил...» является А.П. Керн, несостоятельно.

Исследователь В.И. Доброхотов высказал гипотезу, что стихотворение вдохновлено **Марией Николаевной Волконской** (1805–1863), в девичестве Раевской, и входит в цикл: «Не пой, красавица, при мне...», Посвящение поэмы «Полтава», «Я вас любил...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (в ранней редакции). Ход рассуждений автора гипотезы таков: «*Между 12 февраля и 2 марта 1829 года поэт по*

Мария Николаевна Раевская.
Рис. А.С. Пушкина. 1823 г.
ПД № 834. Л. 28

просьбе генерала Н.Н. Раевского-старшего создаёт эпитафию на могилу Николеньки Волконского, сына Марии Николаевны. <...> Мог ли поэт в этот момент не думать о матери ребёнка, которой посвятил поэму, находящуюся уже на выходе из типографии⁵¹? Конечно, нет. И вот стимулированное работой над эпитафией, в тот же период (февраль — 10 марта) рождается одно из самых глубоких откровений Пушкина: “Я вас любил...”. <...> П.В. Анненков и вслед за ним Л.А. Черейский называют адресатом этих стихов А.А. Оленину, Т.Г. Цявловская — К.А. Собаньскую, справедливо утверждая, что стихи, вдохновлённые другой женщиной, попали в альбом Олениной “в какую-то неожиданную минуту”...»⁵².

Далее В.И. Доброхотов выражает согласие с комментаторами «Дневника» А.А. Олениной, что «нежданная минута» могла наступить 12 января 1830 года, но считает, что Пушкин «был узнан и “оштрафован” за это Анной Алексеевной. Вписанные в её альбом стихотворения “Я вас любил...” и “Что в имени тебе моём?” являются оплатой “штрафа” и одновременно шагом к примирению смущённого своей неловкостью поэта, но не более того. Однако и Т.Г. Цявловская вряд ли права, связывая стихи “Я вас любил...” с К. Собаньской: его отношение к ней было более страстным, и трудно говорить касательно её о робости и безмолвии Пушкина»⁵³.

Для обоснования своей гипотезы В.И. Доброхотов отмечает, что стихотворения «Эпитафия младенцу» и «Я вас любил...» сходно оканчиваются благословением: «в одном сын благословляет мать от подножия горнего алтаря, в другом поэт благословляет любимую женщину из петербургского далека». Из этого делается вывод, что «связь между “Эпитафией младенцу” и стихами “Я вас любил...” позволяет уточнить датировку создания последних: 12 февраля — 10 марта 1829 года»⁵⁴.

Опираясь на собственные выводы⁵⁵ о том, что ранняя редакция стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» относится к Марии Волконской, автор находит в стихотворении «Я вас любил...» переключку с этим произведением. Он усматривает явную связь стиха «Я вас любил безмолвно, безнадежно...» со стихом «И без надежд, и без желаний, / Как пламень жертвенный, чиста моя любовь»

и намёком на безответную любовь во 2-м четверостишии Посвящения поэмы «Полтава».

Итак, основные аргументы атрибуции стихотворения «Я вас любил...» к Марии Николаевне Волконской состоят в следующем.

- Сочиняя стихотворение «Я вас любил...», Пушкин не мог не думать о М.Н. Волконской, поскольку накануне написал «Эпитафию младенцу» для надгробия её сына.

- Стихотворения «Эпитафия младенцу» и «Я вас любил...» сходно оканчиваются благословением.

- Имеется связь шестого стиха «Я вас любил безмолвно, безнадежно...» со 2-м четверостишием Посвящения поэмы «Полтава» и 3-м четверостишием ранней редакции стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», которые относятся к М.Н. Волконской.

- Стихотворение «Я вас любил...» попало в альбом А.А. Олениной случайно, в виде отработки смущённым Пушкиным «штрафа» за посещение её дома в компании ряженных.

- К.А. Собаньской стихотворение вряд ли посвящено, потому что отношение поэта к ней было более страстным, чем в нём говорится.

Как отмечает сам В.И. Доброхотов, вся его аргументация носит косвенный характер. По нашему мнению, она зачастую вообще логически некорректна. К примеру, одним из главных аргументов атрибуции стихотворения «Я вас любил...» к М.Н. Волконской является одновременность его написания с «Эпитафией младенцу», и на основе этой же одновременности автор предлагает уточнить датировку создания стихотворения «Я вас любил...». Датировка стихотворений не позволяет уверенно утверждать, что эти произведения написаны одновременно. Да и связь их сильно преувеличена: благословение умершим младенцем матери и пожелание бывшей возлюбленной «любимой быть другим» совсем не одно и то же. Первый аргумент также сомнителен с точки зрения психологии творчества: даже в один день утром можно думать об одном, а вечером совершенно о другом. Кроме того, «Эпитафия младенцу» сочинена Пушкиным не из собственных побуждений, а по просьбе деда ребёнка Н.Н. Раевского (старшего).

Примечательно, что В.И. Доброхотов опирается на спорные гипотезы об атрибуции к М.Н. Волконской некоторых

стихотворений как на полностью доказанные факты. Даже если эти гипотезы и верны, авторские реминисценции, как уже отмечено выше, сами по себе не являются надёжным аргументом. Например, стих «И без надежд, и без желаний» близок не только к стиху «Я вас любил безмолвно, безнадежно», но и к записи в дневнике А.А. Олениной «Без цели, без желаний, без надежд...». Запись сделана 17 мая 1829 года, когда Анна Алексеевна не могла быть знакома с ранней редакцией стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», датированной 15 мая 1829 года.

Для подкрепления своей гипотезы автор пытается показать, что Оленина не является адресатом стихотворения «Я вас любил...», потому что оно попало к ней в альбом случайно, в виде некоего «штрафа» за нежданный визит. По нашему мнению, говорить о «штрафе» здесь вообще неуместно. Просьбы написать что-нибудь в альбом были совершенно обычны в светском обществе. Некоторые женщины с этой целью специально присылали свои альбомы поэту. Для примирения Пушкину достаточно было бы записать в альбом Олениной стихотворение «Что в имени тебе моём?», однако поэт вносит стихи «Я вас любил...». Может, это и произошло в случайную минуту, но отнюдь не случайно, о чём свидетельствует приписка 1833 года.

Если даже допустить, что Мария Волконская была «утаённой любовью» Пушкина, то по содержанию стихотворение «Я вас любил...» всё равно трудно отнести к ней. К примеру, в 1829 году Марию Николаевну вряд ли могла тревожить и печалить угасающая любовь поэта, не важно, «утаённая» или нет. Её в Сибири волновали куда более серьёзные проблемы. Следовательно, предположение В.И. Доброхотова о посвящении М.Н. Волконской этого стихотворения несостоятельно.

Итак, нами рассмотрены гипотезы об атрибуции стихотворения «Я вас любил...» к 5 женщинам: А.А. Олениной, К.А. Собаньской, Н.Н. Гончаровой, А.П. Керн и М.Н. Волконской. С высокой степенью уверенности можно отнести стихотворение лишь к А.А. Олениной, как по времени создания, так и по содержанию. Это подтверждается наличием в её альбоме пушкинского автографа стихотворения с припиской «plusqueparfait — давно прошедшее, 1833». Окончательному разрешению спора пушкинистов в пользу данной атрибуции препятствует только отсутствие

однозначно толкуемых прямых свидетельств или пометок А.С. Пушкина.

Ссылки и комментарии

¹ Исследователь Г.Н. Ермоленко считает, что «стихотворение К. Маро, как и пушкинский шедевр, включает в себя 8 стихов и представляет собой слегка деформированный триолет. «Фривольное, шутливое и комплиментарное стихотворение Маро развивает ту же тему, что и стихотворение Пушкина» (*Ермоленко Г.Н.* Пушкин и поэты французского ренессанса // Университетский пушкинский сборник. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — С. 369). Однако по последовательности рифм оба произведения лишь отдалённо напоминают триолет, где последовательность рифм должна быть АбаАабАВ и стихи А и В точно повторяются как рефрены. Оба стихотворения отличаются от триолета прежде всего отсутствием полных рефренов, то есть повторений одной или нескольких строк.

² Наш перевод максимально приближен к подстрочнику, но немного отличается последовательностью рифм: в переводе — abba**cdcd**, в оригинале — abba**adad**.

³ *Гречаная Е.П.* Пушкин и французская аристократическая литература XVII–XVIII веков // Университетский пушкинский сборник. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — С. 392.

⁴ *Есилов В.М.* Царственное слово. — М.: САМПО, 1998. — С. 38–40. Это мнение разделяют В.В. Крамер, В.И. Доброхотов, Л.В. Тимофеев.

⁵ *Пушкин А.С.* Сочинения / Под ред. С.А. Венгерова. — М.: Брокгауз и Ефрон, 1911. — Т. 5. — С. XXV. А.А. Григорьев цитирует окончание стихотворения А.С. Пушкина «Нет, я не должен, не могу...».

⁶ *Непомнящий В.С.* Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. — М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001. — С. 83.

⁷ *Черейский Л.А.* К датировке одного стихотворения Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1973. — Л.: Наука, 1975. — С. 78–80.

⁸ Там же. — С. 80.

⁹ Такую возможность Черейский не рассматривал, но совсем исключить её нельзя, хотя пересылка текста стихотворения менее вероятна, чем личная передача.

¹⁰ 1 мая 1829 года, получив неопределённый ответ на своё предложение руки и сердца Наталье Николаевне Гончаровой, Пушкин покинул Москву и направился на Кавказ.

¹¹ Долгушина М.В. К проблеме авторства романса «Я вас любил...» из сборника «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных композиторов» // XXXV Болдинские чтения. 11–13 сентября 2007 г. — Большое Болдино, 2008. — С. 437–451.

¹² Сочинения Пушкина. — СПб., 1885. — Т. II. — С. 496–497. В стихотворении «To Dawe, ESG» 5-й стих таков: «Рисуй Олениной черты».

¹³ Её дедушкой по материнской линии был известный оперный певец 2-й половины XVIII века М.Ф. Полторацкий.

¹⁴ Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 292.

¹⁵ Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829) / Предисловие и редакция Ольги Николаевны Оом. — Париж, 1936.

¹⁶ Сообщая об этом, Т.Г. Цявловская ссылается на «Воспоминания Александра Алексеевича Оленина в записи П.С. Попова», 1934 г.

¹⁷ Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 200.

¹⁸ Например, О.Н. Оом пишет, что в альбоме 2-я строка стихотворения «Её глаза» читалась иначе, чем в окончательном варианте: «Твоя Росетти егоза».

¹⁹ Старк В.П. Автореминисценции в «оленинском» цикле Пушкина // Приютинский сборник. — СПб.: Приютино, 2002. — Вып. III. — С. 113.

²⁰ Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной. — С. 292.

²¹ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 328.

²² Там же. Известный поэт и драматург, переводчик произведений Гомера Н.И. Гнедич был очень близким другом семьи Олениных.

²³ Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. — Л.: Наука, 1975. — С. 62.

²⁴ Крамер В.В. С.Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. — Л.: Наука, 1970. — С. 61.

²⁵ Устимович П.М. Анна Алексеевна Андро, рождённая Оленина // Русская старина. — 1890. — № 8. — С. 387–412.

²⁶ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — С. 282.

²⁷ Крамер В.В. С.Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — С. 61–62; Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. — С. 198–200; Есипов В.М. Царственное слово. — С. 38–40.

²⁸ В.В. Крамер отметил, что в записях С.Д. Полторацкого это единственный случай повторения такого рода.

²⁹ Крамер В.В. С.Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — С. 61.

³⁰ Не зная всех обстоятельств, П.А. Вяземский относился со свойственной ему иронией к любви Пушкина к Олениной. Письма П.А. Вяземского и дневниковые записи Олениной цитируются здесь и далее по изданию: *Оленина А.А. Дневник. Воспоминания.* — СПб.: Академический проект, 1999.

³¹ *Старк В.П.* Автореминисценции в «оленинском» цикле Пушкина. — С. 113.

³² Оленина часто для описания собственных переживаний цитировала в дневниковых записях произведения известных литераторов: Пушкина (чаще всего), Батюшкова, Баратынского, Козлова, Рылеева, Ламартина, Скотта, Купера.

³³ *Павлищев Л.Н.* Из семейной хроники. Воспоминания об А.С. Пушкине // В кн.: *Мир Пушкина: Семейные предания Пушкиных.* — СПб.: Пушкинский фонд, 2003. — Т. 3. — С. 132. Французские тексты в цитате даются в русском переводе самого Л.Н. Павлищева.

³⁴ Там же. — С. 316.

³⁵ *Пушкин.* Сочинения / Под ред. С.А. Венгерова. — М.: Брокгауз и Ефрон, 1911. — Т. 5. — С. XXV.

³⁶ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. — М.-Л.: Academia, 1935. — С. 202.

³⁷ Там же. — С. 206–207.

³⁸ *Цявловская Т.Г.* Дневник А.А. Олениной. — С. 286.

³⁹ Почти дословно эту фразу повторяет Н.В. Измайлов в статье «Пушкин в работе над “Полтавой”»: «Каждый стих Посвящения противился бы отнесению его к Олениной. А жизнь и личность Марии Раевской-Волконской идеально и полно выражаются в нём» (*Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. — Л.: Наука, 1975. — С. 62). Другими словами, «самолюбивая и избалованная барышня» Оленина недостойна быть адресатом Посвящения, а декабристка Волконская — достойна. По нашему мнению, это несостоятельный аргумент.

⁴⁰ Там же. — С. 289.

⁴¹ Там же. — С. 292.

⁴² Литература в школе. — 1963. — № 6.

⁴³ *Пини О.А.* Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1962–1963 годы) // *Временник Пушкинской комиссии.* 1963. — М.-Л.: Наука, 1965. — С. 76.

⁴⁴ *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987. — С. 241.

⁴⁵ *Старк В.П.* Автореминисценции в «оленинском» цикле Пушкина. — С. 112–113.

⁴⁶ *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). — М.: Советский писатель, 1967. — С. 413–414.

⁴⁷ *Краваль Л.А.* Рисунки Пушкина как графический дневник. — М.: Наследие, 1997. — С. 207.

⁴⁸ Там же. — С. 208.

⁴⁹ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. — М.: Правда, 1989. — С. 43.

⁵⁰ Там же. — С. 29.

⁵¹ Речь идёт о поэме «Полтава».

⁵² Доброхотов В.И. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Об одной черновой редакции // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — Выпуск IX. — С. 166.

⁵³ Там же. — С. 166–167.

⁵⁴ Там же. — С. 167.

⁵⁵ Справедливая, на наш взгляд, критика статьи В.Н. Доброхотова дана в работе: Есипов В.М. «Печаль моя полна тобою...» (Обзор комментариев) // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2002. — Выпуск X. — С. 89–110.

Сватался ли Пушкин к Анне Олениной?

По поводу сватовства А.С. Пушкина к А.А. Олениной, дочери известного государственного деятеля А.Н. Оленина, существуют разные свидетельства и мнения пушкиноведов.

- Поэт сватался и получил отказ родителей (художник Ф.Г. Солнцев¹, композитор А.А. Оленин²).
- Поэт сватался и не был отвергнут, но потом брак расстроился (художник М.И. Железнов со слов гувернёра Н.Д. Быкова³).
- Поэт не сватался (В.М. Файбисович⁴, Л.В. Тимофеев⁵).
- Неудачное сватовство поэта было неформальным (В.П. Старк⁶).

Наиболее распространена первая версия, основанная на воспоминаниях сотрудника Академии художеств Ф.Г. Солнцева: *«У А.Н. Оленина нередко бывал А.С. Пушкин... Он даже сватался за Анну Алексеевну. Однако же брак этот не состоялся, так как против него была Елизавета Марковна (жена А<лексея> Н<иколаевича>»*. Эта версия соответствовала ходившим в московском и петербургском свете слухам, которые, впрочем, были весьма разноречивыми, и семейным преданиям Олениных. Её придерживались многие исследователи и мемуаристы: П.И. Бартенев, П.М. Устимович, Т.Г. Цявловская и другие.

Повод для светских пересудов дали сами участники событий, находившиеся в центре внимания высшего общества. В зимний сезон 1827–1828 годов Пушкин после длительного перерыва встретил на балу у Е.М. Хитрово двадцатилетнюю Анну Оленину, которую знал ещё до ссылки маленькой девочкой, посещая салон её родителей в 1817–1820 годах. Польщённая вниманием поэта, девушка позвала его на белый танец. Пушкин в долгу не остался и через некоторое время ответно пригласил приглянувшуюся ему красавицу. Об этой встрече известно из автобиографического романа «Непоследовательность, или Любовь достойна снисхождения»⁷, который Анна Алексеевна начала писать в своём «Дневнике», но не довела до конца.

Весной поэт зачастил в дом Олениных, тайно от родителей девушки встречался с нею в Летнем саду в присут-

ствии её гувернантки-англичанки и П.А. Вяземского, который оставил об этом воспоминания⁸. В старости Анна Алексеевна рассказала об этих встречах своему внучатому племяннику композитору А.А. Оленину. Для неё эти свидания, скорее всего, были занимательным флиртом, отвлекающим от печальных мыслей в связи с неразделённым чувством к А.Я. Лобанову-Ростовскому. Общение с Пушкиным не только льстило её самолюбию, но, прежде всего, было для неё очень интересно: она серьёзно увлекалась его творчеством, её «Дневник» того периода изобилует записанными по памяти и оттого не всегда точными цитатами из пушкинских произведений. Ответного чувства к поэту у Анны не было: судя по записи в «Дневнике», ей не нравился его *«арапский профиль», «ужасные бакенбарды, расстрёпанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах», смущали «дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью», «странность нрава природного и принуждённого»*⁹.

Ориентируясь на эти качества, Анна прозвала Пушкина Red Rower по имени главного героя вышедшего тогда романа Фенимора Купера «Красный корсар», где выведен образ свободолюбивого благородного разбойника с сильными страстями. Нельзя не признать, что прозвище меткое: персонаж Купера похож на Пушкина даже внешне — тот же маленький рост, вьющиеся волосы, умные голубые глаза. Начитанная, острая на язычок Оленина умела придумывать точные прозвища.

Встречаясь с Пушкиным в Летнем саду, танцуя с ним на балах и званых вечерах, девушка невольно давала ему надежду на взаимность. Поэт страстно увлёкся ею, мечтал о браке. В подаренном Анне стихотворении «Её глаза» он назвал её «Олениной моей», что не понравилось матери девушки Елизавете Марковне¹⁰.

Рассказывая о вечере у Мещёрских 5 мая 1828 года, П.А. Вяземский писал жене: *«Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в неё влюблён...»*¹¹. Поняв намерения поэта, Анна стала вести себя с ним более сдержанно и настороженно, боясь, как бы его настойчивость не повредила её репутации, не отвратила других женихов.

9 мая 1828 года Пушкин вместе с Олениными совершает круиз на пироскафе в Кронштадт, скорее всего, связанный с проводами художника Джорджа Доу, возвращавшегося на

родину после выполнения портретов героев Отечественной войны 1812 года для Военной галереи Зимнего дворца. Впечатления от прогулки вдохновили Пушкина на 2 стихотворения: «To Dawe, ESQr» и «Увы, язык любви болтливой...». Поэта пока не огорчает сдержанность девушки, прекрасные черты которой в 1-м стихотворении он советовал рисовать Доу. Пушкин склонен приписывать всё девичьей скромности или, может быть, тонкому кокетству:

*Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвёшь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтёшь*¹².

Это «стихотворное посланье» осталось неоконченным и к Анне не попало. 20 мая Пушкин в компании друзей гостил в Приютино, загородном имении Олениных. В тот день Анна невольно обратилась к нему на «ты», что оживило надежды поэта на брак с нею. Даже тучи докучливых приютинских комаров не раздражали его, и, по словам П.А. Вяземского, он восклицал: «Сладко!» По возвращении из Приютина, 23 мая, воодушевлённый Пушкин написал стихотворение «Ты и вы».

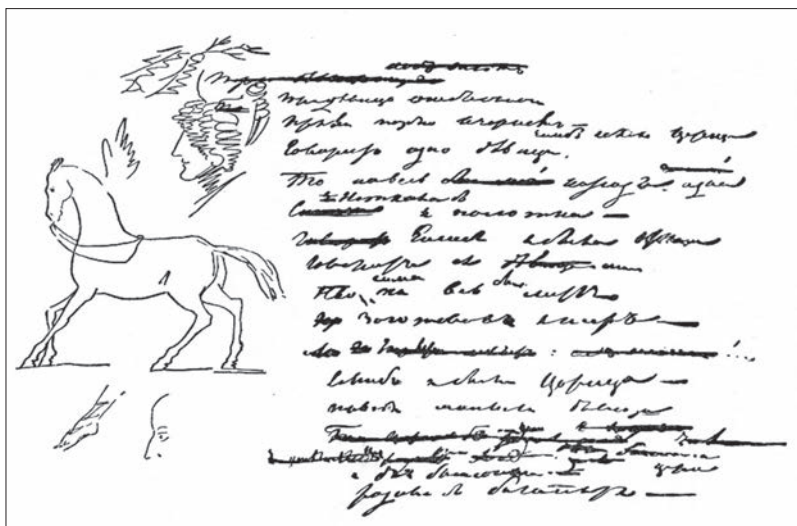
25 мая поэт вместе с Вяземским, Мицкевичем, Сергеем Голицыным («Фирсом») и Олениными вновь едет в Кронштадт для осмотра готовящейся к отплытию в море флотилии. На этот раз сдержанное поведение Анны огорчает Пушкина. На обратном пути пироскаф попадает в шторм, и ненастье переключается с мрачноватым настроением поэта. «Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь»¹³, — пишет П.А. Вяземский жене.

Настроение этого вечера отразилось в датированном следующим днём печальном философском стихотворении «Дар напрасный, дар случайный...», на листе со списком которого (ПД № 80. Л. 1 об.) Александр Сергеевич начертил профиль Анны Алексеевны.

Надежды на успешное сватовство не покидают поэта. В черновиках начатой в то время поэмы «Полтава»

А.А. Оленина.
Рис. А.С. Пушкина. 1828 г.
ПД № 80. Л. 1 об.

Профиль А.А. Олениной (?) и изображение лошади в наброске начала «Сказки о царе Салтане». 1828 г. ПД № 838. Л. 16 об.

он пишет имя девушки рядом со своим, рисует её портреты. Одно время он даже думает дать имя Анна главной героине, но потом меняет намерение. 27 мая Пушкин вновь отправляется в Приютино, где вручает Анне Алексеевне стихотворение «Ты и вы», заканчивающееся стихом: «И мыслю: как тебя люблю!». Однако к такому поэтическому признанию в любви девушка предпочла отнестись как к обычному мадригалу.

В начале июня Пушкин по-прежнему часто бывает в Приютине, вдохновляясь своими чувствами к Анне, пишет стихотворение «Кобылица молодая...». Встречается он с девушкой и в светском кругу, стараясь вести себя корректно и ненавязчиво.

Мечты поэта о женитьбе находят графическое воплощение в черновом наброске начала «Сказки о царе Салтане...» (ПД № 838. Л. 16 об.), относящемся к июню 1828 г. Рядом с текстом о трёх девицах и выборе царём невесты, по определению А.М. Эфроса, начертан профильный портрет Анны Олениной, рядом левее растительные виньетки, ниже карандашом нарисована стройная обузданная лошадка без седока, а ещё ниже — дамская ножка в бальной туфельке. Можно предположить в этих рисунках переключку с на-

писанным примерно тогда же стихотворением «Кобылица молодая...»:

*В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.*

20 июня 1828 года после беседы с Пушкиным в петербургском доме своей тётушки Варвары Дмитриевны Полторацкой, урождённой Киселёвой, Анна записывает в дневнике, что поэт был «довольно скромн» и что она «даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не соврал чего в сантиментальном роде»¹⁴.

В кругу близких друзей Александр Сергеевич неосторожно роняет фразу вроде: «Мне бы только с родителями сладить, а с девчонкой уж я слажу», не ожидая, конечно, что это может дойти до Олениных. Слова Пушкина передала им В.Д. Полторацкая, которая прочила Анну за своего брата Николая Дмитриевича Киселёва, обаятельного молодого дипломата, который умел нравиться женщинам. Тётушка хотела расчистить путь к цели своему брату, вызвав возмущение Анны и её родителей, которые и так были не в восторге от ухаживаний Пушкина. Отношение Олениных к возможному сватовству Пушкина очевидно из записи в дневнике Анны от 17 июля 1828 года: «...Разговорилась я после обеда с Ив. Андр. Крыловым об наших делах. Он вообразил себе, что двор вскружил мне голову и что я пренебрегла бы хорошими партиями, думая выйти за какого-нибудь генерала. В доказательство, что я не простираю так далеко своих видов, назвала я ему двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них: Меендорфа и Киселёва. При имени последнего он изумился. “Да, — повторила я, — и думаю, что они не такие большие партии, и уверена, что Вы не пожелаете, чтоб я вышла замуж за Краевского или за Пушкина”. — “Боже избави, — сказал он, — но я желал бы, чтоб вы вышли за Киселёва, и ежели хотите знать, то он сам того желал, но он и сестра говорили, что нечего ему соваться, когда Пушкин того ж желает»¹⁵.

Знаменитый баснописец И.А. Крылов с 1808 года был практически домочадцем Олениных и наверняка выражал общее мнение семьи. Для Анны желательными женихами были барон А.К. Меендорф, тогда отставной военный, и особенно симпатичный Н.Д. Киселёв, а нежелательными партиями она считала А.С. Пушкина и А.П. Краевского, в то время мелкого чиновника Военного министерства, который

тщетно пытался привлечь внимание девушки.

У Анны Олениной и её семьи было двойное отношение к Пушкину: им восхищались как гениальным поэтом, любили его произведения, радушно принимали в своём кругу, но не хотели видеть супругом и зятем. Общаться с Пушкиным умной и кокетливой Олениной было, конечно, интересно, приятен был и лёгкий флирт, но не серьёзные ухаживания с видами на брак. Прислушиваясь к светским толкам и мнению родных, она считала его вертопрахом, не способным обеспечить благополучную жизнь в семье.

У родителей Анны были также другие веские причины не выдавать дочь за поэта. Весной и в начале лета 1828 года в отношении Пушкина велось дело об элегии «Андрей Шенье», запрещённый отрывок которой распространялся в списках с пометкой «На 14 декабря». Пушкину грозили неприятности. Он на допросах отвечал, что элегия написана за полгода до восстания декабристов, поэтому не может иметь к нему отношения. Дело закрыли 28 июня 1828 года распоряжением установить за Пушкиным тайный надзор полиции. Пресс-секретарь Госсовета А.Н. Оленин, подписавший протокол, разумеется, был в курсе дела.

Чувствуя холодность Олениной, поэт ищет утешения в карточной игре. Светские слухи об этом сообщает в письме П.А. Вяземскому от 28 июня 1828 года С.Н. Карамзина: «Говорят, что Пушкин, чтобы утешиться в превратностях любви, играет и проигрывает все свои деньги»¹⁶. На этом фоне поэт заводит роман со светской львицей А.Ф. Закревской, которой посвящает несколько стихотворений. Однако связь с этой экстравагантной замужней женщиной, которую он в стихах назвал «беззаконной кометой», не может затмить в его сердце любовь к «ангелу безмятежно-

Николай Дмитриевич Киселёв.
Неизв. художник. 1830-е гг.

му» Олениной, с самого начала связанную со стремлением вступить в брак.

Накануне дня рождения Анны он пишет ей мадригал «Вы избалованы природой...». Как видно, Пушкин опасался в очередной раз спугнуть девушку пылкими выражениями, и стихотворение получилось сдержанное, суховатое в сравнении с ранее подаренными ей стихами, проникнутыми искренними чувствами. В альбомах избалованной вниманием поэтов Олениной подобного рода мадригалов было много. Видимо, оттого Пушкин и не вручил стихи Анне, когда приехал 11 августа 1828 года на праздник в Приютино. Общение с поэтом в этот день девушка описала так: «Он влюблён в Закревскую, всё об ней толкует, чтоб заставить меня ревновать, но при том тихим голосом прибавляет мне нежности»¹⁷. Такое поведение лишь укрепляло у Олениной мнение о поэте как о вертопрахе.

В начале августа в отношении Пушкина начинается ещё одно дело: об авторстве кощунственной поэмы «Гавриилиада», написанной им в ранней молодости. Религиозные воззрения Пушкина в корне изменились, он пытается откреститься от авторства, но дело приобретает серьёзный оборот. «Ты зовёшь меня в Пензу, — пишет он Вяземскому, — а того и гляди, что я поеду далее, прямо, прямо на восток»¹⁸.

В.М. Файбисович в предисловии к изданию «Дневника» А.А. Олениной писал: «В этих обстоятельствах¹⁹ попытка сватовства обернулась бы фарсом». Такое мнение разделяет и первый директор музея-усадьбы «Приютино» Л.В. Тимофеев²⁰. Если смотреть на события со стороны, то ясно, что сватовство Пушкина было обречено на провал. Однако, на наш взгляд, это не является безусловным аргументом в пользу точки зрения, что Пушкин к Олениной вовсе не сватался. Поэт не знал о записях Анны в дневнике на свой счёт, ему неизвестны были разговоры в её семье о возможном браке с Киселёвым, который впоследствии так и не состоялся. Наряду с тоской поэта по поводу предстоящей разлуки с Анной, если он вновь окажется в ссылке, в обращённом к ней стихотворении «Предчувствие», написанном в тот период, звучит надежда:

*Может быть, ещё спасённый,
Снова пристань я найду...²¹*

Вряд ли Пушкин похоронил бы свою мечту о браке с Анной Алексеевной, хотя бы не намекнув на возможное сватовство в разговоре с отцом девушки. Косвенно в пользу этого говорит свидетельство Н.Д. Быкова, квартировавшего в здании Академии художеств и хорошо запомнившего слухи о семье её президента А.Н. Оленина, ходившие в среде художественной интеллигенции: *«Пушкин посватался к Олениной и не был отвергнут. Старик Оленин созвал к себе на обед своих родных и приятелей, чтобы за шампанским объявить им о помолвке своей дочери за Пушкина. Гости явились на зов, но жених не явился. Оленин долго ждал Пушкина и, наконец, предложил гостям сесть за стол без него. Александр Сергеевич приехал после обеда, довольно поздно. Оленин взял его под руку и отправился с ним в кабинет для объяснений, закончившихся тем, что Анна Алексеевна осталась без жениха»*²².

Исследователь Б.П. Козьмин²³ трактовал это свидетельство так: поэт сам передумал жениться на Олениной и оттого опоздал на собственную помолвку. Дневниковые записи Анны, процитированные выше, показывают невозможность согласия А.Н. Оленина на брак дочери с Пушкиным. Набожная Елизавета Марковна Оленина, мать девушки, как гласит семейное предание, тоже была против этого брака, особенно после того, как стало известно о богохульной поэме «Гавриилиада». Своего отношения к поэту, как следует из дневниковых записей её дочери, она не скрывала. П.И. Баргнев писал по этому поводу: *«А.А. Оленина, на которой Пушкин думал жениться, отказала ему по приказанию своих родителей»*²⁴. Анна Алексеевна сама не хотела этого брака, поэтому в подобном приказании не было нужды.

Свидетельство Н.Д. Быкова об удачном сватовстве Пушкина к Олениной не внушает доверия также из-за отсутствия данных о том, что академический гувернёр посещал дом Олениных и был в курсе их семейных дел. Но вряд ли это свидетельство основано лишь на пустых слухах. Объяснение А.С. Пушкина и А.Н. Оленина по поводу Анны Алексеевны после опоздания поэта на какой-нибудь званный обед вполне могло состояться. Это не противоречит этикету пушкинской эпохи. Пример объяснения такого рода в случае неуверенности жениха в успехе сватовства есть в воспоминаниях Елизаветы Петровны Яньковой, один

из двоюродных братьев которой, граф Пётр Степанович Толстой, прежде чем делать формальное предложение её дочери Аграфене Дмитриевне, решил благоразумно выяснить мнение семьи: «Однажды он говорит мне: “Ma cousine, что бы вы мне сказали, если бы я посватался за одну из ваших дочерей, за Agrippine?” Я спрашиваю его: “Да что ты это в шутку мне говоришь?”

— Нет, ma cousine, очень серьёзно, — отвечал он.

— Ну и я скажу тебе серьёзно, что мы слишком близкие родные, чтобы я согласилась отдать за тебя которую-нибудь из моих дочерей. Твоя мать мне родная тётка, и вдруг Грушенька будет ей снохой: да этого брака и архиерей не разрешит...»²⁵.

Разговор состоялся в конце 1810-х или начале 1820-х годов. Е.П. Янькова относилась к этому разговору как к неформальному сватовству и говорила, что её дочь могла быть замужем за П.С. Толстым (при такой степени родства браки обычно разрешались).

Другим косвенным аргументом в пользу неформального сватовства к Олениной можно считать рисунки Пушкина в рукописи неоконченной поэмы «Тазит»²⁶. Опоэтизированный портрет Анны Алексеевны и профиль её отца (по предположению Р.Г. Жуйковой) начертаны на листе с описанием сцены неудачного сватовства главного героя:

*...И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К её отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскую,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою...»*

<...>

*Но с неприязненною думой
Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал,
Махнул рукой и отвечал:*

<...>

*«...Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя!
Ты мой рассудок искушаешь,
Иль празднословия, иль шутя.
Ступай, оставь меня в покое»²⁷.*

В письме П.А. Вяземскому, которое было начато 19–20 августа и закончено 1 сентября 1828 года, Пушкин пишет: *«Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не твоя Медная Венера»²⁸, то я бы с тоски умер»²⁹*. Объяснение поэта с Олениным, полностью развеявшее его иллюзии в отношении брака с Анной, могло состояться именно в те дни. Вяземский ответил другу вопросом-каламбуром: *«Разве тебя более в Приютино не пускают...?»*.

В Приютино Пушкина, конечно, приглашали. 5 сентября он приехал на праздник в честь именин Елизаветы Марковны Олениной и, наверное, с грустью смотрел, как очаровательная Анна блистает во всех трёх действиях театрализованной шарады «Меломания». *«Прощаясь, Пушкин сказал мне, что должен ехать в свои имения, если только ему достанет решимости — добавил он с чувством»³⁰*, — записала Анна. Это был последний визит поэта в имение Олениных. Двери их дома по-прежнему оставались для него открытыми, но бывать там, где он пережил глубокое разочарование и обиду, видимо, поэт уже не хотел.

После его отъезда состоялся важный разговор Анны Олениной с Сергеем Григорьевичем Голицыным («Фирсом»), который был её другом и своего рода сердечным поверенным. Анна записала в дневнике: *«...Я напомнила Сержу Гол<ицыну> его обещание рассказать мне о некоторых вещах. Поломавшись, он сказал мне, что это касается поэта. Он умолял меня не менять своего поведения, укорял маменьку за суровость, с которой она обращалась с ним, сказав, что таким средством его не образумить. Когда я рассказала ему о дерзости, с которой Штерич разговаривал со мной у графини Кутайсовой о любви Пушкина, он объявил, что тоже отчитал его, сказав, что это не его дело и что я очень хорошо ему ответила. А когда я выразила ему своё возмущение высказываниями Пушкина на мой счёт, он мне возразил: “По-вашему, он говорил: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой уж я слажу», — не так ли. Но ведь это при мне было, и не так сказано, но ведь я знаю, кто вам сказал и зачем. Вам сказала Вар<вара> Д<митриевна>”. И тут я подумала, что у него такие же веские доводы, как и у меня, и умолкла»³¹*.

Из разговора следует, что, хотя Елизавета Марковна Оленина выказывала «суровость» в отношении поэта, Анна вела себя с ним более мягко и тактично. Она старалась

образумить поэта, не задев его самолюбия. Для неё нежелательны были светские толки об их отношениях, поэтому она резко осадил молодого камер-юнкера Е.П. Штерича, бестактно вмешавшегося не в своё дело. Однако и Оленины, и Пушкин были слишком на виду у всех, и слухов о неудачном сватовстве поэта избежать не удалось.

Князь Сергей Голицын сыграл роль примирителя сторон, убеждая Анну не менять поведения по отношению к Пушкину, и сумел успокоить её в отношении неловкого высказывания

поэта, намеренно искажённого В.Д. Полторацкой. Судя по всему, Оленина смогла и в дальнейшем выдержать нужный тон в общении с Пушкиным: крушение надежд на брак с нею тогда отозвалось в сочинениях и зарисовках поэта ностальгическими мечтами и печалью, а не раздражением. В черновиках «Полтавы», к работе над которой Пушкин вернулся в октябре 1828 года, остались портреты Анны, её инициалы, анаграммы и даже густо зачёркнутая надпись по-французски «Annette Poushkine». Перед отъездом поэт написал стихотворение «Город пышный, город бедный...», в котором высказывал сожаление о разлуке с мрачноватым Петербургом, где остаётся очаровавшая его девушка:

*Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой³².*

Может быть, собираясь в дорогу, поэт вспоминал, как ещё недавно рисовал гирлянды из маленьких женских ножек³³ вокруг стихотворений, вписанных им в альбомы миниатюрной светловолосой красавицы Олениной...

Пушкин едет в Малинники, имение П.А. Осиповой в Старицком уезде, где дорабатывает «Полтаву», пишет к ней

Князь Сергей Григорьевич
Голицын. 1830-е гг.

Посвящение, сочиняет лирические стихи, работает над VII главой «Евгения Онегина». В начале декабря поэт приезжает в Москву, где получает письмо А.А. Дельвига, который пишет: *«Город Петербург полагает отсутствие твоё не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрши ли какой был причиною; 2-й уверяет, что ты для материалов 7-й песни «Евгения Онегина» отправился; 3-й уверяет, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться; 4-й же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву»*³⁴.

Однако это не все слухи об отношениях Пушкина и Олениных. Когда по прибытии в Москву он посетил дом Ушаковых, тем уже были известны толки об увлечении поэта Анной Олениной и отказе её родителей. Екатерина Николаевна Ушакова, за которой поэт ухаживал после возвращения из михайловской ссылки, была тогда просватана за Долгорукова. На вопрос Пушкина: «С чем же я-то остался?» обиженная его изменой Ушакова ответила язвительным каламбуром: «С оленьими рогами». В альбоме её сестры Елизаветы Николаевны Ушаковой, в замужестве Киселёвой, сохранились автографы поэта, несколько начертанных им портретов Анны Алексеевны Олениной и сатирические рисунки сестёр на тему неудачного сватовства.

На одной карикатуре³⁵ изображена кокетливая молодая особа в тёмной широкополой шляпе. Рядом рукой П.С. Киселёва, сына Елизаветы Николаевны, сделана карандашом надпись: «Оленина». Дама стоит с удочкой на берегу пруда и ловит на приманку в

Екатерина Ушакова.
Рис. А.С. Пушкина. 1829 г.
ПД № 1723. Л. 27

виде большого жука мужчин, плавающих на поверхности.
Подпись гласит:

*Как поймаю рыбочку
Я себе на удочку,
То-то буду рада,
То-то позабавлюсь,
То-то разгуляюсь!*

На другом берегу нарисован мужчина в цилиндре и с тростью, по словам П.С. Киселёва, А.С. Пушкин, и написано: «Madame, il est temps de finir!» («Мадам, пора заканчивать!»). Обращение к Олениной как к замужней женщине наводит на такую мысль: карикатура содержит намёк на участь Пушкина в случае женитьбы на ней. Здесь чувствуется перекличка с фразой Екатерины Ушаковой об «оленьих рогах».

Особенно интересен рисунок³⁶, где изображён мужчина с бакенбардами, похожий на Пушкина, целующий ручку у модно одетой дамы. Ручкой Екатерины Ушаковой выведена подпись:

*Прочь, прочь отойди,
Какой беспокойный!
Прочь, прочь, отвяжись,
Руки недостойный!*

А.А. Оленина с удочкой. Шарж в альбоме Ел. Н. Ушаковой.
1929 г. ПД № 1723. Л. 94

Изображённая в шаржированном виде дама с высокой причёской и маленькими ножками очень напоминает Оленину, как её рисовал поэт в том же альбоме. Характерно, что её изящная ручка сложена в кукиш.

Однако судьбоносные для Пушкина события накануне нового 1829 года происходят не в доме Ушаковых, а на балу у танцмейстера Йогеля, где поэт впервые встречает юную красавицу Наталью Николаевну Гончарову, свою будущую жену. *«Когда я увидел её в первый раз, красоту её едва начали замечать в свете, я полюбил её, голова у меня закружилась...»*³⁷ — писал он позднее матери невесты Н.И. Гончаровой. Рассеянность Пушкина в те дни замечает и П.А. Вяземский, который пишет жене: *«Он что-то во всё время был не совсем по себе. Не умею ни объяснить, ни угадать, что с ним было или чего не было...»*³⁸.

Прежнее чувство к А.А. Олениной было вытеснено вспыхнувшей любовью к Н.Н. Гончаровой. Стихи, написанные в августе 1828

года ко дню рождения Анны, но так ей и не вручённые, поэт переделал и, как известно, вписал в альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. В первые месяцы 1829 года он пишет элегию *«Я вас любил: любовь ещё, быть может...»*, наиболее вероятно, обращённую к А.А. Олениной³⁹.

В тот год поэт время от времени вспоминает об Олениных, в конце мая рисует в черновиках их портреты. Вернувшись в Петербург, скорее всего, при подготовке своих произведений к публикации в «Северных цветах» Пушкин меняет в 6-м стихе элегии *«Я вас любил...»* слово «страсть» на слово «робость»: теперь это более точно передавало его прежние чувства к Олениной.

А.А. Оленина отказывает А.С. Пушкину. Шарж в альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1929 г. ПД № 1723. Л. 50 об.

В конце 1829 года, работая над VIII главой «Евгения Онегина», поэт пишет обидные, несправедливые строки об Олениных, которые часто цитируются и обсуждаются⁴⁰, и вычёркивает их фамилию из списка для рассылки визиток к Новому 1830 году. Достоверно неизвестно, что вызвало такую вспышку досады и раздражения Пушкина: обидные воспоминания, подогретые чьей-нибудь бестактностью вроде вмешательства Штерича, или какое-то новое недо-разумение. Маловероятно, чтобы поводом послужили высказывания или поступки кого-либо из Олениных, которые опасались светских слухов, способных бросить тень на репутацию их незамужней дочери.

Вряд ли это был серьёзный инцидент. Излив раздражение на бумаге, поэт успокоился. Обидные строки об Олениных в беловик не попали. В тот же период Пушкин нарисовал упомянутые выше чудесные портреты Алексея Николаевича и Анны Олениных в черновиках «Тазита». 12 января 1830 года поэт появляется в их доме в маске и домино в весёлой компании ряженых вместе с Е.М. Хитрово и её дочерью Д.Ф. Фикельмон. Последняя писала, что Пушкин и её мать были тотчас узнаны под масками⁴¹. Тогда, скорее всего, и появилось в альбоме Анны Алексеевны стихотворение «Я вас любил...». Это переводило их отношения в иную плоскость: любовь и ухаживания Пушкина становились достоянием прошлого. Как считает Л.В. Тимофеев⁴², визит подтверждает его мнение о том, что Пушкин не сватался к Олениной, поскольку жених по обычаям того времени не должен был посещать дом, где ему отказали. Однако строгого запрета на этот счёт не было. Например, из воспоминаний московской барыни Е.П. Яньковой известно, что её будущий супруг Д.А. Яньков всё же иногда заходил к её отцу после отказа и лишь 4-я попытка сватовства оказалась успешной.

Анна Алексеевна в 1840 году вышла замуж за полковника (впоследствии сенатора) Ф.А. Андро, внебрачного сына генерала от инфантерии графа А.Ф. Ланжерона, героя Отечественной войны 1812 года. Она много лет прожила в Варшаве, воспитала 3 дочерей и сына. Воспоминания юности, самые яркие из которых связаны с именем Пушкина, она хранила в душе до последних дней жизни. В Варшаве Анна Алексеевна подружилась с сестрой поэта Ольгой Сергеевной Павлицевой. Её сын Л.Н. Павлицев так передаёт разговор двух женщин о гибели Пушкина: «*Говоря Ольге*

Сергеевне о покойном поэте, госпожа Андро заявила ей однажды полушутя, полусерьёзно: «Очень жаль, что покойный твой брат не на мне женился! Сама бы за него или подставила грудь под пистолет Дантеса проклятого, или ужокошила бы его, как собаку»⁴³.

Желание умевшей метко стрелять Анны Алексеевны защитить Пушкина или «ужокошить» его убийцу трогательно, однако о сожалении по поводу несостоявшегося брака с поэтом в беседе с его сестрой она говорила наверняка из деликатности. В старости она рассказывала внучатому племяннику Александру Алексеевичу Оленину, что Пушкин делал

ей предложение, но большой партией она его не считала, потому что он был «вертопух» (то есть вертопрах), не имел состояния и положения в обществе. Сама она не настолько симпатизировала ему, чтобы идти наперекор семье⁴⁴. Это важное свидетельство в пользу того, что обсуждаемое нами сватовство в той или иной форме имело место.

Итак, на основе прямых документальных свидетельств участников и очевидцев событий с полной уверенностью можно заключить, что в 1828 году А.С. Пушкин намеревался свататься к Олениной, но сама девушка и её родители не хотели этого брака. Свидетельство об удачном сватовстве и последующем отказе поэта от брака не соответствует действительности. На наш взгляд, наиболее близко к истине мнение В.П. Старка⁴⁵, что неудачное сватовство Пушкина к Анне Алексеевне не носило формального, официального характера.

АННА АЛЕКСЕЕВНА ОЛЕНИНА
ВЪ ЗАМУЖЕСТВЪ АНДРО.

Съ портрета, принадлежаща ея дочери А. Ф. Вайдо.

Ссылки и комментарии

- ¹ Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. — 1876. — Т. 15. — С. 633.
- ² Пушкин. Исследования и материалы. — М.-Л.: Издательство АН СССР. — Т. II. — С. 270–271.
- ³ Сборник Пушкинского дома на 1923 год. — Петроград: Государственное издательство, 1922. — С. 33–34.
- ⁴ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / Вст. статья В.М. Файбисовича. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 28.
- ⁵ Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 194–197.
- ⁶ Старк В.П. Автореминисценции в «оленинском» цикле Пушкина // Приютинский сборник. — СПб.: Приютино, 2002. — Вып. 3. — С. 101–102.
- ⁷ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — С. 66–70.
- ⁸ Пушкин в воспоминаниях современников. — СПб.: Академический проект, 1998. — Т. I. — С. 114.
- ⁹ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — С. 67–68.
- ¹⁰ Об отрицательном отношении Е.М. Олениной к сватовству Пушкина писала внучка А.А. Олениной О.Н. Оом в предисловии к парижскому изданию «Дневника Annette», выпущенному ею в 1936 году.
- ¹¹ Пушкин в неизданной переписке современников // Литературное наследство. — М., 1952. — Т. 58. — С. 77–78. Другие письма П.А. Вяземского цитируются также по этому изданию.
- ¹² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. — Т. 3. — С. 90.
- ¹³ Пушкин в неизданной переписке современников. — С. 80.
- ¹⁴ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — С. 56.
- ¹⁵ Там же. — С. 63–64.
- ¹⁶ Пушкин в неизданной переписке современников. — С. 71 (перевод с французского).
- ¹⁷ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — С. 71.
- ¹⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 10. — С. 250.
- ¹⁹ Дело о «Гавриилиаде» было прекращено только 31 декабря 1828 года после объяснения Пушкина с Николаем I по резолюции императора.
- ²⁰ Аргументируя свою точку зрения, он пишет, что в случае сватовства Оленина непременно отразила бы этот факт в дневнике. На наш взгляд, это вовсе не очевидно, так как записи, которые она делала в своём «журнале» не ежедневно, перемежаются с её литературными опытами и не являются полной хроникой основных событий в семье.

- ²¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 3. — С. 70.
- ²² Сборник Пушкинского дома на 1923 год. — С. 33–34.
- ²³ Козьмин Б.П. Пушкин и Оленина (По новым данным) // Сборник Пушкинского дома на 1923 год. — С. 31–34.
- ²⁴ Русский архив. — 1908. — Т. I. — С. 545.
- ²⁵ Благово Д.Д. Рассказы бабушки. — Л.: Наука, 1989. — С. 197.
- ²⁶ Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки А.С. Пушкина. Каталог аттрибуций. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — С. 250.
- ²⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 4. — С. 320, 508.
- ²⁸ Медная Венера — прозвище А.Ф. Закревской.
- ²⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 10. — С. 250.
- ³⁰ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — С. 81.
- ³¹ Там же. С. 81–82.
- ³² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 3. — С. 77.
- ³³ Об этих гирильдах сообщает О.Н. Оом в предисловии к изданию «Дневника Annette».
- ³⁴ Переписка А.С. Пушкина. — М., 1982. — Т. 1. — С. 408–409.
- ³⁵ Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное воспроизведение. — СПб.: Logos, 1999. — С. 203. — Л. 94.
- ³⁶ Там же. — С. 116. — Л. 50 об.
- ³⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 10. — С. 804.
- ³⁸ Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. — С. 201.
- ³⁹ Егорова Е.Н. Кому посвящена элегия «Я вас любил: любовь ещё, быть может...? // Настоящее издание. — С. 60–92.
- ⁴⁰ См., например: Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 280–283.
- ⁴¹ Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. — С. 202.
- ⁴² Пушкин в воспоминаниях современников. — Т. II. — С. 142.
- ⁴³ Павлицев Л.Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А.С. Пушкине // Мир Пушкина: Семейные предания Пушкиных. — СПб.: Пушкинский фонд, 2003. — Т. 3. — С. 102.
- ⁴⁴ Пушкин. Исследования и материалы. — Т. II. — С. 270–271.
- ⁴⁵ Старк В.П. Автореминисценции в «оленинском» цикле Пушкина. — С. 101–102.

Кто адресат стихов Пушкина «Не пой, красавица, при мне...»?

Прекрасные стихи А.С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» хорошо изучены, их адресат, казалось бы, давно установлен. Подробный анализ этого произведения содержится, например, в обстоятельном исследовании Р.Е. Иезуитовой¹, поэтому историю создания стихотворения изложим очень кратко.

Пушкин работал над ним с 3 по 12 июня 1828 года, как следует из пометок на сохранившемся беловом автографе ранней редакции. Импульсом к написанию послужила услышанная поэтом грузинская песня, сообщённая А.С. Грибоедовым композитору М.И. Глинке. Причём стихи были сочинены именно на эту мелодию, что известно из записок композитора после встречи с Грибоедовым: «Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом

А.С. Грибоедов.
Рис. А.С. Пушкина. 1829 г.
ПД № 1723. Л. 67

А.С. Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне...»². Скорее всего, поэт слышал мелодию в исполнении Анны Алексеевны Олениной, в которую тогда был настолько серьёзно влюблён, что собирался к ней свататься. «Бедная дева», черты которой вспоминает Пушкин, слушая печальную грузинскую песню в исполнении своей очаровательницы, это Мария Николаевна Волконская, урождённая Раевская. В неё поэт был поэтически влюблён в 1820 году, когда путешествовал с её семьёй по югу России. А на момент сочинения стихов она уже 2 года как была в Сибири, уехав к осуждённому мужу — декабристу Сергею Григорьевичу Волконскому.

Казалось бы, в этой версии атрибуции всё красиво, логично, хорошо обосновано. Однако не всеми исследователями она воспринимается однозначно. Например, С.Л. Гинзбург³ считал, что стихи обращены к музе поэта. Такое предположение справедливо раскрытиковали Т.Г. Цявловская⁴ и Р.В. Иезуитова в упомянутой выше статье, поскольку идея не подтверждается ни одной строкой стихотворения. Гипотезу о том, что «бедная дева» — это Мария Волконская, под-

Амалия Ризнич.

Рис. А.С. Пушкина. 1823 г.
ПД № 834. Л. 12 об.

вергли вполне обоснованным сомнениям В.М. Есипов⁵ и Е.А. Зингер⁶. Сомнения базируются на том, что Волконскую вряд ли можно считать в 1828 году «роковым призраком», ведь она была жива, хотя и находилась в Сибири. Кроме того, в период, когда Пушкин был в неё влюблён, её нельзя назвать бедной ни в каком отношении. Милой (см. ниже раннюю редакцию стихотворения) она, безусловно, была, а бедной, то есть обездоленной и/или небогатой, её можно считать только после отъезда в Сибирь в 1826 году. Однако «девой» она к тому времени уже давно не являлась, выйдя замуж в 1824 году. Смещение эпитета «бедная» к времени написания стихотворения неоправданно, поскольку разрушает целостность образа, ведь поэт вспоминал *«при луне черты далёкой бедной девы»*. Е.А. Зингер предложила на «роль» «бедной девы» кандидатуру Амалии Ризнич, умершей в Италии в 1825 году, но аргументация исследовательницы неубедительна, как отметил В.М. Есипов. Например, покойную в 1828 году Амалию можно назвать «призраком роковым», но на момент увлечения поэта ею в Одессе богатая негоциантка не являлась «бедной девой» ни в каком смысле.

Слишком эмоционально и, на наш взгляд, предвзято интерпретирует историю создания стихотворения Л.М. Аринштейн⁷, пытаясь доказать, что великий поэт ни-

когда не испытывал к А.А. Олениной серьёзных чувств: «...Пушкин буквально взорвался. Услышав, как Анна Алексеевна напевала грузинскую мелодию (вроде бы привезённую с Кавказа Грибоедовым), он пишет поразительное по силе лирического напряжения стихотворение “Не пой, красавица, при мне...”, так непохожее на всё, что он написал до того в связи с Олениной. Впрочем, его лирическое переживание обращено отнюдь не к ней, а к “далёкой бедной деве” из “другой жизни”. Исполнительнице же песен здесь отведена довольно незавидная роль — её попросту, причём дважды, настоятельно просят замолчать, чтобы не будить в душе героя воспоминания о другой жизни, надо думать, гораздо более созвучной его душевному складу»⁸.

Это наблюдение Л.М. Аринштейна, если отбросить неуместный в научной статье пафос, заслуживает внимания. Стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» имеет две редакции и в окончательном варианте по тону действительно как-то выпадает из оленинского цикла Пушкина, куда входят, по мнению большинства исследователей, стихотворения «Её глаза», «Увы, язык любви болтливый...», «To Daw, ESQr», «Ты и вы», «Кобылица молодая...», «Предчувствие», «Вы избалованы природой...» (ранняя редакция), «Город пышный, город бедный...», «Я вас любил...» и, возможно, Посвящение к «Полтаве» и «Приметы». Выделенные курсивом произведения относятся к Анне Олениной без малейших сомнений, так как подтверждены автографами и/или достоверными воспоминаниями современников.

Впервые версию о ней как об адресате стихотворения «Не пой, красавица, при мне...» выдвинул в 1914 году М.А. Цявловский⁹. Он опирался на дату в белой рукописи «12 июня 1828» (когда поэт был влюблён в Анну) и на вышеупомянутые записки М.И. Глинки. Т.Г. Цявловская¹⁰ развила эту версию, удостоверившись из дневниковых записей Олениной, что она, внучка известного оперного певца М.Ф. Полторацкого, хорошо пела. На наш взгляд, этих доказательств недостаточно, чтобы с полной уверенностью относить стихи к А.А. Олениной. Как отмечал Л.В. Тимофеев, исследователь наследия Олениных, многие знакомые Пушкина и Глинки брали уроки вокала и хорошо пели¹¹. Композитор Глинка действительно в 1828 году часто бывал в доме Олениных и даже давал уроки Анне, но вот что она записала в своём дневнике в понедельник, 13 августа:

«Милой Глинка ...играл чудесно и в среду придёт дать мне первой урок пенья»¹². Если 15 августа 1828 года состоялся самый первый урок, то исполнение Олениной грузинской мелодии на уроке у Глинки в присутствии Пушкина как импульс к созданию стихотворения отпадает по времени. Гораздо менее вероятно, что это был первый урок после некоторого перерыва. Конечно, Анна могла и раньше заниматься у Глинки в Петербурге, куда выезжала иногда из Приютина для каких-то уроков¹³, о чём свидетельствует запись в её дневнике от 20 июня 1828 года, но вряд ли тогда она назвала бы приютинский урок именно первым, ведь он просто продолжил бы ряд привычных занятий.

Однако талантливая и хорошо обученная вокалу и игре на фортепиано, Анна Оленина могла слышать мелодию и от самого А.С. Грибоедова, который тоже часто бывал тогда в их семье. Начав писать в дневнике «роман» о своих отношениях с Пушкиным «Непоследовательность, или Любовь достойна снисхождения», девушка причислила Грибоедова и Глинку к списку более-менее интересных персонажей. Какую роль сыграл каждый из них, наверняка сказать нельзя, так как Оленина «роман» не закончила, а только набросала начало и описала свою встречу с поэтом на балу у Е.М. Хитрово в зимний сезон 1827–1828 годов.

Анна Оленина.
Рис. А.С. Пушкина. 1829 г.
ПД № 1723. Л. 41 об.

Анна могла напевать грузинскую песню в присутствии Пушкина, скажем, в Приютино, имении Олениных под Петербургом (ныне в в границах Всеволожска), в конце мая или в первых числах июня: начало сочинения стихотворения датируется 3 июня — дата просматривается в беловике под числом 12, начертанным с более сильным нажимом. Возможно, Оленина разучила с Грибоедовым грузинский текст или даже сделала перевод, близкий к оригиналу, ведь она писала стихи, хотя и любительские. Скорее всего, девушка пела на салонном вечере грузинскую песню при Пушкине в числе других произведений и не придавала этому особого значения. Настораживает вот что: Анна Алексеевна не относила стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» к себе и ничего не сообщила о нём библиофилу С.Д. Полторацкому, своему близкому родственнику по материнской линии, для его литературоведческих исследований. Её внучка О.Н. Оом, опубликовавшая её дневник в 1836 г. в Париже¹⁴, тоже об этом не знала. Исследователь П.М. Устимович в части архива А.А. Олениной-Андро о стихотворении «Не пой, красавица, при мне...» сведений не обнаружил, в список произведений, имеющих отношение к ней, не включил¹⁵. Можно, конечно, возразить, что содержание стихотворения показалось Анне Алексеевне обидным и она намеренно скрывала этот факт даже от близких. Но ведь более обидную приписку Пушкина «давно прошедшее» к стихотворению «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» она родным показывала, только завещала внучке не публиковать её. Очевидно, Оленина не была знакома с ранней редакцией стихотворения, первая и последняя строфа которого начинались несколько иначе: «Не пой, волшебница, при мне...». В этой редакции вслед за 1-й строфой следовала такая строфа, отсутствующая в окончательной редакции:

*Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.*

В ранней редакции очаровавшей поэта исполнительнице по сравнению с «милой девой» отводится значительно большая роль, чем в окончательной: певица дважды названа волшебницей, а «милая дева» упоминается один раз — поэт лишь вспоминает её черты при луне:

*Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далёкой, милой девы!..*

В окончательной редакции «волшебница» стала эмоционально нейтральной «красавицей», «милая дева» превратилась в «бедную деву», исчезла строфа о Кавказе и чеченцах, зато появилась новая строфа, придавшая стихотворению гораздо больше драматизма, напряжения и сместившая кульминацию лирических переживаний к этой «бедной деве»:

*Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поёшь — и предо мной
Его я вновь воображаю.*

Если стихи действительно обращены к А.А. Олениной, то такие изменения понятны, поскольку любовь поэта к ней начала угасать, а психологическая ситуация, послужившая толчком к сочинению стихов, уже не воспринималась Пушкиным так эмоционально. На передний план вышли творческие задачи. Конкретные детали были отброшены как неважные.

Окончательная редакция стихотворения, отдалившая его от вдохновительницы, гораздо ярче и образнее первоначального текста, на 1-ю и 3-ю строфы которого М.И. Глинка написал романс. «Волшебницу» на «красавицу» композитор заменил уже после выхода в свет альманаха «Северные цветы» на 1829 год, где было напечатано стихотворение, а «милую деву» оставил. Ноты романса с этим текстом Глинка опубликовал в 1831 году.

Прочитав в «Северных цветах» стихи «Не пой, красавица, при мне...», Анна Оленина не почувствовала их связи с исполнением ею более полугода назад грузинской песни и не приняла на свой счёт. Возможно, она рассуждала примерно так: мало ли в чьём ещё исполнении мог слышать Пушкин грузинские песни, ведь хорошо поющих красивых девушек и женщин немало и в светском обществе, и среди молодых оперных певиц. А может быть, Анна просто не признала стихи относящимися к себе без всяких рассуждений.

Итак, Л.М. Аринштейн прав, что в окончательной редакции стихотворения «Не пой, красавица, при мне...» главное переживание связано не с поющей красавицей, а с «бедной девой». Однако это аргументом в пользу того, что поэт яко-

бы не питал к Олениной серьёзного чувства, служить не может, поскольку в ранней редакции акценты были иные, да и атрибуцию стихотворения к ней нельзя признать точным фактом. На наш взгляд, правильнее считать Оленину вдохновительницей, а не адресатом окончательной версии этого стихотворения. К ней, вероятно, обращена ранняя редакция стихотворения.

Второй вдохновительницей стихотворения является «бедная дева». По нашему мнению, ключом к пониманию этого образа могут послужить строки из поэмы Пушкина «Кавказский пленник» о юной черкешенке, безответно влюблённой в русского пленника:

*Умолкла. Слёзы и стенанья
Стеснили бедной девы грудь.*

Именно прекрасная юная черкешенка приходила к русскому узнику при луне, пела ему песни, в том числе грузинские. Освободив возлюбленного от уз, несчастная девушка спустилась с ним с гор на равнину к реке, помогла бежать из плена, а сама утопилась. С этим согласуются образы «милого рокового призрака», «берега дального», «другой жизни» (в пространстве художественного произведения).

С одной стороны, «бедная дева» «при луне» вкупе с гордыми вершинами Кавказа и «лихими чеченцами на коне» из строфы, не вошедшей в окончательную редакцию, могла ассоциироваться у Пушкина не с реальной женщиной, а с литературной героиней. Интересно, что в поэме речь идёт о песнях «Грузии весёлой», а не печальной, как в стихотворении «Не пой, красавица, при мне...». Подобные инверсии типичны для сновидений. Не в литературный ли сон наяву погрузился Пушкин, услышав печальную грузинскую мелодию?

С другой стороны, прототипом внешнего облика и некоторых свойств

Мария Волконская (?),
урождённая Раевская.

Рис. А. С. Пушкина.

ПД № 46. Л. 15

натуры литературной героини «Кавказского пленника» является смуглая, темноглазая и грациозная Мария Николаевна Раевская. Хорошо знакомый с Пушкиным поэт Н.В. Туманский в письме от 5 декабря 1823 года своей кузине С.Г. Туманской писал: *«У нас гостят теперь Раевские <... > Мария, идеал Пушкинской Черкешенки (собственное выражение поэта), дурна собой, но очень привлекательна остротою разговоров и нежностью общения»*¹⁶. Если верно определение Т.Г. Цявловской, профиль Марии поэт начертил на листе с заключительными стихами поэмы «Кавказский пленник»¹⁷ вместе с другими портретами членов семьи Раевских и автопортретом (ПД № 46. Л. 15). Выходит, что «бедная дева» — это героиня поэмы «Кавказский пленник», черты которой навеяны Марией Раевской в юности. То есть стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» может иметь к Марии Николаевне не прямое, а литературно опосредованное отношение. Причём целостность образа в такой трактовке остаётся неприкосновенной: черкешенка одновременно и несчастная в любви «бедная дева», и «призрак роковой». Судьба, уготованная ей поэтом, трагична и достойна сожаления, отсюда и «увы» в тексте¹⁸. Впрочем, на данной версии мы вовсе не настаиваем как на единственно возможной и приводим её в качестве обоснованного примера толкования образа «бедной девы». Отождествлять Раевскую-Волконскую с героиней поэмы, разумеется, не следует, хотя и можно провести некоторую параллель между их судьбами, ведь Мария Николаевна ради супружеского долга пожертвовала своим состоянием, благополучием и даже дворянством и уехала в Сибирь, «похоронив» себя для светского общества.

Итак, наши штрихи к атрибуции стихотворения «Не пой, красавица, при мне...» таковы:

- вдохновительниц стихов было две — очаровательная певица и «бедная дева»;
- певицей-вдохновительницей, вероятно, являлась Анна Алексеевна Оленина, к которой может быть обращена ранняя редакция;
- «бедной девой», вероятно, являлась Мария Николаевна Раевская, в замужестве Волконская, но не как реальная женщина, а как прототип главной героини поэмы «Кавказский пленник» — черкешенки, которую Пушкин называет в поэме именно «бедной девой».

Ссылки и комментарии

- ¹ *Иезуитова Р.В.* «Не пой, красавица, при мне...» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. — Л.: Наука, 1974. — С. 121–138.
- ² *Глинка М.И.* Записки. — М.–Л.: Academia, 1930. — С. 91.
- ³ *Гинзбург С.Л.* Пушкин и грузинская песня (К истории создания стихотворения «Не пой, красавица, при мне...») // Пушкин. Исследования и материалы. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1953. — С. 318–333.
- ⁴ *Цявловская Т.Г.* Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 256–257.
- ⁵ *Есипов В.М.* «Печаль моя полна тобою...» (Обзор комментариев) // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2002. — Выпуск X. — С. 105–108.
- ⁶ *Зингер Е.А.* Ещё раз о «бедной деве» // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — Выпуск IX. — С. 170–175.
- ⁷ *Аринштейн Л.М.* «Я вас любил...» // Лирика А.С. Пушкина: комментарии к одному стихотворению. — М.: Наука, 2006. — С. 187.
- ⁸ Там же. — С. 188.
- ⁹ *Цявловский М.А.* Два автографа Пушкина. — М.: Издательство Л.Э. Бухгейм, 1914. — С. 10.
- ¹⁰ *Цявловская Т.Г.* Дневник А.А. Олениной. — С. 256–257.
- ¹¹ *Тимофеев Л.В.* «Приют, любовью муз согретый». — СПб.: «Нестор-История», 2007. — С. 459–460.
- ¹² *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 71.
- ¹³ Это необязательно были уроки музыки и пения. По воспоминаниям О.Н. Оом, А.А. Оленина занималась лепкой, рисованием, танцами, осваивала искусство декламации.
- ¹⁴ Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829) / Предисловие и редакция Ольги Николаевны Оом. — Париж, 1936. — С. XXVI.
- ¹⁵ *Устимович П.М.* Анна Алексеевна Андро, рождённая Оленина // Русская старина. — 1890. — № 8. — С. 393–394.
- ¹⁶ Цитируется по: *Щёголев П.Е.* Утаённая любовь Пушкина // Утаённая любовь Пушкина: сборник статей. — СПб.: Академический проект, 1997. — С. 138.
- ¹⁷ ПД № 46. Л. 15.
- ¹⁸ Анна Ахматова находила в стихотворении, по-видимому, из-за строки «Увы! напоминают мне...» тему уязвлённой совести (*Ахматова А.А.* «Каменный гость» Пушкина) // О Пушкине. — Л., 1977. — С. 104.) Это спорное утверждение, хотя сожаление о судьбе «бедной девы», конечно, присутствует.

Комментарии Л.М. Аринштейна к элегии «Я вас любил...» и оленинский цикл А.С. Пушкина

В книге «Лирика А.С. Пушкина: комментарии к одному стихотворению», изданной в 2006 году, опубликована статья Л.М. Аринштейна с анализом элегии «Я вас любил...»¹. В ней предпринята попытка доказать, что это стихотворение обращено к Марии Николаевне Волконской.

Вначале Л.М. Аринштейн со ссылкой на исследование Л.А. Черейского² пишет о романсе, «музыку к которому на слова Пушкина написал Феофил Матвеевич Толстой, причём редкий случай — романс был напечатан до того, как было опубликовано стихотворение». После публикации статьи Аринштейна вышла в свет работа музыковеда М.В. Долгушиной об авторстве романса «Я вас любил...» из сборника «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных композиторов». Исследовательница приводит убедительные аргументы³ в пользу того, что автор романса не Ф.М. Толстой (1810–1881), а композитор-любитель граф Сергей Васильевич Толстой (1785 — не позднее 1839). С последним Пушкин общался в Москве в доме Ушаковых⁴, где композитор, скорее всего, и получил стихи «Я вас любил...» в начале января или в марте-апреле 1829 года, когда поэт находился в Москве.

Л.М. Аринштейн приводит сведения о первой публикации пушкинского шедевра⁵ в альманахе «Северные цветы» на 1830 год в подборке из 9 стихотворений 1829 года и 2 более ранних; о публикации в III части «Стихотворений А.С. Пушкина» (1832) в разделе 1829 года. «Наконец, в позднейшей так называемой цензурной рукописи сочинений Пушкина под этим стихотворением рукою Пушкина представлена дата “1829”. Тем не менее один из самых тонких и глубоких исследователей лирики Пушкина Н.В. Измайлов высказывал сомнение по поводу этой даты»⁶, — отметил Аринштейн. Однако Измайлов, считавший версию об атрибуции «Я вас любил...» к Анне Олениной весьма вероятной, не пояснил причин своих сомнений, а просто писал о том, что стихотворение «датируется 1829 годом без достаточных оснований»⁷.

Казалось бы, какие могут быть сомнения, если при жизни поэта стихи публиковались в разделе 1829 года, а в цензурной рукописи⁸ дата проставлена рукой самого автора? К этому добавим, что известен ещё написанный Пушкиным в сентябре 1831 года белой список⁹ произведений к изданию 1832 года, где рядом со стихотворением «Я вас любил...» поэт поставил дату «1829». Однако в этом списке он неверно указал даты сочинения нескольких стихотворений: «Анчар» — 1829 вместо 1828, «19 октября» — 1828 вместо 1827, «Бесы» — 1829 вместо 1830. Есть там и другие смещения дат. Публикаторы объясняют это «ошибками памяти» поэта либо указанием дат ранних редакций. Это и могло стать причиной сомнений Н.В. Измайлова в датировке стихотворения «Я вас любил...».

Важно, что в издании 1832 года отмеченные неточности списка были исправлены: стихи помещены именно с теми датировками, которые впоследствии подтверждены белыми автографами. Стихотворение «Я вас любил...» и в издании, и в цензурной копии, и в списке датировано 1829 годом. Объективных оснований для его передатирования нет, разве что субъективно предположить, что поэт намеренно хотел ввести кого-то в заблуждение, скрыть истинную дату. Но от кого и зачем? Не хотел, чтобы догадались об адресате стихотворения? Однако по содержанию в то время нельзя было наверняка отнести стихи к кому бы то ни было, а тем более к Марии Волконской (в девичестве Раевской), которой поэт был романтически увлечён летом 1820 года, то есть за 9 лет до первой публикации стихотворения. Об этом увлечении в свете мало кто знал, особого значения ему не придавали даже в семье Раевских¹⁰.

Автопортрет А.С. Пушкина и портрет М.Н. Раевской в черновике II гл. «Евгения Онегина». 1823 г.
ПД № 834. Л. 27 об.

«Я вас любил: любовь ещё, быть может...» — элегия об уходящей неразделённой любви, не содержащая никаких явных намёков на адресата. Она любима многими людьми, испытавшими сходные чувства. Не в этом ли секрет её необычайной популярности? Только 3-й и 4-й стихи не могут быть отнесены к любой подобной ситуации: далеко не всегда неразделённая любовь вызывает у её предмета тревогу и даже печаль, гораздо чаще её просто не замечают или встречают равнодушно. Скрывать год написания такого стихотворения не имело смысла. Но Аринштейн произвольно передатирует начало работы над элегией: якобы первые наброски её Пушкин мог сделать в Михайловском осенью 1824 года, когда получил известие о том, что Мария Раевская выходит замуж за С.Г. Волконского, и вернулся к доработке через несколько лет. Документально это ничем не подтверждается. Нисколько не хуже в таком случае версия, что стихотворение «Я вас любил...» поэт начал сочинять в конце 1826 — начале 1827 года, когда вышла замуж Софья Пушкина, в которую он был безнадежно влюблён сразу после возвращения из михайловской ссылки и даже скоропалительно сватался. Если так рассуждать, то можно произвольно переносить даты начала работы над многими произведениями.

Итак, стихотворение «Я вас любил...» написано в 1829 году, о чём имеются 2 собственноручные пометки поэта, и не позднее апреля. Объективных оснований для передатирования нет, а предположение Л.М. Аринштейна о возможном начале работы над стихотворением в 1824 году объясняется желанием атрибутировать его к Марии Волконской и никак не подкреплено документально.

Основная часть статьи Л.М. Аринштейна посвящена доказательству того, что стихотворение «Я вас любил...» не может быть обращено к Анне Алексеевне Олениной, которая, по мнению большинства пушкиноведов, является его адресатом. Сразу выкладывая «козырную карту», Аринштейн пишет о Пушкине: «... уже в сентябре того же <1828> года его отношения с Олениными прекратились. Несколько черновых фрагментов сцены бала в VIII главе «Евгения Онегина» свидетельствуют, что общение с семьей Олениных оставило у Пушкина довольно горький осадок»¹¹. Далее приводятся «крылатые» цитаты, где А.Н. Оленин назван «пролазом» и «нульком на ножках» (намёк на монограм-

му), а Анна Алексеевна — жеманной, пискливой и неопрятной барышней, обладательницей злого ума. «Все эти эпитеты мало вяжутся с нежным лиризмом стихотворения “Я вас любил...”», — подчёркивает Л.М. Аринштейн, не учитывая, что оставшиеся в черновиках строки относятся не к январю-апрелю 1829 года, когда была написана элегия, а к ноябрю-декабрю.

Пушкин бывал в салоне Олениных в 1817–1820 годах и возобновил свои визиты после возвращения из михайловской ссылки. Однако с мая 1827 года, когда поэт приехал в Петербург из Москвы, до марта 1828 года достоверно известно

только об одном его посещении¹²: в конце декабря 1827 года или январе 1828 года он читал у Олениных стихотворение «Демон». Поэт часто посещал эту семью в Петербурге и Приютино с апреля по сентябрь 1828 года, что было связано именно с его ухаживаниями за Анной Алексеевной. «Пушкин <...> был по обыкновению у нас»¹³, — писала она в своём дневнике 13 августа 1828 года. Объективных оснований говорить о прекращении отношений между Олениными и Пушкиным в сентябре 1828 года после неудачной попытки сватовства¹⁴ и последующих плохих отношениях нет. Вот как в дневнике Анны Олениной описана сцена прощания с поэтом в Приютино 5 сентября: «Прощаясь, Пушкин сказал мне, что должен ехать в свои имения, если только ему достанет решимости — добавил он с чувством»¹⁵. Далее Анна размышляет о своём разговоре с Сергеем Григорьевичем Голицыным, бывшим в курсе отношений Пушкина и Олениных: «Он умолял меня не менять своего поведения, укорял маменьку за суровость, с которой она обращалась с ним, сказав, что таким средством его не образумить»¹⁶. Из

Анна Оленина.
Рис. А.С. Пушкина
в альбоме Ел. Н. Ушаковой.
1829 г.
ПД № 1723. Л. 40 об.

этого следует, что девушка вела себя с поэтом корректно, и их общий друг Сергей Голицын одобрял её поведение. Скорее всего, она была с Пушкиным, как со всеми, весела и дружелюбна, но старалась держать его на расстоянии, чтобы не вызывать ненужных ей криво толков в свете.

Судя по дальнейшей записи, Оленина сочла аргументы Голицына вескими, прислушалась к его совету и потом сумела выдержать нужный тон в общении с Пушкиным. В черновиках «Полтавы»¹⁷, к работе над которой Пушкин вернулся в сентябре-октябре 1828 года, поэт начертил изящные портреты Анны, её инициалы, анаграммы, но густо зачёркнул надпись «Annette Poushchine».

Отношения Пушкина и Олениных стали менее тесными, несколько отчуждёнными, но отнюдь не плохими или враждебными. С ноября 1828 года по ноябрь 1829 года Пушкин и Оленины вряд ли встречались: такой возможности практически не было¹⁸. Тем не менее в 1829 году великий поэт не забывал об Олениных. В альбоме Елизаветы Ушаковой он рисует портреты Анны¹⁹, довольно милые и отнюдь не карикатурные, а сёстры Ушаковы, соревнуясь с ним, делают, наоборот, шаржированные рисунки по поводу неудачного сватовства поэта²⁰. Видимо, уже тогда отказ Олениных перестал серьёзно огорчать Пушкина, влюблённого в Н.Н. Гончарову. В конце мая поэт в черновиках изображает членов семьи²¹ Олениных, причём тоже без тени раздражения или сарказма. По определению Р.Г. Жуйковой и Л.Ф. Карцелли, в ноябре-декабре в черновиках поэмы «Тазит» рядом со сценой неудачного сватовства изображен портрет А.Н. Оленина и романтический профиль Анны с прекрасным взглядом «ангела Рафаэля»²².

Тогда откуда же обидные и несправедливые, как отмечал Измайлов²³, строки в черновиках «Евгения Онегина»? Почему поэт ещё и вычёркнул фамилию Олениных из спи-

А.Н. и А.А. Оленины.
Рис. А.С. Пушкина в черновике
поэмы «Тазит».
Конец 1929 — начало 1830 г.
ПД № 842. Л. 14

ска для рассылки визиток к Новому 1830 году? Достоверно неизвестно, что вызвало такую вспышку негатива у Пушкина. Вряд ли это связано с высказываниями или действиями членов семьи Олениных, которые стремились избегать светских слухов, способных бросить тень на репутацию незамужней Анны. Злопыхателей и сплетников в петербургском высшем свете было предостаточно. В отличие от комментаторов издания дневника и воспоминаний А.А. Олениной нам совсем не кажется правдоподобным предположение Т.Г. Цявловской, что Анна в Москве не скрывала своего возмущения дерзкими высказываниями Пушкина о ней и поэт мог узнать об этом через сестёр Ушаковых, с которыми тесно общался²⁴.

Речь идёт о словах Пушкина на одном из вечеров вроде «Мне бы только с родителями сладить, а с девчонкой я уж слажу», вероятных, сказанных ещё в мае 1828 года. Оленина, узнавшая об этом гораздо позже, 5 сентября 1828 года в частной беседе выразила резкое возмущение своему близкому приятелю Сергею Григорьевичу Голицыну, другу Пушкина, о чём записала в дневнике. Голицын смог успокоить её²⁵. Вряд ли он кому-то рассказал об этом конфиденциальном разговоре. Анне тем более было ни к чему высказываться в свете на этот счёт почти через год, когда инцидент был давно исчерпан. К тому же лето и начало осени 1829 года Оленина провела в Петербурге и в Приютино, а не в Москве. Она была увлечена благоразумными мыслями о возможности выйти замуж за Матвея Виельгорского²⁶. Ворошить старое ей было незачем.

Но главное даже не это. В конце 1829 года, излив нахлынувшее раздражение на бумаге, Пушкин успокоился. Обидные строки об Олениных остались в черновиках. А уже 12 января 1830 года поэт появился в их доме в маске и domino вместе с Е.М. Хитрово и её дочерью Д.Ф. Фикельмон. Последняя писала в дневнике, что Пушкин и её мать были тотчас узнаны под масками²⁷. Со своим «арапским профилем» поэт вряд ли мог рассчитывать, что останется инкогнито.

Итак, отношения Пушкина и Олениных с осени 1828 года до осени 1829 года нельзя назвать конфликтными, они были вполне нормальными, но более отчуждёнными по сравнению с весной-летом 1828 года. Вспышка возмущения поэта по отношению к ним в конце 1829 года была краткой.

Внучка Анны Алексеевны Ольга Николаевна Оом, издавшая в Париже в 1936 году дневник своей бабушки²⁸, имела полное основание писать, что Пушкин продолжал бывать у Олениных и после 1828 года. Резкие и несправедливые строки об этой семье в черновиках «Евгения Онегина» никак не могут служить аргументом против атрибуции стихотворения «Я вас любил...» к Анне Олениной уже потому, что они написаны на 6–10 месяцев позже.

Л.М. Аринштейн приводит ещё ряд слабых аргументов, пытаясь доказать свою версию «от противного». Он полагает, что Анна Алексеевна якобы сама отнесла к себе стихотворение «Я вас любил...». В доказательство Аринштейн приводит запись С.Д. Полторацкого о том, что Оленина в 1849 году подтвердила: к ней относятся три стихотворения Пушкина — Посвящение к «Полтаве», «Я вас любил...», «Её глаза», а также добавила к списку стихотворение «Ты и вы». *«Со временем Анна Алексеевна ещё более расширила круг произведений Пушкина, с её точки зрения, обращённых именно к ней. Их перечисляет, основываясь на её записях, П.М. Устимович: “Город пышный, город бедный...”, “Её глаза”, “Ты и вы”, “Приметы”, “Что в имени тебе моём...”, “Я вас любил...”, “Когда б не смутное влеченье...”, “To Daw”, “За Нетти сердцем я летаю...”*²⁹, — пишет Л.М. Аринштейн и продолжает: *«Любопытно, что “Я вас любил...” помещено здесь в окружении четырёх других стихотворений, к ней явно не относящихся».* В примечании автор статьи поясняет: *“Приметы” посвящены А.П. Керн, “Что в имени тебе моём...” записано в альбом К. Собаньской, “За Нетти сердцем я летаю...” обращено к Нетти Вульф, а стихотворение “Когда б не смутное влеченье...”, написанное в 1833 году, относится к совершенно другому периоду жизни Пушкина».*

В этих рассуждения почти вся аргументация поверхностна. Так, Анна Алексеевна не сама сообщила, а только подтвердила С.Д. Полторацкому его точку зрения, какие стихотворения к ней относятся, и добавила к ним «Ты и вы». Она имела полное основание так думать, по крайней мере, о трёх стихотворениях: «Ты и вы» и «Её глаза» преподнёс ей сам Пушкин, а «Я вас любил...», по свидетельствам её внучки О.Н. Оом и композитора А.А. Оленина, было вписано поэтом в её альбом. Заметим, что список стихотворений очень короткий, в него не попали «Город пышный, город бедный...» и даже «Что в имени тебе моём?», по свидетельству О.Н. Оом,

записанное в тот же альбом. В.В. Крамер, публикуя записи С.Д. Полторацкого, отметил: Оленина включила в список только те произведения, которые могла отнести к себе с уверенностью, и не стремилась расширить его за счет стихов с сомнительными адресатами³⁰.

О спорном Посвящении к «Полтаве», вызвавшем многолетнюю дискуссию по проблеме «утаённой любви» Пушкина, В.В. Крамер предположил: у Полторацкого и Олениной было какое-то авторитетное для них свидетельство³¹. «...Конечно, от самого Пушкина»³², — иронизировал Н.В. Измайлов, полагая, что те самые обидные строки в черновиках «Евгения Онегина» говорят о прекращении всяких отношений Пушкина и Олениных. Как мы видели, это неверно. У поэта не единожды были случаи поговорить с А.А. Олениной. К тому же свидетельство могло происходить не от самого Пушкина, а от его родных или ближайших друзей. К примеру, в 1840-х годах Анна Алексеевна, живя с мужем Ф.А. Андро в Варшаве, тесно общалась с сестрой поэта Ольгой Сергеевной Павлицевой. Хоть и нельзя с полной уверенностью относить Посвящение к «Полтаве» к Олениной, но существует серьезная аргументация в пользу такого предположения³³.

В «Русском архиве» в публикации П.М. Устимовича³⁴, разбиравшего в июле 1889 года часть архива А.А. Олениной-Андро после её смерти, действительно дан список стихотворений Пушкина, Гнедича, Козлова, относящихся к Анне Алексеевне, но везде к опубликованным стихотворениям имеются ссылки на комментарии в многотомных собраниях сочинений того времени. Устимович, составляя эти списки, ориентировался вовсе не на записи самой А.А. Олениной-Андро, а на авторитетные мнения издателей и литературоведов. Стихотворение «За Нетти сердцем я летаю...»³⁵ Устимович поместил в отдельном списке произведений, где Анна Оленина только упоминается. Отметим также, что стихотворение «Приметы» с полной уверенностью к Анне Керн не относится³⁶, а лист из альбома Каролины Собаньской, на котором поэт записал стихотворение «Что в имени тебе моём?», был найден только в 1930-е годы³⁷.

Утверждение Л.М. Аринштейна справедливо лишь в одном: в семье Олениных действительно существовало предание, будто Анне Алексеевне посвящено стихотворение 1833 года «Когда б не смутное влечение...». Так пишет О.Н. Оом в

предисловии к парижскому изданию дневника своей бабушки³⁸. Однако сама Анна Алексеевна не подтвердила этого в 1849 году С.Д. Полторацкому. Либо она не была уверена, либо предание возникло позже под влиянием мнения исследователей творчества Пушкина, но не Сергея Дмитриевича Полторацкого: в 1878 году он повторил свою запись 1849 года, не расширяя список стихотворений, обращённых к А.А. Олениной.

Л.М. Аринштейн приводит ещё один аргумент в пользу своего высказывания, что Анна Алексеевна создала легенду, будто стихотворение «Я вас любил...» ей посвящено. Он не отрицает сообщения О.Н. Оом, что у неё до 1917 года имелся альбом Олениной, в который вписаны стихотворения «Я вас любил...» и «Что в имени тебе моём?», но пытается доказать, будто это были не пушкинские автографы. Аринштейн полагает, что в 1889 году Устимович исследовал именно этот альбом и в нём содержатся лишь списки произведений, сделанные Анной Алексеевной. Автор статьи приводит такую цитату из предисловия О.Н. Оом к изданию дневника Олениной: *«Бабушка оставила мне альбом, в котором среди других автографов Пушкин в 1829 году вписал стихи “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”*. Под текстом этого стихотворения он в 1833 году сделал приписку: *“plusquerfait — давно прошедшее. 1933”*».

Л.М. Аринштейн не продолжил цитату. А ведь дальше О.Н. Оом даёт важные сведения: *«Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. В тайнике своей души сохранила она причину этого пожелания: было ли это простое сожаление о прошлом или затронутое женское самолюбие, мне неизвестно, но пожелание Анны Алексеевны я исполнила и автограф не сделала достоянием печати»*³⁹.

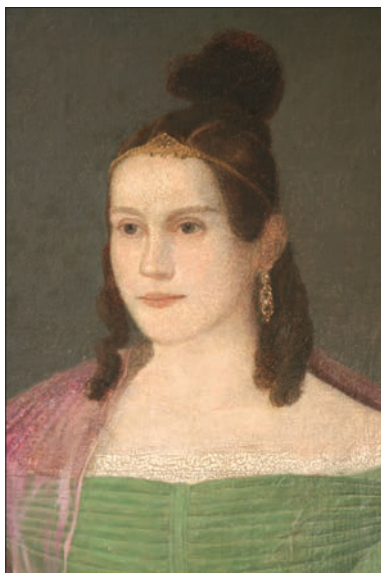
По поводу данного автографа суждение Аринштейна, на наш взгляд, курьёзно: *«Вероятнее всего, это стихотворение Оленина сама вписала в альбом вскоре после его публикации в 1829 году, а в 1833 году при просмотре альбома она же и добавила; “давно прошедшее”*. Ольга Николаевна не была текстологом и вполне могла принять записи Олениной за автографы Пушкина, тем более писала о них, в отличие П.М. Устимовича, по памяти: ведь альбом к тому времени уже 20 лет как погиб⁴⁰.

Анна Петровна Керн.
Неизв. художник. 1830-е гг.

Анна Николаевна Вульф.
Художник Э. Мартен.
1830-е гг.

Екатерина Ермолаевна Керн.
Неизв. художник.
Конец 1830-х гг.

Тригорское. Гостиная.
Фото 2007 г.

Тригорское. Вид на господский дом и большой пруд.
Фото 2007 г.

Михайловское. Аллея Анны Керн.
Фото 2007 г.

Александр Сергеевич Пушкин.
Художник П.Ф. Соколов. 1836 г.

Анна Алексеевна Оленина.
Художник П.Ф. Соколов. 1825 г.

Елизавета Марковна Оленина.
Художник А.Г. Варнек.
1830-е гг.

Алексей Николаевич Оленин.
Художник А.Г. Варнек.
1830-е гг.

Приютино. Вид на господский дом.
Фото 2003 г.

Анна Алексеевна Оленина.
Художник И.В. Шевцов.
1835 г.

Анна Алексеевна Андро.
Художник И.К. Макаров.
1858 г.

Приютино. Музыкальная гостиная.
Фото 2008 г.

Приютино.
Художник И.А. Иванов. 1825 г.

Приютино 26 Май 1834 года.

Гостиная в доме Олениных в Приютино.
Художник Ф.Г. Солнцев. 1834 г.

Варвара Алексеевна и Григорий Никанорович Оленины.
Художник К.П. Брюллов. 1827 г.

Алексей Алексеевич Оленин.
Художник А.П. Брюллов.
1830 г.

Пётр Алексеевич Оленин.
Художник А.П. Брюллов.
1820-е гг.

Кавалькада в Приютине.
Художник Н.В. Антонова. 2019 г.

Графиня Софья Владимировна
Строганова.
Художник Ж.-Л. Монье. 1808 г.

Граф Павел Александрович
Строганов.
Художник Ж.-Л. Монье. 1808 г.

Картинная галерея Строгановского дворца.
Художник П.С. Никитенко. 1832 г.

Наталья Петровна Голицына.
Художник Б.-Ш. Митуар.
1810-е гг.

Александр Павлович
Строганов.
Художник А.Г. Варнек. 1812 г.

Вид на Строгановскую дачу в Петербурге на Каменном острове.
Архитектор А.Н. Воронихин. 1797 г.

Графиня Ольга Павловна
Ферзен, урождённая
Строганова. Художник
П.Ф. Соколов. 1830 г.

Граф Павел Карлович Ферзен.
Художник П.Ф. Соколов.
1820-е гг.

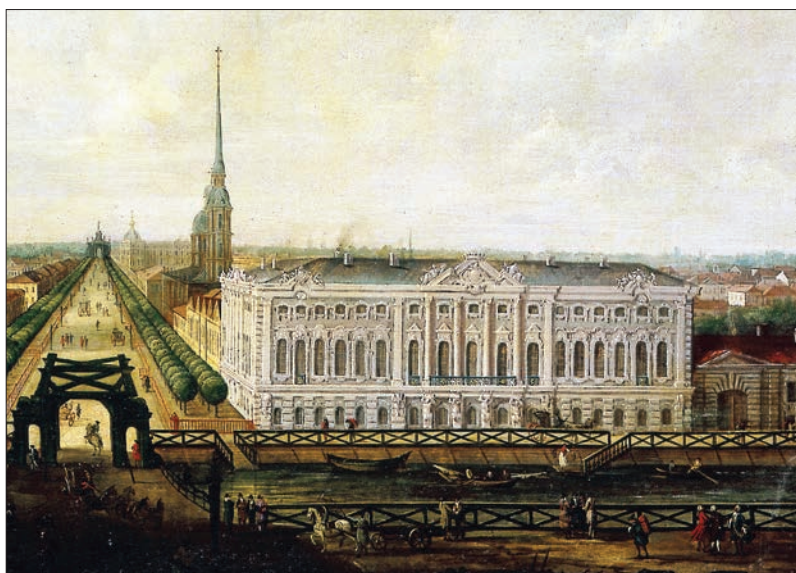
Усадьба Тайцы. Бывший господский дом.
Фото И. Снопченко. 2018 г.

Графиня Наталья Павловна
Строганова. Неизв. художник.
1820-е гг.

Княгиня Аделаида Павловна
Голицына, урождённая
Строганова. Художник
П.Ф. Соколов. 1820-е гг.

Дворец Строгановых на набережной Мойки.
Неизв. художник. 2-я половина XVIII в.

Графиня Ольга Павловна Ферзен на ослике.
Художник К.П. Брюллов. 1835 г.

Графиня Ольга Павловна Ферзен.
Художник К.П. Брюллов. 1837 г.

Конечно, публикатор дневника А.А. Олениной О.Н. Оом не была текстологом или графологом, но почерк собственной бабушки знала, без сомнения, великолепно, как и почерки других своих родственников. Почерк Олениной разительно отличается от почерка Пушкина, спутать их просто невозможно. Вряд ли Оом в совершенстве знала почерк Пушкина. Живо интересуясь творчеством поэта, она, скорее всего, была знакома с многочисленными публикациями его автографов, как подлинных, так и фальсифицированных. Однако в отношении альбома А.А. Олениной ей не нужна была никакая экспертиза, поскольку от своей бабушки она знала, что там именно пушкинские автографы. Да и не могла Анна Алексеевна в 1833 году сделать приписку, обидную для собственного самолюбия. Она же не «вдова, которая сама себя высекла»! Если предположить, что записи почерком, похожим на пушкинский, сделал кто-то другой, то приписка становится просто констатацией факта и перестаёт быть обидной. Кстати, Т.Г. Цявловская, исследовавшая в 1950-е годы парижское издание дневника Олениной, в достоверности существования в её альбоме пушкинского автографа элегии «Я вас любил...» не усомнилась⁴¹ по двум причинам: во-первых, она знала, что этот автограф видел в альбоме ещё композитор Алексей Алексеевич Оленин, внучатый племянник Анны Алексеевны; во-вторых, по мнению исследовательницы, сам факт публикации О.Н. Оом обидной приписки Пушкина говорит в пользу подлинности автографа.

Надгробие Анны Алексеевны Андро, урождённой Олениной, в Свято-Троицком Корецком женском монастыре

Важно также, что П.М. Устимович изучал в имении Средние Деражни Вольнской губернии, где А.А. Оленина-Андро провела последние месяцы жизни, вовсе не тот альбом, который принадлежал потом её внучке О.Н. Оом. Во-первых, к июлю 1889 года Ольга Николаевна почти наверняка уже забрала завещанный ей альбом бабушки, скончавшейся 15 декабря 1888 года. Во-вторых, даже если альбом ещё находился в имении, то он не мог быть показан Устимовичу в нарушение воли почившей. Наконец, в-третьих, в предоставленном исследователю альбоме, судя по его записям, имелись только переписанные рукой самой Анны Олениной произведения (не автографы): три стихотворения Н.И. Гнедича и по одному Соломирского, С.Г. Голицына, И.А. Крылова и стихотворение А.С. Пушкина «Её глаза». А Ольга Николаевна Оом писала, что в завещанном ей альбоме было несколько автографов Пушкина, что подтверждал и композитор А.А. Оленин. Анна Алексеевна, вероятно, имела отдельный альбом, куда переписывала дорогие ей стихотворения, но это вовсе не значит, что она из тщеславия произвольно относила их на свой счёт.

Ещё один аргумент Л.М. Аринштейна, будто Пушкин не мог вписать Олениной в альбом стихотворение «Я вас любил...», потому что с сентября 1828 года *«прекратил всякие отношения с Олениными»*, как мы показали выше, не соответствует действительности. Поэт заехал к Олениным 12 января 1830 года и, находясь в праздничном настроении, вполне мог записать стихи в альбом Анны Алексеевны. В феврале 1833 года Пушкин вместе с Олениными участвовал в похоронах Н.И. Гнедича, очень близкого друга этой семьи, почти домочадца. Наверняка одинокого поэта помянули у них. Обидная для Олениной приписка могла появиться именно тогда. Вряд ли в такой скорбный день Анна приставала к Пушкину с просьбой писать в её альбоме. Она, видимо, просто выложила альбомы для желающих сделать запись. В.П. Старк предположил: написав «давно прошедшее», поэт понял, что приписка может огорчить девушку, и, чтобы смягчить впечатление, записал на следующей странице, ещё остававшейся пустой, стихотворение «Что в имени тебе моём?»⁴². Исчерпывающих доказательств этому нет, но версия вполне логична.

Итак, Анна Алексеевна Оленина-Андро не расширяла из тщеславия список стихотворений А.С. Пушкина, имеющих

к ней отношение, это сделали исследователи и издатели 2-й половины XIX века. Она не могла собственноручно сделать обидную для себя приписку в альбоме под стихотворением «Я вас любил...».

Веских аргументов против того, что это не пушкинский автограф, Л.М. Аринштейн не привёл. Однако в своей статье он попытался обосновать, что поэт никак не мог посвятить Олениной «*столь нежного и проникновенного лирического произведения*». Данное «обоснование» грешит неточностями, отрывочным цитированием, не передающим смысла исходного текста, а также неестественными, нелогичными доводами.

Главный тезис Аринштейна таков: Пушкин не испытывал к Олениной настоящей любви. В доказательство он приводит цитаты из воспоминаний Анны

Петровны Керн об ухаживании Пушкина за её кузиной, что поэт «*никогда не говорил о ней с нежностью*», а по поводу стихотворения «Город пышный, город бедный...» даже высказался с некоторым раздражением: «*Вот, например, у ней вот такие маленькие ножки, да чёрт ли в них?*»⁴³. На наш взгляд, последнее высказывание как раз говорит о соблазнительности маленьких резвых ножек Олениной для Пушкина. По свидетельству О.Н. Оом, в альбомах Анны Алексеевны поэт рисовал гирлянды из женских ножек вокруг стихотворений 1828 года. А.П. Керн тогда претендовала отнюдь не просто на дружбу Пушкина и ревновала поэта к своей младшей кузине. В этой ситуации говорить на квартире

Анна Оленина.
Рис. А.С. Пушкина
в альбоме Ел. Н. Ушаковой.
1829 г.
ПД № 1723. Л. 41

Керн об Олениной с нежностью значило бы раздражать хозяйку, а, судя по воспоминаниям Анны Петровны, поэт тогда старался, чтобы их общение было весёлым, приятным, интересным и даже игривым. Да и отношения между ними сложились отнюдь не платонические. На самом деле в разговорах с Олениной Пушкин на нежности не скупился, что следует из записей в её дневнике⁴⁴.

Недоумение вызывают дальнейшие рассуждения Аринштейна о том, что Пушкин «был готов сколько угодно её <Оленину> хвалить, но не склонен говорить о любви. Таковы “To Daw”, “Её глаза”, “Город пышный...”. Почти в каждом из них констатируется внешняя привлекательность 20-летней девушки, но о чувстве к ней — ни слова»⁴⁵. Это верно только в отношении первого стихотворения, где воспета лишь юность и красота Анны. В стихотворении «Город пышный, город бедный...» выражено сожаление поэта при расставании с мрачным Петербургом, по граниту мостовых которого

*Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.*

Нежные чувства здесь высказаны не прямо, а посредством поэтического образа. Но от этого они не пропадают, а становятся более тонкими и трепетными. В стихотворении «Её глаза», где поэт, подчёркивая свои намерения, называет девушку «Олениной моей», говорится не столько о внешней прелести её глаз, сколько о глубине и чистоте внутреннего духовного мира:

*Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает Божество.*

Это не просто комплименты. Если читать непредвзято, то в каждой строке чувствуется нежность и глубокая увлечённость обладательницей ангельских глаз. Их образ возникает вновь в стихотворении «Предчувствие», написанном 2,5 месяца спустя:

*Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,*

Опечалься, взор свой нежный
Подыми иль опусти...

В обращённом к Олениной стихотворении «Ты и вы» есть слова «как тебя люблю». Такое признание, ссылаясь на труды Е.Г. Эткинда, Л.М. Аринштейн отвергает: «оно порождено не живым душевным движением, а литературным воспоминанием. Анна Алексеевна, обмолвившись, обратилась к Пушкину на “ты”, и поэт, вспомнив по этому поводу французский мадригал, содержащий слова “Plus donc de vous, mais fetons toi”, преподнёс через пару дней в качестве мадригала на случай его вольный перевод»⁴⁶.

Сразу заметим, что «Ты и вы» не мадригал: комплиментов, кроме обычного «как вы милы», это стихотворение не содержит. И даже если бы оно было действительно вольным переводом с французского, то это всё равно не отменяло бы его значения как поэтического признания в любви. Кстати, тонкий знаток французской литературы Е.Г. Эткинд, заметивший сходство французских куплетов с миниатюрой «Ты и вы», писал: «...стихотворение органично для лирической биографии Пушкина; в нём отразились не только реальные отношения с Олениной, но и пушкинское понимание “страсти нежной” — её речевого выражения»⁴⁷.

Эткинд пришёл к выводу, что стихотворения «Предчувствие» и «Я вас любил...» — лирическая диалогия, обращённая к одному адресату — Анне Олениной. Он подчёркивал: «“Предчувствие” — объяснение в любви. В прямых словах оно не выражено (как будет трёхкратно выражено позднее в стихотворении “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”), но косвенно высказано определённо»⁴⁸.

Вернёмся к стихотворению «Ты и вы». Приведём наш перевод⁴⁹ кое в чём сходных с ним французских «Куплетов для дам» (XVIII век) параллельно с текстом пушкинской миниатюры:

Прославим ты! Исчезло **вы**;
Ты навсегда приязнь скрепляет.
Законы, скажут, таковы.
Я сердцу следую: пугает
Амуров **вы**, а **ты** всегда
Зовёт обратно их сюда.

Пустое **вы** сердечным **ты**
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюблённой возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с неё нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как **тебя** люблю!

В пушкинском стихотворении⁵⁰ не повторён ни один оборот из французских куплетов. Последние в оригинале написаны восьмисложником, а «Ты и вы» — четырёхстопным ямбом (8 слогов). Совпадает также последовательность женских и мужских перекрёстных рифм в первом четверостишии. Однако эти совпадения не могут быть серьёзными аргументами в пользу того, чтобы считать пушкинскую миниатюру вольным переводом или перепевом⁵¹ французских куплетов, поскольку такая рифмовка часто встречается в поэзии вообще, а четырёхстопный ямб — любимый размер Пушкина и многих поэтов. Содержательно в стихах сходна только отправная идея, довольно банальная: обращение на «ты» сближает любящих, а на «вы» — отдаляет. Чувства и отношения в этих произведениях разные: в куплетах — флирт и лёгкое эротическое увлечение, в стихотворении «Ты и вы» — признание в нежной, сильной, но робкой и неуверенной во взаимности любви. На наш взгляд, Пушкин заимствовал из французских куплетов лишь начальную идею, то есть имела место реминисценция. Считать это произведение перепевом или вольным переводом с французского нет оснований.

На наш взгляд, «Ты и вы» — воплощение задумки Пушкина, выраженной в написанном 9 мая 1828 года и обращённом к Олениной стихотворении «Увы! Язык любви болтливый...», оставшемся в черновиках:

*...Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвёшь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтёшь...*

В том-то и заключается ирония судьбы, что, стремясь охладить пыл Пушкина, Анна Оленина предпочла отнестись к его поэтическому признанию как к обычному стихотворному приношению и не признать его объяснением в любви.

В этой связи нелогичным представляется мнение Л.М. Аринштейна по поводу стихотворения «Вы избалованы природой...»: «Пушкин уже несколько разочаровался в Анне Олениной, и стихотворение к ней у него не складывалось. <...> комплиментарность по отношению к Олениной выступала слишком обнажённо, без тени иронии, и развитие темы иначе, чем путём нанизывания всё новых и новых комплиментов, не получалось. В конце концов, поэт махнул рукой и никакого стихотворения ко дню рождения Анны

Алексеевны вообще не преподнёс». Рассуждение верное в отношении комплиментарности, но не разочарования и иронии. 11 августа, в день рождения Анны, поэт как раз шептал девушке нежности. Видимо, чувствуя сердитое отношение её матери Елизаветы Марковны к его поэтическим вольностям⁵², он сдерживал свой пыл, и у него получился типичный мадригал. Поэт лишь в конце стихотворения намекнул на свои чувства: «...Хоть и кружится голова». Подобных сочинений немало имелось в альбомах девушки. Заочное соперничество с Гнедичем и Козловым с таким мадригалом Пушкин явно проиграл бы.

Ещё более странным представляется мнение Л.М. Аринштейна о причинах хмурого настроения Пушкина во время морской прогулки в Кронштадт 25 мая 1828 года в компании Олениных, А.С. Грибоедова, А. Мицкевича, П.А. Вяземского, С.Г. Голицына и других: *«Пушкину было от чего хмуриться: он всё яснее сознавал, что не любит Анну Алексеевну, что его матримониальным планам опять не суждено сбыться»*⁵³. В следующей цитате из письма завзятого зубоскала Вяземского к жене Аринштейн опускает последние четыре слова: *«Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь»*. Вяземский иронизировал по поводу чувства Пушкина к Олениной, не принимая его всерьёз. Но здесь он именно на любовь поэта намекает. Естественно предположить: хмурое настроение вызвано тем, что влюблённый Пушкин начинал понимать, что Анна его не любит, а ведь ещё в апреле она тайно встречалась с ним в Летнем саду. Но одно дело беспечно флиртовать с поэтом, с которым весело и интересно общаться, а совсем другое выходить за него замуж. Да и вторая причина упадка духа у Пушкина была — следственное дело об элегии «Андрей Шенье», запрещённый отрывок из которой распространялся в списках с пометкой «На 14 декабря».

Самое эмоциональное место в статье Л.М. Аринштейна относится к стихотворению «Не пой, красавица, при мне...», которое он без тени сомнения считал адресованным А.А. Олениной, хотя это только авторитетная гипотеза, но непохожим на все обращённые к ней стихи Пушкина: *«Впрочем, его лирическое переживание обращено отнюдь не к ней, а к “далёкой бедной деве” из “другой жизни”. Исполнительнице же песен здесь отведена довольно незавидная роль — её попросту, причём дважды, действительно*

просят замолчать, чтобы не будить в душе героя воспоминания о другой жизни, надо думать, гораздо более созвучной его душевному складу»⁵⁴.

Здесь Аринштейн отчасти прав. Действительно, стихотворение по содержанию несколько выпадает из оленинского цикла Пушкина. Эта гипотеза сомнительна и аргументом в пользу того, что поэт якобы не питал к Олениной серьёзного чувства, служить не может⁵⁵.

Неверно следующее утверждение Л.М. Аринштейна: «Собственно, то, что под “далёкой бедной девой” имеется в виду Мария Раевская, ни у кого никогда сомнений не вызвало». Эту гипотезу П.Е. Щёголева подвергли обоснованным сомнениям В.М. Есипов⁵⁶ и Е.А. Зингер⁵⁷. Последняя предложила на «роль» «бедной девы» кандидатуру Амалии Ризнич, но без достаточной аргументации⁵⁸.

По нашему мнению, «бедная дева» «при луне» вкупе с гордыми вершинами Кавказа и «лихими чеченцами на коне» из строфы, не вошедшей в окончательную редакцию, могла ассоциироваться у Пушкина не с реальной женщиной, а с литературной героиней — юной черкешенкой из «Кавказского пленника». Именно она приходила к русскому узнику при луне, пела ему песни, в том числе грузинские⁵⁹. Прототипом этой героини была Мария Раевская в юности. То есть стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» может иметь к Марии Николаевне не прямое, а литературно опосредованное отношение.

Л.М. Аринштейн «выстроил» такой цикл стихотворений Пушкина, якобы обращённых к Марии Раевской (Волконской): «Не пой, красавица, при мне...», «На холмах Грузии...», Посвящение к «Полтаве», «Я вас любил...». Идея в пушкиноведении не новая. Похожая гипотеза В.И. Доброхотова⁶⁰ уже подвергалась тщательно аргументированной критике⁶¹. Почти такими же недостатками страдает и исследование Г.У. Соронкулова⁶². Подобного рода построения искусственны, поскольку базируются только на косвенных аргументах и на гипотезах других авторов, отчасти неподтверждённых, отчасти имеющих право на существование, но тоже основанных на косвенных соображениях. Всё это напоминает воздушные замки на песке.

Вполне возможно, ни одно из перечисленных стихотворений к Марии Николаевне Раевской (Волконской) прямого отношения не имеет. Во всяком случае, относить к ней

стихотворение «Я вас любил...» оснований нет. Сама она никогда его к себе не относила.

Итак, комментарии Л.М. Аринштейна к элегии «Я вас любил...» несомненны лишь в части, позаимствованной автором из академического издания сочинений А.С. Пушкина и некоторых научных трудов (о датах прижизненных публикаций стихотворения и романса, к примеру). Остальная часть работы представляет собой полемическую статью, в которой автор, используя косвенные аргументы и поверхностные умозаключения, неудачно попытался доказать, что стихотворение относится не к Анне Олениной, а к Марии Волконской.

Ссылки и комментарии

¹ Аринштейн Л.М. «Я вас любил...» // Лирика А.С. Пушкина: комментарии к одному стихотворению. — М.: Наука, 2006. — С. 182–191. Статья без изменений повторена в книге: Аринштейн Л.М. Пушкин: «Когда Потёмкину в потёмках...». По следам «Непричёсанной биографии». — М.: Грифон, 2012. — С. 38–54.

² Черейский Л.А. К датировке одного стихотворения Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1973. — Л.: Наука, 1975. — С. 78–80.

³ Долгушина М.В. К проблеме авторства романса «Я вас любил...» из сборника «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных композиторов» // XXXV Болдинские чтения 11–13 сентября 2007 г. — Большое Болдино, 2008. С. 437–451.

⁴ К примеру, 30 апреля 1830 года С.В. Толстой и А.С. Пушкин были поручителями брака Елизаветы Николаевны Ушаковой и Сергея Дмитриевича Киселёва.

⁵ Стихотворение «Я вас любил...» опубликовано в альманахе «Северные цветы» без указания даты.

⁶ Аринштейн Л.М. «Я вас любил...». — С. 182.

⁷ Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. — Л.: Наука, 1976. — С. 62.

⁸ ПД № 420. Л. 17.

⁹ Рукою Пушкина. — М.–Л.: Academia, 1933. — С. 260–263.

¹⁰ В своих «Записках» М.Н. Волконская так высказывалась о Пушкине: «Как поэт он считал своим долгом быть влюблённым во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался». «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал всё, что видел...». К себе Мария Николаевна относилась только XXXIII строфу I главы «Евгения Онегина» («Как я завидовал волнам...» и далее) и строки о глазах Заремы, героини

поэмы «Бахчисарайский фонтан» (Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998. — Т. 1. — С. 207–208).

¹¹ *Аринштейн Л.М.* «Я вас любил...». — С. 183.

¹² Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. — М.: Слово, 1999. — Т. 2. — С. 334.

¹³ *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 71.

¹⁴ Сватовство Пушкина к Олениной, на наш взгляд, было неформальным и носило характер предварительного объяснения с родителями девушки. Подробнее см. настоящее издание. — С. 93–110.

¹⁵ *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. — С. 80–81.

¹⁶ Там же. — С. 81.

¹⁷ ПД № 838. Л. 48.

¹⁸ Сопоставление проведено по источникам: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. — М.: Слово, 1999. — Т. 2, 3; *Тимофеев Л.В.* «Приют, любовью муз согретый». — СПб.: «Нестор-История», 2007.

¹⁹ ПД № 1723. Л. 40 об., 41, 41 об.

²⁰ Там же. Л. 50 об., 94.

²¹ ПД № 110. Л. 1 об.

²² ПД № 842. Л. 14.

²³ *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. — С. 108.

²⁴ *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. — С. 325.

²⁵ Там же. — С. 81–82.

²⁶ Там же. — С. 119–125, 132–135, 143–144.

²⁷ Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998. — Т. 2. — С. 142.

²⁸ Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829) / Предисловие и редакция Ольги Николаевны Оом. — Париж, 1936.

²⁹ *Аринштейн Л.М.* «Я вас любил...». — С. 184.

³⁰ *Крамер В.В. С.Д.* Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. — Л.: Наука, 1971. — С. 61–62.

³¹ Там же.

³² *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. — С. 109.

³³ *Крамер В.В. С.Д.* Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — С. 61–62; *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз. — С. 198–200; *Есипов В.М.* Царственное слово. — М.: САМПО, 1998. — С. 38–40.

³⁴ *Устимович П.М.* Анна Алексеевна Андро, рождённая Оленина // Русская старина. — 1890. — № 8. — С. 393–394.

³⁵ Это маленькое шуточное стихотворение заканчивается строками: «И R, и O я забываю /Для N и W». В пушкиноведении традиционно считалось, что стихи датируются декабрём 1828 года — началом января 1829 года, а под «R» подразумевается А.О. Россет,

под «О» — А.А. Оленина. Однако есть причины сомневаться в этом. С.В. Берёзкина обосновала новую датировку: октябрь — начало ноября 1829 г. и предположила, что «О» — не Оленина, а Ушакова (по-французски Ouchakoff), поскольку чувство к Олениной тогда уже не было актуально для Пушкина. См.: *Берёзкина С.В.* Из комментариев к «тверским» стихотворениям А.С. Пушкина 1828–1829 гг. // *Временник Пушкинской комиссии.* — СПб.: Наука, 1993. — Вып. 25. — С. 131–132.

³⁶ Близкий к семье Олениных художник Ф.Г. Солнцев вспоминал: по случаю своего неудачного сватовства к Анне Алексеевне «*Пушкин говорил, что недаром же ему светила луна с левой стороны, когда он приезжал в Приютино*». В 1934 году внучатый племянник А.А. Олениной композитор Александр Алексеевич Оленин сообщил беседовавшему с ним пушкиноведам П.С. Попову, что видел пушкинский автограф стихотворения «Приметы» в том же самом её альбоме, где и автограф элегии «Я вас любил...». Есть и другие кандидатуры на роль вдохновительницы стихов. М.Л. Гофман относил их к Е.В. Вельяшевой (Пушкин и его современники. Вып. XXI–XXII. — С. 247–250).

³⁷ *Базилевич В.* Автограф «Что в имени тебе моём?» // *Литературное наследство.* — 1934. — Вып. 16–18. — С. 878.

³⁸ *Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829).* — С. XL.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Аринштейн Л.М.* «Я вас любил...». — С. 184.

⁴¹ *Цявловская Т.Г.* Дневник А.А. Олениной // *Пушкин. Исследования и материалы.* — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 290–291.

⁴² *Старк В.П.* Автореминисценции в «оленинском» цикле Пушкина // *Приютинский сборник.* — СПб.: Приютино, 2002. — Вып. III. — С. 101–114.

⁴³ *Пушкин в воспоминаниях современников:* в 2 т. — Т. 1. — С. 393.

⁴⁴ *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. — С. 71.

⁴⁵ *Аринштейн Л.М.* «Я вас любил...». — С. 186.

⁴⁶ Там же. Примечание: это стихотворение Пушкин привёз Олениной спустя неделю после её обмолвки.

⁴⁷ *Эткинд Е.Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — С. 115.

⁴⁸ Там же. — С. 47.

⁴⁹ Перевод практически совпадает с подстрочником. Полностью соблюдена метрика и последовательность рифм оригинала.

⁵⁰ Ни в окончательном варианте, ни в черновике: ЛБ 71. Л. 14 об.

⁵¹ В работе Э.Г. Эткинда эти слова приведены со знаком вопроса.

⁵² *Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829).* — С. XXVI.

⁵³ *Аринштейн Л.М.* «Я вас любил...». — С. 187.

⁵⁴ Там же. — С. 188. Следуя сложившейся в пушкиноведении традиции, Л.М. Аринштейн без малейших колебаний отождествляет «далёкую бедную деву» с Марией Раевской. Однако это только гипотеза, хотя и обоснованная.

⁵⁵ *Егорова Е.Н.* Кто адресат стихотворения «Не пой, красавица, при мне...»? // Настоящее издание. — С. 111–119.

⁵⁶ *Есипов В.М.* «Печаль моя полна тобою...» (Обзор комментариев) // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2002. — Выпуск X. — С. 105–108.

⁵⁷ *Зингер Е.А.* Ещё раз о «бедной деве» // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — Выпуск IX. — С. 170–175.

⁵⁸ Критика этой аргументации дана в вышеупомянутой статье В.М. Есипова (ссылка 56).

⁵⁹ Подробнее см.: *Егорова Е.Н.* Стихотворение «Не пой, красавица, при мне...». Штрихи к атрибуции // Настоящее издание. — С. 98–105.

⁶⁰ *Доброхотов В.И.* «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Об одной черновой редакции // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — Выпуск IX. — С. 158–169.

⁶¹ *Есипов В.М.* «Печаль моя полна тобою...». — С. 89–110.

⁶² *Соронкулов Г.У.* Афоризм Саади и Мария Волконская (Об адресате и гипотетической реконструкции стихотворения «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...») // Болдинские чтения. Сборник статей международной научной конференции 13–15 сентября 2016 г. — Нижний Новгород: НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. — С. 19–27.

Домашний театр в Приютино

Усадьба Приютино кажется островком спокойствия и умиротворения вблизи шумного шоссе на Всеволожск. Двухэтажный кирпичный дом окружён прекрасным старым парком. В зеркальных водах пруда живописно отражаются раскидистые деревья, небольшая кузница и ротонда с портиком на белых колоннах — бывший молочный павильон. Недаром это место воспето поэтами первой трети XIX века, приезжавшими сюда к гостеприимным хозяевам — Елизавете Марковне и Алексею Николаевичу Лениным. В Приютино можно было отдохнуть от городской суеты, приятно провести время в кругу умных, образованных, многосторонне одарённых друзей.

Глава семьи А.Н. Оленин совмещал высокие должности директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств и члена Государственного совета. Несмотря на своё

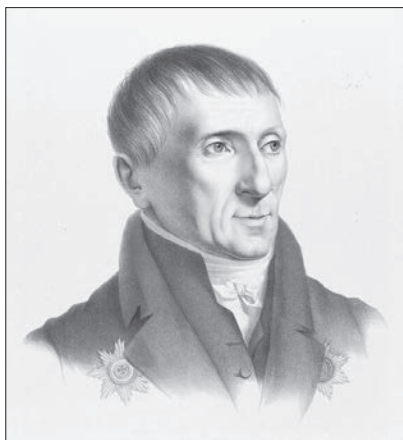

Приютино. Вид на пруд, кузницу и молочный павильон.
Фото 2008 г.

высокое положение, это был добрый, отзывчивый, обходительный человек, как характеризовали его многие современники. Он увлекался литературой, историей, живописью и скульптурой, владел граверным и медальерным искус-

ством, писал научные труды по теории библиотечного дела, по археологии и этнографии древних славян, по российской словесности. В дружеском кругу Оленина прозвали «тысячеискусником». Душевные качества, широта интересов Алексея Николаевича и его супруги делали их дом притягательным для лучших людей пушкинской эпохи. В петербургском салоне Олениных и усадьбе Приютино в разное время бывали литераторы Державин, Карамзин, Крылов, Гнедич, Вяземский, Грибоедов, Жуковский, Языков, Батюшков, Пушкин и Мицкевич; архитекторы Монферран, Воронихин и Тон; художники К. Брюллов, Гонзаго, Кипренский и Гампельн, композиторы Глинка и Верстовский; актёры Сосницкий, Яковлев, супруги Каратыгины, актриса Семёнова.

Время у Олениных проводили интересно и весело. Литераторы читали свои новые произведения, певцы и музыканты исполняли песни, романсы и другие сочинения, которые подвергались доброжелательной критике. Ужинали без церемоний и чинов за маленькими столиками, после чего устраивали танцы. Зимой в Петербурге, а летом в Приютине хозяева при поддержке гостей ставили домашние спектакли, в которых вместе с взрослыми играли дети, вместе с профессиональными актёрами — любители. Иногда в домашнем приютинском театре проходили репетиции профессиональных постановок.

Алексей Николаевич Оленин.
Художник Г.Ф. Гиппиус. 1828 г.

Музыканты исполняли песни, романсы и другие сочинения, которые подвергались доброжелательной критике. Ужинали без церемоний и чинов за маленькими столиками, после чего устраивали танцы. Зимой в Петербурге, а летом в Приютине хозяева при поддержке гостей ставили домашние спектакли, в которых вместе с взрослыми играли дети, вместе с профессиональными актёрами — любители. Иногда в домашнем приютинском театре проходили репетиции профессиональных постановок.

Алексей Николаевич и собиравшиеся у него энтузиасты серьёзно увлекались театром. В начале XIX века частыми гостями в доме Олениных были князь Александр Шаховской — драматург, режиссёр и наставник многих талантливых актёров, Сергей Марин — поэт-сатирик, Владислав Озеров — известный драматург, Василий Капнист — поэт и драматург. Деятельность этого кружка оказала большое вли-

яние на театральную жизнь Петербурга. В 1804 году В.А. Озеров написал пьесу в стихах «Эдип в Афинах» по греческому мифу и трагедии Софокла. После обсуждения в Приютине и рекомендованной переделки заключительного акта пьеса была принята Шаховским к постановке. Её было решено осуществить в духе античных представлений с хорами и пышными декорациями, эскизы которых написал замечательный художник Пьетро Гонзаго. Музыка для хоров сочинил капельмейстер Иосиф Козловский.

Екатерина Семёнова в роли Клеопатры. Художник О.А. Кипренский. 1810-е гг.

Роль Антигоны, дочери странствующего Эдипа — бывшего царя Фив, разучивала девятнадцатилетняя выпускница театральной школы Екатерина Семёнова, будущая великая актриса. Костюмами занялся Оленин со своим неизменным помощником — художником Иваном Ивановым. Алексей Николаевич увлечённо копался в книгах, изучал старинные гравюры, чтобы сделать костюмы эффектными и исторически достоверными.

Премьера спектакля, состоявшегося в Большом Каменном театре 23 ноября 1804 года, имела небывалый успех и принесла известность драматургу, постановщикам и актёрам. Триумф окрылил их, и через год они подготовили премьеру новой трагедии В.А. Озерова «Фингал» по мотивам поэм Оссиана. В роли Моины, невесты царя Морвении Фингала, блистала Екатерина Семёнова, танцы поставил балетмейстер Иван Вальберх, а декорации помимо Пьетро Гонзаго подготовил Д.А. Корсини. Эскизы костюмов снова сделали Оленин и Иванов.

В 1806 году в оленинский кружок влился Иван Андреевич Крылов, который к тому времени был автором едких сатир и памфлетов, вызвавших неудовольствие властей, и нескольких комедий, так и не поставленных на профессиональной

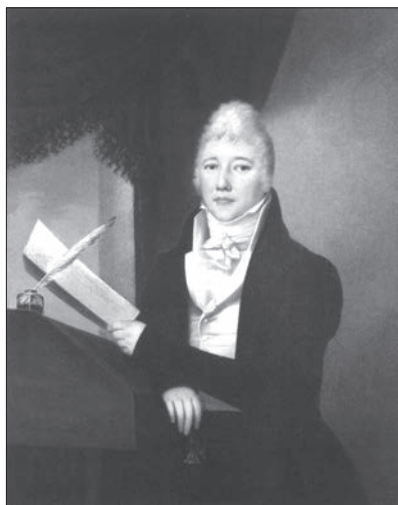
Иван Андреевич Крылов.
Художник П.А. Оленин. 1824 г.

Однако он продолжает принимать деятельное участие в обсуждении пьес, участвует в постановках домашнего приютинского театра, колоритно исполняет свои басни. Интересно, что при обсуждении новинок в оленинском кружке всегда прислушивались к мнению хозяйки дома Елизаветы Марковны — умной и образованной женщины. Её отец Марк Фёдорович Полторацкий (1729–1795) был замечательным оперным певцом, руководил императорской певческой капеллой.

В 1807 году, в преддверии войны с Наполеоном, усилиями оленинского кружка была поставлена новая патриотическая пье-

сцене. Вскоре обстановка изменилась. Две новые пьесы Крылова «Модная лавка» и «Урок дочкам» были приняты Шаховским к постановке и понравились зрителям. В них высмеивалась галломания — чрезмерное увлечение всем французским. Следом Крылов написал по заказу директора императорских театров А.Л. Нарышкина либретто оперы «Илья-Богатырь» по мотивам русских сказок и былин.

С 1808 года Крылов уходит от драматургической деятельности и полностью посвящает себя басне.

Владислав Александрович Озеров. Художник Я. Ромбауэр.
1807–1809 гг.

са Озерова «Дмитрий Донской», имевшая оглушительный успех. В 1808 году к театральной деятельности активно подключился Николай Гнедич, ранее лишь иногда бывавший у Олениных. Гнедич, Крылов, Марин и Оленин откликнулись на предложение Шаховского издавать журнал. Так родился «Драматический вестник» — первый в России театральный журнал, к сожалению, выпускавшийся всего один год. Такой короткий срок обусловлен разногласиями между Гнедичем и Олениным, с одной стороны, и Шаховским, с другой стороны. Последний слишком пристрастно критиковал в журнале сентиментализм и стал явно покровительствовать довольно посредственной французской труппе в ущерб русской.

С приездом известной актрисы Маргариты Жозефины Веймер (1787–1867), выступавшей под псевдонимом «Мадемуазель Жорж», французам был отдан Большой Каменный театр, а русская труппа выступала в основном в Малом театре. Жорж, обладавшая превосходной выучкой, успешно дебютировала в пьесе Расина «Федра». Однако В.А. Жуковский и другие ценители театра отметили и её слабую сторону: она играла искусно, но

холодно, без внутреннего чувства». В июле 1808 года французская труппа представила премьеру трагедии Вольтера «Танкред», действие в которой происходит в Сиракузах в XI столетии. Жорж эффектно сыграла Аменаиду, невесту благородного рыцаря Танкреда, спасшего свою оклеветанную возлюбленную от смертной казни и ценою собственной жизни защитившего город от нападения сарацинов.

Триумф француженки больно задел самолюбие Екатерины Семёновой, которая играла эмоционально и душевно. Оленин и Гнедич поддержали русскую актрису. Гнедич перевёл «Танкреда» на русский язык, сократив

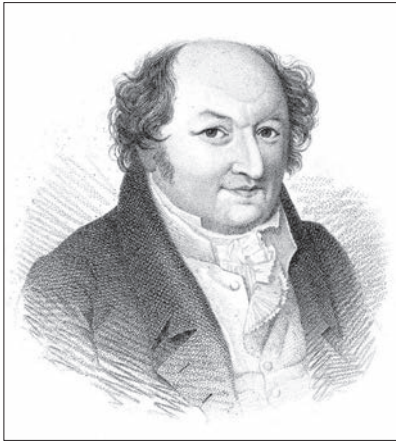
некоторые несущественные явления и реплики, что сделало трагедию более динамичной. Началась работа над постановкой. Алексей Николаевич рисовал эскизы костюмов для своей кумушки, как он называл Семёнову, часто присутствовал на репетициях, проходивших в Петербурге и Приютино. Оленин, как всегда, стремился к достоверности костюмов, их соответствии ходу действия, в то время как костюмы французской труппы совсем не были похожи на те, которые носили сицилийцы в XI веке, и представляли собой нечто среднее между античной одеждой и нарядами XVIII века. Декорации к русской постановке, написанные Гонзаго, были великолепны.

Николай Иванович Гнедич.
Художник П.А. Оленин. 1824 г.

Репетировал с Семёновой сам Гнедич, который был тонким знатоком театра и замечательным декламатором. Состязание русской и французской актрис привлекло внимание петербургских театралов. Премьера русской версии «Танкреда» состоялась 9 апреля 1809 года в присутствии Оленина, Шаховского, Гнедича, Крылова, Мадемуазель Жорж и заинтригованной публики, переполнившей зал. Екатерина Семёнова была вознаграждена заслуженными орденами — она блестяще переиграла француженку в роли Аменаиды. Критики также высоко оценили костюмы и декорации.

К сожалению, к осени 1809 года отношения между Олениным и Шаховским совершенно испортились. Шаховской, будучи членом репертуарного комитета, оказывал противодействие постановке новой пьесы Озерова «Поликсена» о невесте героя Троянской войны Ахилла, которую принесли в жертву богам на его могиле. Этот спектакль был представлен лишь дважды. Кроме того, Шаховской в ущерб Екатерине Семёновой стал выдвигать менее та-

Князь Александр
Александрович Шаховской.
Неизв. гравер. 1802 г.

но приурочивались к семейным торжествам. Ежегодно игрались спектакли 2 мая — на день рождения Елизаветы Марковны. Особенно пышно праздновались в Приютине её именины, приходившиеся на 5 сентября. Театр устраи-

Сергей Никифорович Марин.
Художник О.А. Кипренский.
1812 г.

лантливую актрису Марию Вальберхову, свою фаворитку. Накопившиеся противоречия привели к разрыву между Олениным и Шаховским и к прекращению издания «Драматического вестника».

От этого интерес семьи Олениных к театру ничуть не уменьшился. Двери их гостеприимного дома были по-прежнему открыты для актёров и режиссёров, драматургов и поэтов, певцов и музыкантов, участвовавших в вечерах и домашних спектаклях, которые обыч-

но устраивали обыкновенно в просторной столовой. Вешали занавес, изготовленный по эскизу Гонзаго, ставили декорации и стулья для зрителей в противоположном округлом конце зала. Артисты облачались в костюмы, которые специально шили или брали из богатого этнографического собрания А.Н. Оленина. В домашнем театре иногда играли отрывки из трагедий, но гораздо чаще комедии, водевили и поговорки — короткие пьесы.

Перенесёмся мысленно в те далекие годы и посетим несколько приютинских

спектаклей. 5 сентября 1806 года была представлена пьеса «Превращённая Дидона», написанная непревзойдённым юмористом Сергеем Мариным по мотивам трагедии Княжнина «Дидона». Героическую эпопею сатирик Марин обратил в шутовскую. У Княжнина троянский царевич Эней, увидев во сне своего покойного отца Анхиза, просящего его вернуться на родину из Карфагена, решает покориться долгу и покидает свою возлюбленную, карфагенскую царицу Дидону, спасшую его от гибели в море. В приютинском спектакле сюжет вроде бы мало изменился, но реплики героев, переделанные острословом Мариным, вызывали взрывы хохота. В первой же сцене Эней говорит своему наперснику Антенору:

*...Наделал глупостей! — Когда поверишь снам,
То лыжи наостричь пора отселе нам...*

В другой сцене гегульский царь Ярб, безнадежно влюблённый в красавицу Дидону, собирается высечь Энея крапивой и кнутом. Но тут появляется Дидона. Эней прощается с нею:

*...Так видишь, расстаюсь с тобою я невольно.
Плохая тут любовь, спине где будет больно.*

После завершения пьесы в тот день в Приютине ещё можно было насладиться балетом, послушать хор с участием Капниста и Озерова, полюбоваться выступлением циркачей и фейерверком, потанцевать на балу и отобедать в дружеском кругу.

Через 9 лет, 5 сентября 1815 года, в приютинском театре играли комедию Гнедича, скрывавшегося под псевдонимом «Господин Приютин». Постановка называлась «Стихотворец в хлопотах» и высмеивала графоманию. Гнедич играл поэта Стихоплеткина, самозабвенно пишущего заказные стишки на любой случай жизни. Однако творения Стихоплеткина несравнимы с «притчами» некоего Хлыстова, о котором в комедии рассказывает его сын: *«Папенька создал новый мир, населил его новыми тварями, у папеньки горлицы с зубами, собаки с рогами, животные, если нужно, меняют свой образ, например, помните ли, Иван Сидорович, притчу “Корова и липка” — когда корова лезет на макушку липки, чтобы спрятаться от дождя, и вдруг слезает назад быком!»* Покатываясь со смеху, зрители без труда узнали в Хлыстове графа Дмитрия Хвостова (1757–1835), которого Пушкин назвал «отцом зубастых голубей». В 1815 году

поэт высмеивал его в стихотворении «Городок», называя Свистовым:

*Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик Свистов!
<...>
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать,
Но, убирайся с Богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.*

Очевидно, Оленин был знаком с этим стихотворением, опубликованным в «Российском музее» в том же году, и переименовал в афише приютинского спектакля Хлыстова в Свистова.

В этой пьесе все актёры выступали под псевдонимами, разгадать которые для гостей не представляло труда уже при чтении программы. Под именем Скороговоркиной скрывалась воспитанница Олениных Анна Фурман, белокурая красавица, в которую были безнадежно влюблены Гнедич и Батюшков. В спектакле участвовали дети Олениных: семнадцатилетний Алексей — господин Долгонос, тринадцатилетняя Варенька — госпожа Ленивина и восьмилетняя Анеточка — девица Догадкина. После окончания спектакля «девицы Ленивина и Догадкина» задорно исполнили русские пляски.

У Олениных было пятеро детей. Старший сын Николай в возрасте 19 лет погиб при Бородине, второй сын Пётр, тоже участник Бородинского сражения, в 1815 году находился в армии. Все дети участвовали в домашних спектаклях с самых малых лет. Это прививало им любовь к театральному искусству, музыке, пению, танцам и вообще к творчеству.

В 1817 году в доме Олениных начал бывать юный Александр Пушкин, встретивший здесь очень тёплый приём. В начале 1819 года на одном из вечеров Пушкин впервые увидел прекрасную Анну Керн, приходившуюся племянницей Елизавете Марковне. Анна так заслушалась Крылова, читавшего басню «Осел и мужик», что не обратила на Пушкина никакого внимания. Она вспоминала впоследствии, что в тот день принимала участие в сценке в роли Клеопатры. В руках Анна держала корзину с цвета-

ми, где якобы находились змеи. К ней подошёл Пушкин с Александром Полторацким, её кузеном. Посмотрев в корзину и указав на кузена, Пушкин спросил по-французски «Конечно, этому господину придётся играть роль аспида?» Вопрос содержал фривольный намёк, и Анна отошла, ничего не ответив. Эту встречу и воспел Пушкин в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...», сочинённом летом 1825 года в Тригорском, где он вновь повстречал прекрасную Анну Керн.

Пушкин принимал деятельное участие в вечерах у Олениных, где любимым развлечением были «шарады в живых картинах», когда зрители должны по содержанию частей представления угадать зашифрованное слово. 2 мая 1819 года Крылов предложил разыграть театрализованную шараду «Баллада», состоящую из таких сцен: «Бал» (участники изображали танцующих на балу); «Лада» (девушки и дамы изображали Ладу — богиню любви и красоты у древних славян). Потом Жуковский прочёл написанное им и большей частью Пушкиным стихотворение, служившее ключом к отгадке:

*Что ты девица грустна,
Молча присмирела,
Хоровод забыв, одна
В уголку присела?
«Именинницу, друзья,
Нечем позабавить.
Думала в балладе я
Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
А Крылов обѣлся...».*

Стихотворение заканчивалось здравицей в честь именинницы и гостей.

Известно участие Пушкина в одном из домашних спектаклей у Олениных. Он играл роль мичмана Альнаскарова в комедии Ивана Хмельницкого «Воздушные замки». Интересно, что в этом спектакле вместе с поэтом играли известные актёры Екатерина Семёнова, Мария Львова-Синецкая, Иван Сосницкий.

Вернувшись в 1827 году в Петербург после длительной ссылки и пребывания в Москве, Пушкин вновь стал частым

Анна Оленина с подругами (Анной Фурман и Варварой Олениной). Художник К.К. Гампельн. 1820-е гг.

гостем у Олениных. К тому времени их младшая дочь Анна превратилась в очаровательную девушку. Большие светлые глаза Анеты, отражавшие её богатый духовный мир, смотрели то с задумчивостью, то с озорством и тонким кокетством. Девушка была изящна, миниатюрна, хорошо танцевала, ловко гарцевала на лошади, неплохо рисовала, лепила, писала стихи и прозу, владела несколькими иностранными языками. Кроме того, она обладала приятным, хорошо по-

ставленным голосом и с успехом участвовала в домашних вечерах и спектаклях, а также в благотворительных концертах в Благородном собрании. 5 сентября 1827 года она выступала в роли Антигоны во фрагменте трагедии Озерова «Эдип в Афинах» и участвовала в домашней постановке «Пословица в лицах по-русски и по-французски — “Чем богаты, тем и рады”».

Весною 1828 года Пушкин увлёкся Анной Олениной настолько серьёзно, что мечтал жениться на ней. Он посвятил ей цикл изумительных стихотворений, среди которых «Её глаза», «Ты и Вы», «Кобылица молодая», «Не пой, красавица, при мне...», «Я вас любил...» Девушка не ответила поэту взаимностью, хотя была сильно увлечена его стихами и часто цитировала их в своём дневнике. Оленины были против брака своей любимицы с Пушкиным по целому ряду причин. Поэт очень тяжело переживал это. Его последний визит в Приютино пришёлся на 5 сентября 1828 года, день именин Елизаветы Марковны. В домашнем театре разыгрывали шараду «Меломания», во всех четырёх частях которой блистала Анета. А вечером Пушкин, прощаясь с нею, с чувством

сказал, что должен уехать в свои имения, если только ему достанет решимости.

В 1830-е годы у Олениных собиралось общество, уже не столь широко известное. Давно не было в живых Капниста, Озерова, Марина, зимой 1833 года умер Гнедич. Однако в Приютине по-прежнему проходили весёлые праздники и ставились спектакли. В 1833 году в виде приятного сюрприза для «доброй Элизы» (Елизаветы Марковны Олениной) театр был устроен в хозяйственном помещении, роскошно украшенном цветами (вероятнее всего, в бывшей конюшне). Играли два во-

Приютино. Столовая-театр.
Место сцены. Фото 2008 г.

девиля с песнями и музыкой. Владелец соседнего имения Всеволод Всеволожский привёз свой оркестр, которым руководил известный скрипач и композитор Людвиг Маурер.

В мае 1834 года перед отъездом Анны Алексеевны на лечение за границу в Приютино молодёжь репетировала сразу две пьесы. В них были заняты родственники Олениных Николай Мертваго и Дмитрий Волконский, артиллерийский офицер Валериан Савельев, подруги Анеты Антонина и Лидия Блудовы — дочери министра внутренних дел Дмитрия Николаевича Блудова, который в начале XIX века был членом кружка А.Н. Оленина. Собиралась принять участие и Александра Уварова — дочь министра просвещения Сергея Семёновича Уварова, тоже бывшего члена оленинского кружка. Любопытно, что в пьесе «Юморист» Анна Алексеевна должна была играть роль бабушки, а в пьесе «Хороша и дурна, и глупа, и умна» — роль юной Наденьки, невесты гусарского офицера Алинского. В роли последнего выступал молодой барон Фёдор Алопеус, ещё один неудачливый соискатель руки Анеты, которому она, впрочем, симпатизировала.

В том же году на именины Елизаветы Марковны Крылов решил поставить свою шутокомедию «Подщипа, или Триумф». Для этой остроумной сатиры на русское общество

времен Павла I путь на профессиональную сцену был закрыт. Комедия, выдержанная в духе балаганных игрищ, при жизни автора не была опубликована и ходила в списках. Крылов не только гротескно изобразил персонажи в их бытовой приниженности, представив царедворцев «счастливыми трутнями», но и использовал комический приём: как бы подменил царский дворец крестьянским двором. Шутокомедию невозможно читать без смеха. В первой же сцене царевна Подщипа в разговоре с Чернавкой

Приютино. Столовая-театр.
Места зрителей. Фото 2008 г.

вспоминает, как со своим наречённым, князем Слюняем, воровала огурцы с чужих огородов. Картавый и шепелявый князь Слюняй, обладатель деревянного меча и большой голубятни, признается царевне: «Я так юбью тебя... ну пуще еденцу». Государственные обязанности царя Вакулы в основном к еде: «Я разве даром царь? Слышь, лёжа на печи, я и в голодный год есть буду калачи». А в целях пополнения казны в царстве вводится пошлина на кашель. Немецкий принц Триумф, воспылавший любовью к Подщипе и возмущённый её отказом, повёл на царство Вакулы своё войско, но завоевание начал с того, что под носом у царя слопал его обед. Солдафонские замашки принца Триумфа напоминают увлечение императора Павла I военной муштрой.

А.С. Пушкин, который прочёл «Подщипу» в лицейские годы, в стихотворении «Городок» назвал И.А. Крылова «шутником бесценным», а самой шутокомедии посвятил такие строки:

*Тут вижу я — с Чернавкой
Подщипа слёзы льет,
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Пленённые цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари...*

В приютинской постановке роль Подщипы исполняла, конечно, Анна Алексеевна — Приютина царевна, как назвал её неизвестный автор в приветственном стихотворении по случаю назначения фрейлиной двора в 1825 году. Вакулу играл Валериан Савельев, Чернавку — Варвара Оленина, гофмаршала Дурдурана — Дмитрий Волконский, а Слюняя и Триумфа — братья Хрущёвы (возможно, родственники Волконского).

В середине 1830-х годов в приютинских постановках вместе с взрослыми участвовало уже следующее поколение юных артистов. Сын Анны Фурман (в замужестве Оом) Фёдор вспоминал, как в апофеозе спектакля с участием Анны Олениной, Антонины и Лидии Блудовых он играл роль амурчика: малыша подвесили на проволоке почти голенького, с подрумяненными свёклой щёчками и приделанными на спине крылышками. Такого же амура изображала и маленькая Лизонька, дочка Петра Оленина.

Мария Алексеевна
Оленина-Д'Альгейм.
Фото 1900-х гг.

После смерти Елизаветы Марковны Олениной в июле 1838 года спектакли в Приютиве больше не ставились, а само имение по её завещанию было продано. Судьба разбросала приютинское общество по свету. Похоронив в 1843 году отца, Анна Алексеевна вместе со своим мужем Фёдором Александровичем Андро уехала в Варшаву, где провела более 40 лет. Пётр Оленин в основном жил в имении Борисцево под Торжком.

Разъехались и другие члены семьи. Они и их дети на долгие годы сохранили культурные традиции дома Олениных и передали свои таланты потомкам,

из которых наиболее известны внуки Петра Алексеевича Оленина композитор и пианист Александр Алексеевич Оленин (1861–1944), камерная певица Мария Алексеевна Оленина-Д'Альгейм (1869–1970) и драматург, актёр и режиссёр Пётр Алексеевич Оленин (1864–1926, псевдоним «Волгарь»). Александр Алексеевич Оленин был учеником М.А. Балакирева, собирателем народной музыки, автором оперы «Кудеяр» и многих других произведений. Некоторое время он сочинял песни для известной певицы Лидии Руслановой. Мария Алексеевна Оленина-Д'Альгейм, обладавшая красивым меццо-сопрано, была толковательницей и исполнительницей вокального творчества Мусоргского, автором книги «Заветы Мусоргского». Её отличали выразительная манера исполнения и глубокое проникновение в содержание музыки. В 1908 году совместно с мужем Пьером Д'Альгеймом (1862–1922), французским писателем и переводчиком, автором книги «Мусоргский», она открыла в Москве Дом песни, где проводились конкурсы, концерты, из-

Приютино. Гостиная-галерея. Фото 2008 г.

давались газета и бюллетени. С 1918 года Мария Алексеевна проживала с мужем в Париже, в 1959 г. вернулась в Москву.

Разносторонне одарённый П.А. Оленин-Волгарь был и художником, и драматургом, писал прозу и стихи, но главным делом его жизни оставался театр. Из его сочинений наиболее известна пьеса-хроника «Севастополь», посвящённая героической обороне города во время Крымской войны. Пьеса была сыграна более 100 раз в Петербургском Народном Доме в 1902–1904 годах. Мелодрама «Душа, тело и платье. История изящной женщины», переведена на 4 языка и сыграна более 1000 раз в 1910-е годы.

В усадьбе Приютино, где более полутора веков назад устраивались удивительные театрализованные представления, теперь воссоздана атмосфера пушкинской эпохи. Посетители музея могут побывать в той самой музыкальной гостиной, где проходили вечера, с интересом рассмотреть в театре-столовой программы спектаклей, портреты их участников, эскизы костюмов, бутафорские доспехи...

В тёплый летний день приятно прогуляться по чудесному тенистому парку, вспоминая стихи Гнедича:

*Ещё я прихожу под кров твой безмятежный,
Гостеприимная приютинская сень!*

Приютино. Парк. Фото 2008 г.

*Я, твой старинный гость,
Бездомный странник прежний,
Твою приютную всегда любивший тень...*

Библиография

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949.
2. Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. — Л.: Лениздат, 1983.
3. Оленина А.А. Дневники. Воспоминания. — СПб.: Академический проект, 1999.
4. Крылов И.А. Сочинения: в 2 т. — М.: Художественная литература, 1984.
5. Озеров В.А. Драматические произведения. — М.: Художественная литература, 1958.

Тайное венчание в Тайцах

Княгиня Наталья Петровна Голицына, которая является одним из прототипов старой графини в «Пиковой даме» А.С. Пушкина, имела дочь Софью Владимировну, которая вышла замуж за графа Павла Александровича Строганова (1774–1817), впоследствии известного государственного деятеля и полковника. У супружеской четы Строгановых было пятеро детей: Александр (1795–1814), Наталья (1796–1872), Аделаида (1799–1882), Елизавета (1802–1863) и Ольга (1808–1837). Александр Строганов в возрасте 19 лет погиб в сражении при Краоне на глазах у отца, который не смог из-за этого продолжить командование войсками и передал его М.С. Воронцову. Это событие не прошло мимо внимания А.С. Пушкина и отражено в черновиках VI главы «Евгения Онегина». Горе, нанесённое гибелью единственного сына, подорвало здоровье графа П.А. Строганова. Он быстро поседел, заболел туберкулёзом и скончался в 1817 году в возрасте 43 лет.

Две старшие дочери прожили долгую жизнь. Наталья Павловна согласно майоратному акту о неделимости наследства в 1818 году вышла замуж за представителя другой вет-

Интерьер дворца Строгановых в Санкт-Петербурге.
Художник Ж. Мейблум. 1865 г.

ви рода Строгановых — барона Сергея Григорьевича, который получил при этом графский титул. Граф С.Г. Строганов широко известен своим вкладом в культурную и научную жизнь Москвы. После смерти С.В. Строгановой он вместе с супругой унаследовал все строгановские имения. Супруг Аделаиды (Аглаиды, Адели) Павловны, князь В.С. Голицын, тоже был дальним родственником. Третья дочь — Елизавета Павловна — была замужем за светлейшим князем И.Д. Салтыковым, вероятно, свойственником (известно, что сестра Н.П. Голицыной Дарья Петровна была замужем за фельдмаршалом князем И.П. Салтыковым). Возможно, и младшая дочь должна была заключить столь же выгодный брак, но вышло по-другому.

В начале июля 1829 года высший свет Петербурга облетела сенсационная новость: графиня Ольга Павловна Строганова убежала из дома и против воли матери обвенчалась с графом Павлом Карловичем Ферзенем¹, штаб-ротмистром Кавалергардского полка, в церкви Святого Александра Невского в селе Александровка близ мызы Тайцы под Гатчиной. Хотя в то время браки без благословения родителей не были большой редкостью, известие о похищении Строгановой, принадлежавшей к знатному и очень богатому роду, немедленно стало поводом для светских сплетен.

Раньше Ольга Строганова, родившаяся 1 июня 1808 года и выросшая сиротой под опекой матери и старших сестёр, ничем особенным среди светских барышень не выделялась: ни ослепительной красотой, ни большими талантами, ни экстравагантным поведением. Известно несколько её милых акварельных портретов кисти П.Ф. Соколова. В её внешности была своя изюминка, не для всех заметная: удлинённый овал лица, точёный профиль, дивные глаза, мечтательные и грустноватые, стройная фигурка. Хотя облик Ольги отличался своеобразием, можно заметить отдельные черты сходства между нею, её матерью и бабушкой, с которой её роднил также независимый характер. Ольга дружила с Анной Алексеевной Олениной и однажды посвятила подруге короткое стихотворение:

*По-французски не умею,
А по-русски не пишу,
Много требовать не смею,
Не забудь меня, прошу².*

Ольга Павловна Ферзен, урождённая Строганова.
Художник П.Ф. Соколов. 1830-е гг.

Обе девушки, почти сверстницы, получили блестящее домашнее образование, любили пофилософствовать, по мечтать, вместе совершали верховые прогулки. Как и Анета, Ольга была хорошей наездницей. Может быть, она унаследовала эти способности от бабушки Натальи Петровны Голицыной, которая в молодости получала призы на императорских конных каруселях — своего рода рыцарских турнирах.

Жизнь Ольги Строгановой текла обычным чередом: в зимние сезоны — балы и вечера в салоне матери, летом — беспечная жизнь на даче на Каменном острове или в жи-

вописном имени Марьино Новгородской губернии, где иногда у них гостили Оленины. Однако «пора пришла, она влюбилась». Избранником стал граф Павел Карлович Ферзен, стройный белокурый красавец шведского происхождения, слывший в обществе отъявленным шалопаем, несмотря на успехи по службе в Кавалергардском полку. Следует сказать, что граф Ферзен водил дружбу не только с военными, он был знаком со многими замечательными людьми, в том числе с А.С. Пушкиным, который однажды в 1828 г., может быть, именно его упомянул в одном из вариантов эпиграммы: «Лищинский околел — плачь Ферзен...»³. Примечательно, что Павел Карлович, родившийся 16 февраля 1800 года, примерно за год до гибели императора Павла I, являлся крестником последнего.

Выбор Ольги не понравился её семье, по меркам которой ухажёр был бедноват. Не одобряла это увлечение и благоразумная Анета Оленина, которая 20 марта 1829 г. записала в дневнике, что скорбит «об Ольге, чьё поведение было невообразимо». Но юная графиня Строганова, как обычно бывает, не внимала ничьим

Павел Карлович Ферзен.
Художник К.П. Брюллов. 1834 г.

увещеваниям, а молодой человек усердно ухаживал за ней, имея весьма серьёзные намерения.

Павел Ферзен попросил руки любимой девушки, считывая на её ответное чувство, свой графский титул, многообещающую карьеру и немалое состояние, хотя и несравнимое с богатством Строгановых. Но мать девушки, выражая мнение семьи, отказала ему. Чувств дочери она в расчёт не принимала. Бабушка Н.П. Голицына прочила Ольгу, по некоторым сведениям, за красавца князя Андрея Николаевича Вяземского (1802–1856), наследника богатого состояния, тогда поручика Кавалергардского полка, а впоследствии генерал-майора, подольского губернатора. Однако ни богатство, ни внешняя привлекательность высокого, стройного князя, ни его репутация в свете как честного и хорошего человека (хотя и сердцеда) не привлекали Ольгу, самозабвенно влюблённую в графа Ферзена.

По неписаному закону последний после неудачного сватовства больше не должен был посещать дом Строгановых и мог встречаться с Ольгой только на светских раутах, прогулках или тайных свиданиях. Девушка не смирилась с участью, уготованной ей родными. За её внешней хрупкостью скрывался твёрдый характер. Вот как 21 августа 1829 года описала дальнейшие события в своём дневнике Анна Оленина, видимо, знавшая о них от самой героини или её ближайшего окружения: *«Ольга Строганова закончила свою карьеру. После того, как она проделала с графом Ферзеном (самым большим в своём роде шалопаем) всё, что только можно вообразить, после того, как она вступила с ним в тайную переписку и имела такие же тайные встречи, она приняла решение и дала себя похитить 1 июля. Она была готова совершить этот немислимый шаг ещё несколько месяцев назад.*

Каждый раз, как она ездила со своими сёстрами верхом и пускала лошадь галопом, она бросала на землю записочку, которую поднимал её молодчик. Наконец, отъезд в деревню Городня был решён. Ольга пишет ему записку, в которой говорит: “Замужество или смерть”. Вскоре всё готово. Вечером она притворяется, что у неё болит голова: у неё возбуждённый вид, она просит разрешения удалиться; выходит в сад, там её ожидает один из заговорщиков, Бреверн, который отвозит её к Чёрной Речке, там они пересекают озеро и, поскольку они очень спешат,

Бреверн торопливо усаживает её в экипаж, где находится Ферзен. Они отъезжают и направляются в Тайцы. Там их ожидают свидетели. Но священник соглашается их обвенчать лишь при условии, что ему будет заплачено пять тысяч и гарантирована тысяча рублей ежегодно. В 5 часов утра они обвенчаны, и Ольга едет ночевать с ним в Тайцы, где её ждёт модистка, чтобы ей прислуживать. Свидетели были Бреверн, Соломирский-старший и Ланской.

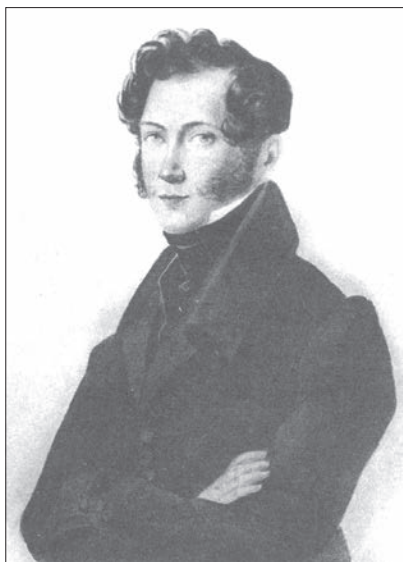

Павел Дмитриевич
Соломирский.
Художник А.И. Клиндер.
Около 1840 г.

Горничная Ольги, поджидая её, уснула. Наконец, она просыпается и слышит, что всё вокруг неё спит. Она входит в комнату и не находит её. Вот так её “побег” был обнаружен. Утром принуждены были сказать об этом графине. Бедная мать её тут же простила, но вернулись они только под вечер. Утром Ольга успела ещё сходить с ним на манёвры. **Ай да баба!**

Приехал Император. Думали, что он простит виновных. Он же, напротив, велел их судить. Ферзена отправили в какой-то гарнизон, свидетели за подпись ложных документов были переведены в армию. Ольга последовала за мужем. Она не чувствует никакого раскаяния, так как потеряла всякий стыд, благородные чувства, понятие о чести⁴.

К этому можно добавить, что Ольга сама являлась инициатором своего похищения, о чём свидетельствуют не только записи в дневнике А.А. Олениной, но и письмо графини Софьи Александровны Бобринской мужу от 29 мая 1829 г.: «Роман Ферзена идёт большими шагами к похищению и кончится прощением родственников, а потом, как прежде, “чистым листом” для виновницы. Базиль предложил себя для этой экспедиции. Девушка сама этого пожелала. Она хочет быть похищенной; он не возражает, отъезд семьи в Калугу будет сигналом. Надеюсь, Господь мне простит,

Александр Петрович Ланской.
Неизв. художник. 1830-е гг.

не говоря уже о Базиле, что наш дом предназначен для этого бурного медового месяца»⁵.

Графиня упоминает в письме своего деверя Василия (Базиля) Алексеевича Бобринского, который был в курсе дела, но впоследствии в похищении Ольги активного участия не принял. В письме говорится, что сигналом к началу осуществления плана побега послужил отъезд семьи в Калугу. Имеется в виду калужское имение Н.П. Голицыной Городня, близ села Красное.

Участники скандального события ротмистр Кавалергардского полка

Александр Петрович Ланской (1800–1844), офицер Гусарского полка Павел Дмитриевич Соломирский (1801–1861) по прозвищу Толстый Гусар и штаб-ротмистр Конного полка Александр Иванович Бреверн (1801–1850), вероятно, были знакомыми Пушкина. Между семьями Ланских и Пушкиных позднее возникли родственные связи: Н.Н. Пушкина, вдова великого поэта, в 1844 году вышла замуж за Петра Петровича Ланского, брата А.П. Ланского. Трех детей последнего после ранней смерти обоих родителей воспитывали Наталья Николаевна и её супруг. Дочь А.П. Ланского Софья Александровна в 1858 году вышла замуж за сына А.С. Пушкина Александра Александровича.

Публикуя дневник А.А. Олениной, её внучка О.Н. Оом добавила в примечании важную подробность о том, что графиня С.В. Строганова, стремясь избежать огласки происшествия, написала письмо командиру Кавалергардского полка графу С.Ф. Апраксину о своём согласии на брак дочери Ольги, а ей отправила записку: «Прощаю, благословляю, ожидаю»⁶.

Такое поведение матери было единственно верным, но не уберегло семью от осуждения света. Софья Владимировна

Строганова (1775–1845), женщина деловая, властная, умная, образованная, серьёзно интересовалась литературой и искусством, занималась переводами. Её светским прозвищем было мужское имя Вольдемар. Известен вклад С.В. Строгановой в развитие Пермского края, его культурную жизнь и просвещение⁷ (в том числе крепостных людей). Её дом на Невском проспекте (№ 7 в современной нумерации) посещали представители высшей знати, художники, музыканты, литераторы⁸. Предположительно, заходил туда и А.С. Пушкин.

Софья Владимировна
Строганова. Художник
П.Ф. Соколов. 1810 г.

Старая графиня Наталья Петровна Голицына сурово осудила свою внучку Ольгу за побег с П.К. Ферзенем и даже прокляла её, но через некоторое время всё-таки простила.

Скандалное похищение, породившее массу великосветских пересудов, едва ли не затмило в умах некоторых знатных особ военные успехи российской армии в русско-турецкой войне — взятие балканской крепости Силистрии и позднее Арзрума. Сестра Ольги Аделаида Павловна 11 июля 1829 года писала сестре Елизавете Павловне: *«В городе ужасный скандал, так что взятие Силистрии не произвело почти никакого впечатления. Протасов говорил мне, что на днях встретил кн. Михаила Голицына, который сказал: “Слыхали главную новость?” Протасов отвечал: “Да, взятие Силистрии”. На это князь Мишель сказал: “Силистрия-то конечно, но есть новости поважнее — похищение графини Ольги”. Это ужасно, что должна переживать бедная матушка»*⁹.

Часть общества даже злорадствовала по поводу наказания таких знатных и богатых особ. Княгиня Е.Н. Любомирская писала своему брату в Париж: *«Это было немыслимо, неслыханно, неожиданно, печально, ужасно. Многие*

говорят, что это пощёчина, нанесённая этому семейству Провидением за тщеславие»¹⁰.

Павел Карлович Ферзен.
Художник О. Верне. 1836 г.

А.С. Пушкин во время описываемых событий находился на Кавказе, в Арзруме, и узнал о происшествии только после возвращения, не раньше сентября 1829 года. По мнению Антони Гласе, похищение Ольги Строгановой стало одним из источников повести «Метель»¹¹, которую исследовательница рассматривает как многоплановое произведение «с ключом», определённым образом пародирующее это событие, к примеру, переключением места действия из петербургского высшего света в

глухую провинцию, в среду небогатых помещиков, а времени действия — из лета в зиму. «Ключ» к персонажам А. Гласе приводит такой: Марья Гавриловна — О.П. Строганова, Владимир Николаевич и Бурмин — П.К. Ферзен, Прасковья Фёдоровна — С.В. Строганова. Разумеется, не следует воспринимать это буквально, поскольку у повести «Метель» существуют и другие источники.

Дальнейшая судьба Ольги Павловны Строгановой-Ферзен, чей отчаянный побег вдохновил Пушкина, не была безоблачной. Её супругу довелось переменить в 1829–1830 гг. несколько мест службы: Свеаборгский батальон, Киевский гусарский полк, Кирасирский Её Величества полк. Вернувшись после подавления польского мятежа в 1830 г. в Кавалергардский полк, П.К. Ферзен прослужил до 1833 г. и в звании полковника вышел в отставку по состоянию здоровья. Жили супруги в Санкт-Петербурге близ Чёрной речки в доме, который им выделила С.В. Строганова.

В семье Ферзенов родилось трое детей: Павел (1830–1865), Софья (1832–1863) и Мануил (1834–1848). Про них известно, что флигель-адъютант П.П. Ферзен был

женат на Анне Фернандес, а С.П. Ферзен вышла замуж за А.Г. Плещеева.

В 1836 г. Павел Карлович поступил на гражданскую службу и сделал блестящую карьеру: являлся чиновником по особым поручениям при министре императорского двора, потом управляющим егермейстерской частью, оберегермейстером. Репутация его в свете в корне изменилась. А.И. Тургенев упоминает его в своём дневнике в числе участников завтрака в трактире Демута 24 декабря 1836 г. в обществе А.С. Пушкина, В.А. Жуковского и других знаменитостей.

Ферзены общались с многими выдающимися людьми. Вот что записала в своём дневнике внучка М.И. Кутузова

Павел Павлович Ферзен.
Художник Ф. Крюгер. 1850 г.

Софья Павловна Ферзен.
Художник П.Ф. Соколов.
1836–1837 гг.

Д.Ф. Фикельмон об этой чете: *«Он не так красив, как я себе представляла, но у него очень приятное лицо, великолепная осанка, и мне кажется, что он хороший собеседник. Его жена прелестна, так хороша, такие тонкие черты, с таким грациозным выражением!»*¹²

Особые дружеские отношения связывали Павла Карловича и Ольгу Павловну с известным художником К.П. Брюлловым, немало произведений которого попало в коллекцию супругов. Познакомила их вдовая сестра Ольги княги-

ня Елизавета Павловна Салтыкова, которая в свою очередь познакомилась с художником, находясь на лечении в Италии. В 1834 году Брюллов написал акварелью портрет П.К. Ферзена в рост, а в 1835 году — «Портрет графини О.П. Ферзен на ослике», где эта очаровательная женщина изображена, скорее всего, на пути в горный монастырь — в руках у неё молитвенник и чётки. Чувствуется большая симпатия художника к своей модели. В архиве Брюлловых сохранилось письмо Ольги Павловны Ферзен, отправленное в марте 1835 г. из Неаполя. Узнав, что художник собирается в большое путешествие на Восток, она писала: «...Мы надеемся и, верно, не тщетно, что вы приедете с нами проститься, имея намерение предпринять столь долгое путешествие. Приездом вашим докажете, что мои просьбы всемогущи над вами, в чём вы меня столь приятно уверяли <...> Мы ждём вас с нетерпением и надеемся, что вы согласитесь посвятить три или четыре дня вашим старым приятелям...»¹³.

Близ Неаполя, вероятнее всего, и была написана акварель, которая в настоящее время хранится в Государственном Русском музее. На дальнем плане справа внизу изображён долговязый белокурый мужчина на ослике, поразительно похожий на Павла Карловича Ферзена. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить изображение с акварельным портретом 1834 г.: причёска мужчины, цвет волос, склад фигуры, покрой одежды, очертания лба, подбородка, носа (с учётом более низкого наклона головы) — всё это практически совпадает. Таким образом, имеется ещё одно изображение П.К. Ферзена кисти Брюллова, которое атрибутировано в Отделе рисунка ГРМ.

Счастливая семейная жизнь супругов Ферзенов была прервана 13 апреля 1837 года ранней смертью Ольги Павловны от туберкулёза. Незадолго до этого её великолепный портрет написал К.П. Брюллов, оставляя скорбящему мужу живую память о любимой жене. Бабушка Ольги Наталья Петровна Голицына пережила её и скончалась в декабре 1837 года (по одним данным, на 96-м году жизни, по другим — на 93-м). Мать Ольги Софья Владимировна Строганова умерла в 1845 году, не дожив до 70 лет. Все они похоронены у Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, где покоятся многие члены этой семьи. Осиротевшие дети Ольги воспитывались в основном в доме её старшей

сестры Натальи Павловны Строгановой.

Павел Карлович Ферзен вторично женился лишь в 1855 году на фрейлине Елизавете Фёдоровне фон Раух (1820–1908), от которой имел двоих детей — Александру (1856–1940) и Николая (1858–1921).

Карьера графа Ферзена оборвалась, когда ему было 70 лет, из-за того, что на царской охоте он неосторожным выстрелом случайно убил одного из егермейстеров. Было проведено служебное расследование, в результате которого графа отправили в отставку. Он жил в основном в Германии и в тёплое время года в своём имении в Лифляндской губернии. Надолго пережив друзей своей молодости, первую жену и детей от неё, Павел Карлович скончался в возрасте 84 лет в Дрездене, где и похоронен.

Так сложилась судьба одной из вдохновительниц Пушкина графини Ольги Павловны Ферзен, урождённой Строгановой. О её нашумевшей когда-то истории сегодня напоминают нам опубликованный дневник А.А. Олениной и великолепные портреты кисти П.Ф. Соколова и К.П. Брюллова, которыми можно полюбоваться в Третьяковской галерее и в Русском музее.

Павел Карлович Ферзен.
Фото 1860-х гг.

Ссылки и примечания

- ¹ Сведения о П.К. Ферзене и других упоминаемых лицах приводятся по изданиям: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. — Л.: Наука, 1975; *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. — СПб.: Академический проект, 1999; Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829) / Предисловие и редакция О.Н. Оом. — Париж, 1936.
- ² Цит. по: *Тимофеев Л.В.* «Приют, сияньем муз согретый». — СПб.: «Нестор-История», 2007. — С. 302.
- ³ Исследование этой эпиграммы см. в статье: *Лившиц В.Л.* Тайна пушкинской эпиграммы // Шпион. — 1996. — № 8. — С. 86–92.
- ⁴ *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. — С. 130–131. В оригинале текст на французском языке, за исключением слов, выделенных нами жирным курсивом.
- ⁵ Цит. по: *Гласе А.* Из чего сделалась «Метель» Пушкина // НЛО. — 1996. — № 14. Первоисточник: ЦГАДА. Ф. 1412 (Бобринские). Оп. 1. Ед. хр. 115. № 4. Л. 62.
- ⁶ Дневник Анны Алексеевны Олениной. — С. 120.
- ⁷ Строгановы и Пермский край: Материалы научной конференции 4–6 декабря 1992 г. — Пермь, 1992.
- ⁸ Строгановский дворец. — СПб.: ГРМ, 1996.
- ⁹ Цит. по: *Гласе А.* Из чего сделалась «Метель» Пушкина. Первоисточник: РО РНБ. Ф. 669. Архив князей Салтыковых, И.Д. и Е.П. № 18. Л. 12.
- ¹⁰ Цит. по: *Гласе А.* Из чего сделалась «Метель» Пушкина. Первоисточник: ОР РГБ. Ф. 301 (Толстые). Карт 7. Ед. хр. 70. № 23. Л. 21.
- ¹¹ *Гласе А.* Из чего сделалась «Метель» Пушкина. <http://www.zh-zal.ru/nlo/1996/14/glasse.html>
- ¹² *Фикельмон Д.Ф.* Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / Публикация и комментарии С. Мрочковской-Балашовой. — М.: Минувшее, 2009. — С. 186.
- ¹³ *Карл Брюллов.* Альбом репродукций. — СПб.: ГРМ, 1999. — С. 183.

Графиня Ольга Строганова

Романтическая история

1829 год

I

Вдали синеют перелески.
Качает знойный ветерок
На перекрёстке двух дорог
Берёз зелёные подвески.
Журчит ручей в тени дубравы.
Летают бабочки вокруг.
Видны церквушки сельской главы.
Звенит кузнечиками луг.

Предместья северной столицы
Чудесны жарким летним днём.
Красивы солнечным дождём
Залитые молодые лица
Трёх всадниц, что неспешно едут,
Любуясь полем и рекой,
И задушевную беседу
Ведут негромко меж собой.

Но вдруг лихая амазонка,
Покинув двух своих сестёр,
Галопом мчит во весь опор,
Не слышит, что они вдогонку
Кричат ей дружно: «Оля! Оля!
Куда ты? Воротись же к нам!»
Она летит стрелою в поле,
Лишь вьётся шарф по сторонам.

«Ах, Натали, пусть порезвится
Сестрёнка вволю. Сердца жар,
Даст Бог, у ней угомонится,
Забудется судьбы удар, —
Одна наездница сказала,
Сдержав поводьями коня, —
Её печаль страшит меня». —
«Адель, я так переживала,

Когда мы Павлу отказали, —
Другая молвила в ответ, —
И Оля в обморок упала,
Услышав матушкино «нет!»
Мне помнится, как Ферзен бедный
Её на кресло положил
И, сдерживаясь что есть сил,
Откланялся, как саван, бледный.

Так сильно Оленька болела,
Рыдала горько по ночам!
Потом опять повеселела.
Смотри, обратно скачет к нам,
Объехав медленным аллюром
Зачем-то придорожный куст». —
Всё ближе (слышен веток хруст)
Беглянки стройная фигура.

«Ну что, сестрица, порезвилась? —
Спросила ласково Адель, —
Ты словно резвая газель.
Не покидай нас, сделай милость». —
«Уж дома ждут давно к обеду», —
Сказала строго Натали.
Они в столицу вместе едут,
Мелькают шляпки их вдали.

Плывут, подобно каравеллам,
В лазурном небе облака.
В овраге, от аниса белом,
Сверкает быстрая река.
Пуста дорога вдоль опушки.
Не слышно цокота копыт,
Лишь вслед наездникам трещит
Сорока, резвая болтушка.

II

Прошло чуть больше получаса.
Кавалергарды на конях
В мундирах летних, белых с красным,
Рысцою едут в тех местах.
Они сворачивают в поле
И что-то ищут по кустам:
«Здесь нет. Взгляни-ка, Саша, там». —
«Нашёл! Нашёл письмо от Оли!»

Записка поднята с волнением
И адресату вручена.
Он вслух читает с нетерпением:
«Замужество иль смерть... Она
К побегу дать сигнал решилась!
Застанет уж у алтаря
Нас нынче ранняя заря.
О боже мой, какая милость!»

«Записка будто из романа, —
Ему с улыбкой молвит друг, —
Да ты от счастья, Пашка, пьяный.
Очнись-ка, будущий супруг.
Теперь осуществленье плана
Побега нам пора начать,
Ты должен Бреверну сказать.
Подумай, нет ли где изъяна:

Вам нужно всё успеть до срока.
Мы с Соломирским едем в храм —
В таких делах один он дока —
И ночью ждать вас будем там.
Рискуем мы карьерой, может,
Тебе содействуя, мой брат,
Но всех чинов во много крат
Нам счастье твоё дороже».

И тронулись кавалергарды.
Между холмами за рекой
Мелькают яркие кокарды.
Два друга — Ферзен и Ланской —
В столичный город, к месту службы
Стремясь успеть, во весь опор
По полю скачут. С давних пор
Их связывают узы дружбы.

III

Тих поздний вечер. Суетою
Наполнен Строгановых дом.
В гостиной баре всей семьёю
Пьют чай с вишнёвым пирогом.
Сидит графиня пожилая
В кругу зятьёв и дочерей.
«Ты Ольге больше чаю лей», —
Служанке говорит, зевая.

Вся в белом, Ольга, чуть живая,
Пылает, словно маков цвет.
«Мне, маменька, не надо чая, —
Чуть слышно молвит ей в ответ, —
Я на прогулке так устала.
Как жарко здесь! Я вся горю.
Мне можно ль в комнату свою?» —
«Зачем галопом ты скакала?

Ты, может, простудилась в роще?
Иди же в спальню, ангел мой.
Ну, утро мудренее ночи,
Пусть будет сон спокоен твой», —
Графиня дочь целует нежно,
Благословляя почивать...
Садится Ольга на кровать,
Откинув полог белоснежный.

«Ступай, Аксюта, ты свободна.
Мне надобно побыть одной.
Попозже лягу я сегодня», —
Велит служанке крепостной.
Выходит, кланяясь, Аксюта.
Блистают Олины глаза:
Осталось ровно полчаса
До той назначенной минуты,

Когда от милого порога
Её карета увезёт,
Одна ведь у неё дорога —
Туда, где Павел Ферзен ждёт,
Где им венчание устроят...
Выходит на балкон она.
Сияет жёлтая луна.
И мысли, и молитвы роem

У Ольги в голове теснятся:
«Меня осудит высший свет,
Но сплетен нечего бояться.
Подруга лучшая Аннет
Сочтёт поступок безрассудным:
Добра, чувствительна она,
Но ни в кого не влюблена.
Понять мою любовь ей трудно.

А бабушка строга ужасно,
Она ведь может и проклясть.
Но даже это мне не страшно.
Не повернут нам судьбы вспять
Проклятия и пересуды.
Даст Бог, подруги и родня
Простят со временем меня,
И очень счастлива я буду».

И быстро пишет на листочке
В мерцанье трепетном свечей
Она для матери своей
Письмо всего в четыре строчки:
«Вы, маменька, меня поймите:
Мне жизнь без Павла не мила.
Один лишь выход я нашла:
Венчаться еду с ним. Простите».

В задумчивости гасит свечи,
Балкона затворяет дверь.
Ей вспоминается тот вечер,
Как будто было всё теперь...
В начале зимнего сезона
Она у шведского посла
На званом бале всё ждала
Кого-то в уголке салона,

Мечтательно вокруг глядела.
Не появлялся кавалер.
Вдруг замерла и обомлела:
К ней шёл красавец офицер.
Он ей напомнил Сашу — брата,
Давно погибшего в бою.
Сестрѐнку Оленьку свою
Кружил по детской брат когда-то.

С малюткой нежно он прощался.
Она, смеясь, играла с ним:
Ей Саша рыцарем казался
Красивым, сильным и большим...
«Знакомьтесь, Ольга: Ферзен Павел,
Граф, ротмистр нашего полка.
Вы побеседуйте пока», —
Ей офицера друг представил.

Волнуясь, ручку протянула
Она, не отводя лица.
Мысль в голове её мелькнула:
«Так звали моего отца.
Я где-то ротмистра встречала».
Поцеловал ей ручку он
И, пригласив на котильон,
Изящно закружил по залу.

Она смеялась и шутила
В ответ на мадригал его,
Когда вдруг ясно ощутила,
Что будто Павла одного
Давным-давно уже любила...
Меж ними неразрывна нить.
Весной их брак благословить
Напрасно мать она молила.

Графиня отказала важно,
Когда он попросил руки,
Её любовь считая блажью,
Другого проча в женихи.
А Ольге слышать было грустно,
Что Павел — шалопай и фат,
Не в тех чинах, не так богат,
Свою печаль скрывать искусно,

Родным беспечною казаться
И за обеденным столом
Гостям любезно улыбаться,
Всё время думая о нём...
Часы двенадцать бьют в гостиной.
С молитвой искренней в глазах
Она глядит на образа
Пред тем, как дом родной покинуть:

«О Господи, Ты мя помилуй,
Непослушание прости,
Пошли терпения и силы,
Мой брак с любимым освяти...»
Она с поклоном покрестилась,
Взяв туфельки на каблуках,
В домашних тапках на ногах
В сад чёрной лестницей спустилась.

Там, барским кучером одетый,
Её штаб-ротмистр Бреверн ждал,
Беглянку посадил в карету,
Вскочил на козлы и помчал
К условленному месту встречи
На тройке резвых лошадей
Вдоль улиц, вдаль от площадей
По направлению к Чёрной речке.

IV

Чудесна ночь на переправе,
Дорожка лунная дрожит.
Невесту ждёт в карете Павел,
Тревожась, на паром глядит.
Берёз колышутся вершины,
Он слышит всплески там и тут.
Их первой встречи предстают
Пред ним, как в зеркале, картины...

У шведского посла в гостиной
Он вёл беседу на балу,
Скучая, взглядом зал окинул:
Стояла девушка в углу
В атласном платье белоснежном.
И неожиданно потряс
Его её прекрасных глаз
Глубокий взор с грустинкой нежной.

Овал лица, чуть удлинённый,
И блеск каштановых кудрей,
И нежный профиль утончённый —
Всё дивным показалось в ней.
В её улыбке полудетской
Была мечтательность видна.
Как незащищённа, как скромна!
Забыл он о беседе светской,

О картах, дамах, увлечениях,
Прошёл стремглав через салон.
Его представили. В смущенье
Её позвал на котильон,
По залу закружил изящно,
Экспромтом тихо мадригал
На ушко девушке шептал.
Всё ликовало в нём от счастья!..

Сейчас томительно минуты
Для Павла Ферзена текут.
«А может, Бреверн что-то спутал?
Но нет, они бегут, бегут!»
Садится в экипаж с ним Ольга.
«Возлюбленная, ангел мой,
Я от волнения сам не свой.
Где задержались вы так долго?

Как хорошо: ты в белом платье.
Пора спешить к венчанью нам», —
Он шепчет, сжав её в объятьях.
В именье Тайцы в сельский храм
Везёт их быстрая карета,
Тревожны трели бубенцов.
Струятся гривы рысаков,
Мелькают вёрсты в лунном свете.

Ланской у церкви их встречает.
У Александра грустный вид.
«Вас настоятель обвенчает, —
Тихонько Павлу говорит, —
Но денег нужно очень много:
На храм он просит тысяч пять».
«У нас лишь три. Мне негде взять, —
Расстроен Павел. — Ради бога

Прошу вас, помогите, братцы,
Я всё потом верну с лихвой». —
«Сейчас не время нам считаться», —
Дают и Бреверн, и Ланской.
Вот с лептой Толстого гусара
(Так Соломирского зовут)
Набрали вклад и в храм идут
Три шафера, молодая пара.

Мерцают свечи восковые.
Священник с длинной бородой
Поёт молитвы чередой.
Венцы сверкают золотые
Над головами обручённых.
Пропели петухи зарю.
Супругов новонаречённых
Ведут к резному алтарю,

Иконами благословляют:
Теперь они — одна семья.
Венчанье кончено. Друзья
С законным браком поздравляют,
В лучах рассвета ярко-алых
До мызы Тайцы молодых
Везут, счастливых и усталых:
Там сняты комнаты для них.

V

Настало утро. Солнце светит,
Поднявшись рано в небеса.
Балтийский тёплый летний ветер
Лениво дует в паруса.
Плывут фрегаты, барки, яхты,
Народ по улицам спешит.
На шпигеле в крепости горит
Крест золочёный, словно яхонт.

А в петербургском дачном доме
Графиня Строганова-мать,
Проснувшись, тянется в истоме,
Звонит служанке и узнать
Велит ей о здоровье Оли:
Не надо ль доктора позвать,
Изволила ли дочка встать
Иль хочет полежать подоле?

Графине подают приборы,
Она садится за трюмо.
Служанка сообщает вскоре,
Что Ольги нет, несёт письмо.
Его читая, с изумленьем
Мать о побеге узнаёт.
И гнев, и страх ей сердце жжёт:
«Как смела без благословенья

Принять такое предложенье
Негодница и под венец
Идти?! Безумное решенье!
Что с нею станет наконец?
Зачем она рискует честью?
Ужели так приворожил
Повеса Ольгу? Так вскружил
Наивную головку лестью?

Свет петербургский будет скоро
Судачить о побеге их.
Не избежать нам всем позора!..»
К обеду гнев её утих.
Волнуясь, вспомнила графиня
Венчанье пышное своё,
Как муж звал Сонечкой её,
Как мать, Усатая княгиня,

Их от души благословляла,
Как дали в церкви им вино...
Да, лет с тех пор прошло немало,
Супруга нет в живых давно.
Ей вдовство выпало на долю,
Седую стала голова.
«Была я, может, не права,
За Ферзена не выдав Олю?

К чему теперь на них сердиться?
Подумать, граф не так уж плох:
Руки-то Оленьки добиться
Он по-другому бы не смог.
Похоже, чувства их серьёзны,
Любовь взаимна и сильна, —
В смятенье думает она, —
Жаль, поняла я это поздно.

Рискует граф своей карьерой.
Пожалуй, лучше поспешу
Принять я поскорее меры:
В полк о согласье напишу
На этот брак». Графиня пишет
Письмо нетвёрдою рукой.
«К вам ротмистр Александр Ланской!» —
Доклад лакея чёткий слышит.

«Друг Павла Ферзена ближайший! —
Мелькнула мысль. — Проси скорей!»
«Графиня, кланяясь низжайше, —
Ланской с порога молвит ей, —
Простить побег вас умоляют
Граф Павел Ферзен, ваша дочь
И, что венчались в эту ночь,
С надеждою вам сообщают».

В ответ он слышит: «Всё прощаю.
Вас попрошу я в полк скакать
И командиру передать
Письмо. Я их благословляю.
Жду с нетерпеньем новобрачных.
Кого-нибудь пошлите к ним.
Даст Бог, всё сложится удачно,
И мы огласки избежим».

VI

Ланской исполнил порученье.
Домой вернулись дочь и зять,
На этот брак графиня-мать
Дала своё благословенье.
Но, к сожалению, огласки
Не удалось им избежать.
Всё кончилось не так, как в сказке:
Царь Николай велел послать

Виновников увоза Ольги
На службу в дальние полки,
Другим чтоб было не с руки
Такое нарушение долга.
И через месяц провожала
Графиня Ольгу, вся в слезах...
А год спустя уже встречала
Дочь с первым сыном на руках.

Был ротмистр Ферзен за отличие
В боях — он в деле ведал толк —
В родной Кавалергардский полк
Приказом возвращён. В столичный
Гусарский эскадрон вернулись
И Соломирский, и Ланской ...
Спокойно годы потянулись
Своей обычной чередой.

Скандал утихнул в высшем свете,
Смолк сплетников досужих шум.
А Пушкин, ездивший в Арзрум,
Когда побег случился, это
Событие взял на примету.
И, может быть, им вдохновлён,
«Метель» писал в деревне он...
Граф Павел Ферзен знал поэта.

В отставку выйдя по здоровью,
В высоких статских граф чинах
Служил потом при двух царях,
Свою жену дарил любовью.
Она ему дочурку Соню,
Второго сына родила...
Недолгим счастье было в доме:
Графиня Ольга умерла

В тот год, когда убит был Пушкин,
Не дожила до тридцати.
За гробом довелось идти
Скорбящей матери-старушке.
В короткий срок второе горе
Пришлось графине перенести:
Усатая княгиня вскоре
Скончалась (в девяносто шесть).

Был долго безутешен Павел,
Но вечных чувств на свете нет:
Женился он на склоне лет,
Растил детей, им свадьбу справил.
Во всех делах являя рвенье,
Он егермейстером служил,
В отставке жил в своём именье
И в Дрездене, где и почил.

Хоть много лет тому назад
События свершились эти,
И многое на первый взгляд
С тех пор переменилось в свете,
Живёт любовь в людских сердцах,
По-прежнему, неистребимо,
Запрет родителей на брак
Встречается неколебимый.
Не все умеют так прощать,
Как Ольгу мать её простила.
Я этот случай рассказать
В стихах читателям решила.
О нём я в дневнике Аннет
Олениной прочла. Воочью
Романтика ушедших лет,
Далёких, драматичных очень,
Передо мною ожила.
В библиотеках и в музее
Я много сведений нашла,
По Третьяковской галерее
Бродила долго среди картин,
Чтоб окунуться в мир заветный.
Меня привлёк портрет один,
Не очень, может быть, заметный:

Глубокий, чуть печальный взор
Изящной миловидной дамы
В далёкий уходил простор
С холста в резной овальной раме.
«Портрет О. Ферзен. Карл Брюллов», —
Гласила надпись на картине.
Привет из глубины веков
Моя прислала героиня.
Хоть много лет тому назад
Её история свершилась,
Ничто, на философский взгляд,
В сердцах людей не изменилось.

Третьяковская галерея. Зал Карла Брюллова.
Портрет О.П. Ферзен в верхнем ряду 2-й справа

**Потомки Олениных,
Полторацких
и Вульфов в XX веке**

Встречи с родственницей Анны Керн

Когда моя книга «Я вас любил...». Пушкин в доме Олениных» вышла в свет, мне захотелось встретиться с потомками моих героев. В 2000 году в музее-усадьбе «Приютино» мне дали адрес Натальи Сергеевны Левицкой, которая приходится прапраправнучатой племянницей Анне Керн и Анне Олениной.

Предварительно договорившись по телефону, спешу по указанному адресу. Это обыкновенная многоэтажка на окраине Москвы и ничем на первый взгляд не примечательная квартира. Дверь открывает приветливая невысокая женщина преклонных лет — Наталья Сергеевна. Знакомимся, я дарю ей свою книгу, передаю приветы от сотрудников «Приютина». Она с любопытством рассматривает мой подарок и рассказывает, что очень интересуется своими предками, их характерами, судьбами и внешностью, пишет семейную хронику рода Полторацких. Наталья Сергеевна является так же, как Анна Керн и Анна Оленина, потомком Марка Фёдоровича Полторацкого, родоначальника большой культурной семьи, получившего дворянство за ревностное служение руководителем придворной певческой капеллы при императрицах Елизавете Петровне и Екатерине II.

Наталья Сергеевна приносит свои труды, семейные фотоальбомы и начинает увлекательный рассказ о предках, упоминая о себе лишь по моим просьбам. Особенно подробно повествует она о жизни своей матери Елены Владимировны Полторацкой (1902–1994). Она была прапраправнучкой Павла Марковича Полторацкого, с сыном которого Алексеем Павловичем Пушкин встречался в Петербурге и Кишинёве. Прадедом Елены был другой сын Павла Марковича — Александр Павлович Полторацкий, который служил начальником Петрозаводского пушечного завода. Один из его сыновей, Владимир Александрович Полторацкий (1828–1886) был известным боевым генералом, губернатором Семипалатинской области. Некогда Полторацкие имели большое состояние, но потом обеднели. Дед Елены Владимировны, Андрей Александрович, работал воспитателем в Воронежском кадетском корпусе, получал скромное жалованье. Его сыновья Владимир и Виктор в детстве зимой гуляли по очереди: у них было одно пальтишко на двоих.

К началу XX века большинство родственников зарабатывали на жизнь наёмным трудом или военной службой. Виктор и Владимир Полторацкие приехали служить в Тифлис в Мингрельский полк, рано женились, но их жены не ладили между собой, поэтому семьями они не общались. Виктор Андреевич умер в 1911 году, не успев вырастить своих троих детей Виктора, Николая и Татьяну. Жена его Зинаида Петровна позднее вышла замуж за известного в городе врача Рубена Абгаровича Бекзадяна, который очень её любил и помогал ей воспитывать детей.

Владимир Андреевич Полторацкий (1873–1942) перешёл на службу в Тифлисское юнкерское училище. В Первую мировую войну он воевал на Турецком фронте, в конце 1916 года был произведён в чин полковника. Он был женат на Валентине Иосифовне Садлуцкой, внучке известного в Тифлисе театрального художника итальянского происхождения Карла Нерво.

В начале XX века Елена, как и подобает юной дворянке, училась в гимназии. Особенно увлекалась она литературой, искусством, переписывала в свои тетрадки стихи Тютчева, Фета, Соллогуба, а позднее Северянина, Агнивцева и Блока. В свои 17 лет она была весьма привлекательной, если судить по старинному фотопортрету: чуть удлинённое лицо, прямой нос, высокий лоб, изящные брови, красивые задумчивые глаза, хотя и не такие большие, как у Анны Керн. Не только внешнеостью походила Елена на свою знаменитую прародительницу. *«Обеим были свойственны повышенная эмоциональность, романтическая чувствительность со склонностью к страданиям, особенно в делах сердечных»*, — записала Н.С. Левицкая в своей хронике. Как и Анна Керн, Елена

Елена Владимировна
Полторацкая. Фото 1919 г.

Полторацкая отличалась естественным кокетством, была очень влюбчива и ради любви могла порой изменить на какое-то время долгу перед родными.

Однажды в живописном городском саду, расположенном на левом берегу Куры, на том месте, где был позднее построен Дом книги, гимназистка Елена познакомилась со своим двоюродным братом Виктором, но обстоятельства сложились так, что их дружба была недолгой. Виктор Викторович переехал в Баку.

После Октябрьской революции Владимир Андреевич Полторацкий вынужден был эмигрировать сначала во Францию, а потом в Югославию. Скончался он в Загребе в 1942 году. Елена Владимировна, её мать и младший брат Борис остались в Тифлисе. Девушка успешно окончила гимназию и позднее, получив профессию стенографистки, работала в различных советских учреждениях. Елена Владимировна рано вышла замуж по взаимной любви. Её супруг Сергей Николаевич Стрелецкий был на 4 года старше её. Он происходил из незнатной дворянской семьи: его предок был священником Стрелецкой церкви в Москве. Отец Сергея был полковником артиллерии, окончил Михайловское артиллерийское училище, затем в 1906 году — Николаевскую академию Генштаба по 1-му разряду, служил, преподавал в военных училищах. В 1917 году он был инспектором классов Тифлисского военного училища в чине полковника.

Несмотря на своё происхождение, Сергей Николаевич с юных лет увлёкся революционными идеями, пошёл служить в Красную Армию. Отметим, что и его отец при новой власти остался на службе. Он занимал руководящие должности на различных военных курсах (в основном в Баку), преподавал.

В 1921 году Сергей Стрелецкий вступил в Коммунистическую партию. Вскоре его назначили председателем военного кооператива. В том же 1921 году в семье родилась дочь Наталья. Через несколько месяцев после этого радостного события умерла бабушка Валентина Иосифовна Полторацкая, успевшая втайне от зятя окрестить внучку.

Во время служебных поездок по Грузии Сергей Николаевич Стрелецкий не раз был свидетелем жестокого подавления выступлений крестьян против новой власти. В 1923 году он подвергся необоснованному аресту орга-

нами ОГПУ, его грубо допрашивали, били, но через 3 дня освободили за полной невиновностью. Эти обстоятельства так потрясли Сергея Николаевича, что он вскоре вышел из партии. Его сняли с руководящей работы, но всё же оставили в Красной Армии. Демобилизовавшись, Сергей Николаевич работал преподавателем географии в средних школах Тбилиси, в Закавказской пехотной школе, был одним из основателей туристического бюро в Тифлисе и экскурсоводом по городу и окрестностям.

Брак Елены Владимировны и Сергея Николаевича, отца Натальи Сергеевны, оказался непродолжительным. В 1931 году он вместе с дочкой и своей новой семьёй переехал в родной для него Ленинград, где работал преподавателем в сельскохозяйственном институте. Однако вскоре Наташа вернулась к матери в Тбилиси. В подростковом возрасте она включилась в интенсивную культурную жизнь Елены Владимировны, которую окружали интересные люди. Возможность общаться с известными литераторами, учёными, политиками Елене Владимировне давала профессия стенографистки. Помимо записи речей на съездах Компартии Грузии, конференциях и заседаниях в различных советских учреждениях, где она работала, Елена Владимировна по приглашениям стенографировала научные доклады, выступления писателей, поэтов. Интересно, что тогда же в Тбилиси работала стенографисткой её троюродная сестра Нина Алексеевна Полторацкая. Молодые женщины были знакомы, но даже не подозревали о своём родстве: родственные связи в бывших дворянских семьях зачастую были оборваны: люди старались скрывать своё происхождение от властей.

В памяти Наташи навсегда остались впечатления о том, как интересно и увлекательно отмечали 100-летнюю годовщину со дня гибели А.С. Пушкина, который у неё, как и у матери, был любимым поэтом. Она поведала, как каждый класс готовил какую-нибудь инсценировку по пушкинским произведениям, насколько это было увлекательно, какой замечательный получился праздник. Её восторженный рассказ напомнил мне празднование 200-летия со дня рождения великого поэта.

В 1937 году над Еленой Владимировной нависла угроза ареста: репрессировали её начальника, председателя Госплана Грузии Николая Семёновича Илюшина. Тогда

вслед за руководителем обычно сажали и подчинённых. Мать отправила Наташу к отцу в Ленинград. Однако судьба помиловала Елену Владимировну, а Сергея Николаевича 15 декабря 1937 года арестовали по ложному обвинению. Он, словно предчувствуя это, говорил, что погибнет в 37 году, как его любимый поэт Пушкин. 22 января 1938 года С.Н. Стрелецкого расстреляли по приговору Особой комиссии НКВД и прокуратуры СССР, по так называемому «Списку польских шпионов».

Родственников арестованных тогда немедленно высылали из крупных городов. По совету второй жены отца Ирины Гавриловны, урождённой Макаровой, которая уже дала подписку о невыезде, Наташа покинула Ленинград, чтобы избежать участи ссыльной. Пришлось ей бросить учёбу в техникуме и вместе с 9-летним единокровным братом Юрой уехать в Тбилиси. Восстановиться в родной школе в середине учебного года Наташе помогли любимые учителя. Ирина Гавриловна была выслана в Вышний Волочёк, куда через год к ней приехал сын Юра. Однако его мать вскоре посадили, а мальчика отправили в детский дом, откуда его забрал в Ленинград дед по материнской линии.

Наталья Сергеевна Стрелецкая.
Фото 1944 г.

В 1940 году Наталья поступила на филологический факультет Тбилисского университета. Неожиданно ввели плату за учёбу в вузах — 400 рублей в год. Это были по тем временам немалые деньги. Девушка подрабатывала репетиторством, чтобы оплатить своё обучение. Во время Великой Отечественной войны она училась и работала экономистом-статистиком на химкомбинате, затем заведующей архивом Госплана Грузии. В конце войны Наталья взяла на воспитание эвакуированного из Ленинграда брата Юрия, оставшегося фактически

сиротой после ареста матери, помогла ему поступить в Тбилисский авиационный техникум, который он окончил с отличием.

Было очень тяжело, но Наташа и Елена Владимировна даже в военное время находили время посещать литературные вечера, где с наслаждением слушали блистательные лекции литературоведа Ираклия Андроникова, новые стихи знаменитого поэта Бориса Пастернака в исполнении автора, выступления многих других литераторов и артистов.

В 1945 году Наталья серьёзно заболела и не смогла окончить университет. Правильный диагноз поставили только в 1948 году: болезнь протекала в скрытой форме. После экстренной операции девушка быстро пошла на поправку. Ей удалось восстановиться в университете той же осенью. Завершив высшее образование, она работала сначала в библиотеке Грузинской республиканской конторы Госбанка, потом в Тбилисском филиале музея В.И. Ленина и одновременно с увлечением водила экскурсии по родному городу и Гори, где родился И.В. Сталин. В 1953 году Наталья Сергеевна вышла замуж за Льва Григорьевича Левицкого, преподавателя Ленинградского кораблестроительного института. С будущим мужем она познакомилась в Ленинграде у подруги. Левицкий тоже происходил из дворянской семьи, но совершенно не знатной и небогатой: его дед служил телеграфистом и за какой-то геройский поступок получил дворянство без всякого материального вознаграждения. Вероятно, Льва Григорьевича спасло от сталинских репрессий то, что отец его был рабочим.

В 1954 году Наталья Сергеевна переехала к мужу в Ленинград. Она с улыбкой вспоминает, как не хотели её отпускать с работы, требуя справку, что должность мужа выше, чем у неё: иначе пусть лучше он переедет в Тбилиси. В Ленинграде тогда была скрытая безработица. Устроиться на работу молодой женщине сразу не удалось. Потом родился сын Вася. Ребёнок много болел, и Наталья Сергеевна вышла на работу только спустя 7 лет.

Своей профессии библиотекаря она не изменила. Став со временем заведующей детской библиотекой Василеостровского района, к работе она относилась творчески. Её коллектив установил тесные контакты с учителями. В помещении библиотеки проводились уроки внеклассного чтения, устраивались встречи с детскими писателя-

ми и другими интересными людьми. Была разработана оригинальная игровая методика ознакомления ребят с устройством библиотек и способами подбора нужной библиографии. Ежегодно в большом кинотеатре устраивались праздники детской книги, куда приглашались все дети, участвовавшие в литературных играх и конкурсах. Авторы вручали им призы — книги с автографами. Ребята очень любили этот праздник и с нетерпением ждали его. Постепенно руководимая Натальей Сергеевной библиотека стала методическим центром по обмену опытом работы для библиотек Ленинграда и всей страны.

Наталья Сергеевна Левицкая.
Фото 1970-х гг.

Елена Владимировна Полторацкая не раз бывала у дочери в Ленинграде. Выйдя на пенсию с должности помощника министра пищевой промышленности Грузии, Елена Владимировна стала очень интересоваться историей своего рода и установила, что происходит из тех самых Полторацких, которые входили в окружение А.С. Пушкина. Она с присущим ей энтузиазмом начала собирать о них материалы, установила связи со многими музеями А.С. Пушкина, с учёными, литературоведами и писателями. Подбирать информацию ей очень помогала дочь-библиотекарь.

Однажды Елена Владимировна сделала литературоведческую находку. Она отыскала в одном из кавказских журналов прошлого века публикацию подробного дневника генерал-майора Владимира Алексеевича Полторацкого (1828–1889), участника Кавказских войн, сына Алексея Марковича и Варвары Дмитриевны Полторацких, у которых бывал А.С. Пушкин, как это следует из дневниковых записей А.А. Олениной. Пространные

Елена Владимировна Полторацкая с внуком Васей.
Фото 1958 г.

выдержки из дневника В.А. Полторацкого, озаглавленного автором «Воспоминания», были напечатаны также в журнале «Исторический вестник» за 1893 год. Оказалось, что Л.Н. Толстой в работе над повестью «Хаджи-Мурат» в 1896–1904 годах использовал этот материал и, вероятно, поэтому оставил подлинную фамилию героя. Елена Владимировна подготовила статью в духе Ираклия Андроникова с описанием своих поисков, которую редакторы, друзья дочери, строго раскритиковали. Работа так и не была опубликована и, к сожалению, затерялась. Однако факт использования Л.Н. Толстым материалов В.А. Полторацкого известен. Кроме того, великий писатель и сам упоминается в опубликованной части дневника, поскольку являлся непосредственным участником описанных событий и, конечно, лично знал мемуариста.

Как и Анна Керн, Елена Владимировна Полторацкая вела дневники, большая часть которых сохранилась. Это помогло ей впоследствии написать интересные воспоминания о репрессиях 1937 года в Грузии, о некоторых эпизодах своей нелёгкой жизни в 1940-х годах. Имея особое мнение по многим вопросам истории и политики, Елена Владимировна

безоговорочно верила в прогрессивность коммунистического строя, как и многие её сверстники независимо от происхождения и образования.

Натура этой женщины с возрастом не изменилась, да и внешне она до старости была привлекательной, как её знаменитые родственницы Анна Керн и Анна Оленина. В свой последний брак с Михаилом Ивановичем Симаковым она вступила уже в пенсионном возрасте и переехала в Москву. В старости Елена Владимировна вновь обратилась к религии, что ещё больше придаёт ей сходство с Анной Керн, которая, как известно, была глубоко верующей.

В конце 1980-х годов приехала в Москву ухаживать за старенькой мамой Наталья Сергеевна Левицкая, которая вышла на пенсию с должности заместителя директора библиотечной системы Василеостровского района. К тому времени она уже овдовела: Лев Григорьевич скончался в 1973 году. Сын её Василий Львович, по профессии ювелир, остался с семьёй в городе на Неве. Внук Алексей окончил институт по специальности «маркетинг». В Петербурге живёт и брат Натальи Сергеевны — Юрий Сергеевич Стрелецкий, который много лет работал в Пулковской обсерватории глав-

Е.В. Полторацкая с мужем М.И. Симаковым.
Конец 1950-х гг.

ным, затем ведущим конструктором по оптическим приборам, занимался разработкой телескопов. Наталья Сергеевна переписывалась со своим очень стареньким дядей Борисом Владимировичем Полторацким (1908–2004), проживавшим в Тбилиси. Б.В. Полторацкий в годы Великой Отечественной войны работал инженером на оборонном заводе, затем по предложению спорткомитета города сменил профессию и много лет был тренером по лёгкой атлетике, преподавал в вузах, удостоился звания «Заслуженный педагог физической культуры и спорта». Лишь в 80 лет он ушёл на пенсию. Сын его Игорь Борисович (1930–1995) был специалистом по автоделу, чемпионом СССР по автогонкам.

В Тбилиси проживала двоюродная сестра Елены Владимировны и Бориса Владимировича Полторацких Татьяна Викторовна, заслуженный преподаватель музыки Грузии. Её брат Виктор Викторович в 1941 году погиб на фронте. Со своим вторым братом Николаем она была очень дружна и виделась почти каждый день, а позднее они регулярно переписывались. Он служил в различных советских учреждениях Тбилиси. Замужество Татьяны Викторовны оказалось неудачным и недолгим, и она жила вместе с овдовевшим отчимом Рубеном Абгаровичем Бекзадяном, который помогал ей воспитывать единственного сына Виктора. У мальчика рано обнаружилась редкая музыкальная одарённость, о нём писали городские газеты. По предложению известного композитора и педагога Д.Б. Кабалевского Татьяна Викторовна и Рубен Абгарович переехали в Москву, чтобы Виктор продолжил обучение в Центральной музыкальной школе. Елена Владимировна поддержала свою двоюродную сестру в этот трудный период её жизни.

Виктор Алексеевич Полторацкий (1946–1985) блестяще окончил школу, а затем Московскую консерваторию. Он был талантливым композитором, работал солистом-пианистом в филармонии и в камерном оркестре «Виртуозы Москвы», одним из основателей которого являлся. Обладая собственным стилем исполнения, он много и успешно концертировал с братьями Григорием и Валентином Фейгиными, а позднее с Владимиром Спиваковым и оркестром «Виртуозы Москвы». Полторацкий сочинил немало музыкальных произведений, которые исполнялись на концертах. Для «Виртуозов Москвы» он делал великолепные аранжировки и сам играл на старинном музыкальном инструменте

с нежным «колокольчиковым» звучанием — челесте, внешне напоминающем пианино. Виктор Полторацкий ушёл из жизни в самом расцвете своего таланта: в 1985 году в Будапеште во время гастролей своего оркестра он скоропостижно скончался от инфаркта миокарда. Наталья Сергеевна с болью в сердце рассказывает, как оплакивали его жена, три дочери Анна, Ольга и Татьяна, Елена Владимировна и она сама. Татьяны Викторовны тогда уже не было в живых.

Талант Виктора Алексеевича унаследовали его дочери Татьяна и Ольга, которые стали музыкантами. Ольга одно время пела в церковном хоре, также как более двух веков назад её далёкий предок Марк Фёдорович Полторацкий. В настоящее время Ольга – лауреат международных конкурсов, молодёжной премии «Триумф», солистка Оперного театра при Московской консерватории, приглашенная солистка Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Несмотря на преклонный возраст, Наталья Сергеевна Левицкая продолжает по мере сил работать над хроникой рода Полторацких, поддерживает тесные связи с музеем-усадьбой «Приютино».

Виктор Алексеевич
Полторацкий. Фото 1970-х гг.

Ольга Викторовна
Полторацкая

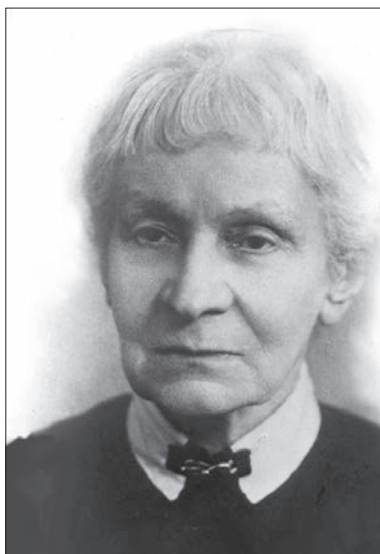

Академик Юлий Михайлович
Шокальский

жестве Андрю. В конце 1830-х годов Екатериной серьёзно увлёкся известный композитор Михаил Глинка и посвятил ей два чудесных романса на стихи Пушкина: «Где наша роза?» и «Я помню чудное мгновение...». Екатерина ответила композитору взаимностью и согласием на предложение руки и сердца, но брак в конце концов расстроился из-за многолетней болезни невесты и длительного развода Глинки. Только в 1852 году Екатерина Ермолаевна вышла замуж за Михаила Осиповича Шокальского. Семья Шокальских поддерживала самые тесные отношения с потомками Пушкина, не раз подолгу гостили они в Михайловском у сына поэта Григория Александровича Пушкина, который после ранней смерти М.О. Шокальского

В её труде нашли место описания судеб Елены Владимировны Полторацкой, Анны Петровны Керн, а также ещё двух женщин из рода Полторацких: Екатерины Ермолаевны Керн и Надежды Григорьевны Львовой, урождённой Полторацкой.

Екатерина Ермолаевна Керн (1818–1904), дочь Анны Петровны, совсем не походила по натуре на свою мать. Тихая, задумчивая, набожная, воспитанная в строгих правилах Смольного института благородных девиц, она была человеком долга, как и её тётя Анна Оленина, в заму-

Зинаида Юльевна
Шокальская

помогал Екатерине Ермолаевне растить сына. Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940) стал известным учёным-географом, океанографом, был председателем Русского географического общества, почётным академиком АН СССР, Героем Труда СССР, руководил Геодезическим комитетом Госплана СССР, преподавал в Военно-инженерной академии и Ленинградском университете. Его сын Александр Юльевич (1889–1917), был морским офицером, затем воевал в первую мировую войну в составе экипажа бомбардировщика «Илья Муромец». Дочь Зинаида Юльевна Шокальская (1882–1961), физико-географ и почвовед, доктор географических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, много лет была директором музея почвоведения АН СССР.

Характер Надежды Григорьевны Львовой (1891–1913), как отмечает Наталья Сергеевна, во многом был схож с характером Анны Керн. Надежда была дочерью подольского почтового служащего. Степень её кровного родства с основателем М.Ф. Полторацким установить не удалось. Будучи гимназисткой, участвовала в подпольной большевистской организации учащихся и даже была арестована, но вскоре отпущена. Окончив с золотой медалью Елизаветинскую

Надежда Григорьевна Львова,
урождённая Полторацкая.
Фото начала 1910-х гг.

гимназию в Москве, девушка неудачно вышла замуж и вскоре рассталась со своим супругом. Надежда отошла от подпольной деятельности, училась на Высших женских историко-филологических курсах В.А. Полторацкой. Девушка была талантливой поэтессой, удачно дебютировала в печати в 1910-е годы. Её заметил известный поэт В.Я. Брюсов. Она влюбилась в своего учителя, и какое-то время он отвечал ей взаимностью, посвящал стихи, а потом охладел. В порыве отчаяния молодая женщина, которой было всего 22 года, покончила жизнь самоубийством. Слово предвидя такой трагический финал, она писала в одном из сонетов:

*И дружбы зов, солгавший мне неволью,
И зов любви, несмелой и невластной, —
Всё ранит сердце слишком, слишком больно...*

*И кажется мне жизнь такой напрасной,
Что в этот вечер, радостный и ясный,
Мне хочется ей закричать: «Довольно!»*

Жаль, что теперь имя Надежды Львовой малоизвестно: стихи она писала хорошие, очень эмоциональные, искренние, образные. В них отразились её чаяния и горестные размышления о любви и измене, о смысле бытия и смерти. Лишь некоторые её произведения можно прочесть в сборниках поэзии серебряного века. Мне особенно запомнились строки из сонета, опубликованного в первой и единственной книге Надежды Львовой «Старая сказка», вышедшей в 1913 году:

*Любовь! Любовь! Над бредом жизни чёрным
Ты носишься кумиром необорным,
Ты всем поёшь священный гимн восторга.
Но свист бича? Но дикий грохот торга?
Но искажённые, разнузданные лица?
О, кто же ты: святая иль блудница?*

Наша первая беседа с Натальей Сергеевной Левицкой подходила к концу. О последних событиях она рассказывала мне уже за обедом. У меня сложилось впечатление, что эта приветливая и не по возрасту энергичная женщина, так симпатизирующая Анне Петровне Керн, по характеру походит скорее не на неё, а на Екатерину Ермолаевну Керн и на Анну Алексеевну Оленину, что и подтвердилось впоследствии, когда наше дружеское общение продолжилось не один год.

Наталья Сергеевна до начала 2010-х годов была бодром духом. Мы с нею довольно часто перезванивались, я у неё иногда гостила. Она была в курсе всех моих литературных новинок и даже в 2001 году приезжала на мой авторский пушкинский вечер в центре «Преодоление» на Тверской. В конце 2000-х годов к ней переехал из Петербурга её сын Василий Львович. Она очень радовалась появлению на свет правнука, для которого я передала книгу своих детских стихов. Скончалась Наталья Сергеевна Левицкая в сентябре 2011 года в возрасте 90 лет.

В гостях у потомков Олениных

Потомки известных деятелей прошлого обычно вызывают у нас интерес, обусловленный отнюдь не простым любопытством. Слушая семейные предания, рассматривая старинные фотографии и портреты, лучше начинаешь чувствовать связь времён, понимать людей ушедших эпох, которые как бы приближаются к нам. Вот почему я обрадовалась, когда в 2000 году мне удалось связаться с Ниной Евгеньевной Олениной — родственницей героев моей книги «Я вас любил...». Пушкин в доме Олениных».

Созвонившись и договорившись о встрече, отправляюсь на окраину Москвы, в Тёплый Стан, отыскиваю нужный дом, квартиру. Дверь открывает невысокая приветливая старушка. Представляюсь, вручаю подарки — свою книгу и научное издание «Оленина А.А. Дневник. Воспоминания», которое передали из музея-усадьбы «Приютино». Подарки приняты Ниной Евгеньевной и её сыном Михаилом Вадимовичем Шапошниковым с благодарностью и неподдельным интересом.

Гостеприимная хозяйка ведёт меня в свою комнату. Здесь наряду с типовой современной мебелью можно увидеть и вещи прошлого века. На стенах развешаны иконы, старинные фотографии и небольшие картины, в которых чувствуется рука профессионального художника. Это и российские пейзажи, и виды зарубежных городов, написанные в своеобразной манере, в которой заметно влияние импрессионистов и одновременно русского художника Константина Коровина. Михаил Вадимович поясняет, что эти работы принадлежат кисти Варвары Алексеевны Олениной (1868–1915), прав-

Варвара Алексеевна Оленина.
Художник А.П. Оленин.
1890-е гг.

нучки Алексея Николаевича Оленина и внучатой племянницы Анны Алексеевны Олениной. Варвара училась живописи в Париже.

Хозяева достают семейные альбомы и по моей просьбе начинают рассказывать о себе и своих предках. В девичестве Нина Евгеньевна, родившаяся в 1921 году, носила фамилию Бакунина. Её мама Гали Михайловна являлась родственницей той самой Екатерины Бакуниной, в которую был влюблён Пушкин в лицейские годы. Дедушка Гали Михайловны

Николай Александрович Бакунин был её родным племянником. Бабушка Нины Варвара Николаевна, до замужества Арсеньева, находилась в родстве с Лермонтовыми.

Детство Нины Евгеньевны пришлось на трудные 1920-е годы. Семья жила в большой коммунальной квартире на

Александр Алексеевич Оленин.
Фото первой трети XX в.

Нина Евгеньевна Бакунина.
Фото 1938 г.

Поварской улице вместе с родственниками отчима и другими соседями. Отчим, Фёдор Владимирович Ильинский, заменивший маленькой Ниночке отца, когда-то был скрипачом, но сложный перелом руки не позволил ему сделать музыкальную карьеру. Он стал зарабатывать литературным трудом: состоял в Союзе писателей, сочинял в основном пьесы для постановок в рабочих и колхозных клубах, часто комического содержания: «Ивашкина воля», «Пугало

Мария Алексеевна
Оленина-Д'Альгейм.
Фото 1890-х гг.

огородное», «Петрушка на огороде», «Разборчивая невеста», «Когда потухают звёзды» и другие. Отчим был обаятельным человеком — весельчаком, острословом; его дом посещали композиторы, музыканты, литераторы. Приходила молодёжь, которую он обучал литературным премудростям. Несмотря на то что порой нечего было есть, хозяева устраивали домашние вечера, концерты. Гали Михайловна и особенно Варвара Николаевна хорошо пели. Среди гостей завсегдатаями были Александр Алексеевич Оленин (1865–1944), талантливый компози-

тор, двоюродный брат Варвары Николаевны, и его сын Александр Александрович. Александр Алексеевич Оленин являлся учеником Балакирева, собирателем народной музыки, автором оперы «Кудеяр» и других произведений. Некоторое время он сочинял песни для известной певицы Лидии Руслановой. Александр Алексеевич был внуком Петра Алексеевича Оленина, сына А.Н. Оленина, и внучатым племянником Анны Олениной. Его сестра Варвара Алексеевна, чьи картины украшают квартиру Нины Евгеньевны, умерла в 1915 году. Другая сестра, Мария Алексеевна Оленина-Д'Альгейм (1869–1970), обладавшая красивым меццо-сопрано, была знаменитой камерной певицей. В 1908 году она с мужем Пьером Д'Альгеймом (1862–1922), французским писателем и переводчиком, открыла в Москве Дом песни, существовавший до 1918 года, когда супруги уехали в Париж.

Семья Бакуниных-Ильинских жила трудно, но насыщенно, интересно. Особенных гонений на них как на бывших дворян тогда не было: спасали литературные труды Фёдора Владимировича, пользовавшиеся признанием у властей. Нина Евгеньевна с улыбкой вспоминает, как од-

Аня и Миша Шапошниковы.
Фото 1949 г.

нажды в частный детский садик, куда её водили, явились люди в кожанках и стали расспрашивать детей, за кого они. Малыши в основном отвечали: «За Ленина», «За Сталина». Маленькая Ниночка сказала: «А я — за царя!» Это едва не привело к печальным последствиям. Однажды ночью в квартиру на Поварской

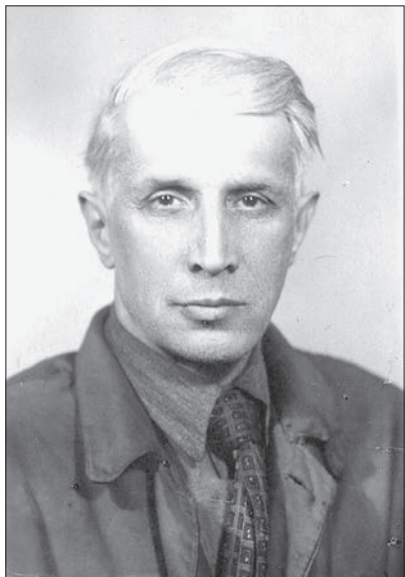
нагрянули с обыском: хотели арестовать бабушку Варвару Николаевну Бакунину якобы за религиозную пропаганду. Всё население квартиры было взбудоражено, никто не спал. Нашли и иконы, и православные книги, но все же ареста удалось избежать благодаря ручательству Фёдора Владимировича Ильинского. Надо сказать, что не только Варвара Николаевна, но и другие члены семьи хранили веру в Бога, которая помогла им выжить в трудные годы.

Творчеством А.С. Пушкина Нина Бакунина увлекалась с детства, знала наизусть много его стихов, потому что в доме бережно хранились его книги. Она вспоминает, что в школе произведения великого поэта до 1936–1937 годов проходили мало, больше задавали учить стихотворения на революционную тематику.

В 1938 году семнадцатилетняя Нина вышла замуж по взаимной любви за Вадима Борисовича Шапошникова, который происходил из древнего купеческого рода, известного ещё с XVI века. Однако для Нины тогда это не имело никакого значения. Молодые жили дружно и счастливо. В 1939 году у них родилась дочь Аня, а спустя два года — сын Миша.

Великая Отечественная война разлучила супругов. Вадим Борисович ушёл на фронт, а двадцатилетняя Нина с двухлетней Аней и четырёхмесячным Мишей эвакуировалась в Североуральск. Позже к ней присоединились мать, бабушка, отчим и младший брат Владимир Ильинский. Кем только не пришлось работать Нине Евгеньевне! Была она заведующей домом для приезжих, работала на шахте, потом в бокситном цехе на горно-обогатительном комбина-

те. Когда здоровье её ослабло, она трудилась контролёром, затем бухгалтером. Жили тяжело, голодали. Маленького Мишу едва удалось спасти от голодной смерти. Несмотря на большие лишения, Нина Евгеньевна не унывала. На Урале к ней относились хорошо, в трудные минуты она молилась Богу, и это придавало ей силы. Она вспоминает, как иногда ненадолго выходила на балкон, смотрела на хмурое небо и читала про себя стихи Пушкина «Мчатся тучи, вьются тучи...», и на душе становилось легче.

Александр Александрович
Оленин. Фото середины XX в.

В 1944 году семья уже без бабушки Варвары Николаевны Бакуниной, скончавшейся в 1943 году в возрасте 65 лет, вернулась в Москву. Жить в городе было тяжело. Второй раз угроза голодной смерти нависла над маленьким Мишей. Отвести её удалось благодаря заботливому уходу и хорошему писательскому пайку Фёдора Владимировича Ильинского. Через несколько месяцев, в 1944 году, 54-летний отчим умер от приступа стенокардии. Подросший брат Владимир тогда был на фронте. Нина Евгеньевна жила с детьми и мамой, которая подрабатывала машинописью: под

диктовку дочери она печатала произведения литераторов, знакомых покойного мужа.

К сожалению, Вадим Борисович Шапошников и Нина Евгеньевна вскоре после войны расстались, но отношения между ними остались нормальными.

В 1948 году Нина Евгеньевна вышла замуж за своего троюродного дядю Александра Александровича Оленина: его бабушка Варвара Александровна была дочерью лицейского друга А.С. Пушкина А.П. Бакунина, прадеда Нины Евгеньевны. «Я стала сама себе тётёй», — улыбаясь, говорила она. Интересно, что родители великого поэта находились

в точно таком же дальнем родстве: мать Надежда Осиповна, урождённая Ганнибал, приходилась троюродной племянницей своему мужу Сергею Львовичу Пушкину. Поэтому иногда великий поэт называл себя Пушкиным «в квадрате».

Ещё в довоенное время Александр Александрович Оленин был частым гостем семьи Бакуниных-Ильинских, пытался ухаживать за юной Ниночкой, но она тогда не воспринимала это всерьёз, ведь он был на 25 лет старше неё (родился в 1896 году). Во время войны Александр Александрович пережил несправедливый арест, заключение, смерть отца. В тюрьме он заболел туберкулёзом и после освобождения долго лечился, поэтому не попал на фронт. Александр Александрович был способным художником-любителем, увлекался резьбой по дереву. Он очень горевал, когда у него в поезде украли чемодан с рисунками. Главное дело жизни Александра Александровича тесно связано с миром музыки. Обладая абсолютным слухом, он был настройщиком высшей квалификации и, работая в Союзе композиторов, настраивал инструменты многим знаменитостям, среди которых композитор И.О. Дунаевский, пианист С.П. Рихтер. Этого заработка хватало на скромное содержание семьи, и Нина Евгеньевна имела возможность заняться домашним хозяйством, воспитанием детей. Александр Александрович помогал жене растить Мишу и Аню. Михаил Вадимович вспоминает о нём с любовью и благодарностью. Нина Евгеньевна показывает фотографии мужа, который очень похож на своего прапрадеда — Алексея Николаевича Оленина. Тот же «римский» нос с горбинкой, удлинённое лицо, светлые добрые глаза... Знакомые черты угадываются и в портрете его отца, композитора Александра Алексеевича Оленина. Семейное сходство, передавшееся через столетие, всегда поражает, хотя, вообще говоря, это явление довольно обыкновенное.

Любопытно, что подобно своему прапрадеду, Александр Александрович любил иногда в меру выпить и при этом вёл себя по отношению к окружающим добродушно, имел обыкновение говорить: «Пьяный проспится, дурак — никогда». Мне эта крылатая фраза давно знакома по рассказам моей мамы: её повторял мой дед-крестьянин, когда бывал пьян.

Семья Олениных жила в коммунальной квартире на Арбате. Одна из соседок работала машинисткой в КГБ, поэтому её побаивались. В конце 1940-х — начале 1950-х годов преследование бывших дворян вновь усилилось.

К тому же брат мужа Алексей Александрович Оленин (1890–1942) в годы Гражданской войны служил капитаном в Добровольческой армии, а потом жил в эмиграции в Праге, но эти факты в те годы, разумеется, родные тщательно скрывали, а о его гибели в фашистском концлагере ещё ничего не знали.

Однако всё равно Александру Александровичу Ленину было приказано покинуть Москву. Но куда уедешь, если вся работа настройщика связана со столицей? Лето Ленины проводили в Салтыковке, а в остальное время глава семьи инкогнито жил в собственной комнате. Рано утром он вставал, одевался, брал в руки ботинки, тихонько выходил за дверь, обувался и громко звонил, чтобы услышала соседка. Так Александр Александрович инсценировал свой приезд из Подмосковья. В те годы он с опаской получал письма из Парижа от престарелой Марии Алексеевны Лениной-Д'Альгейм, которая стремилась на Родину. Однако всё обошлось благополучно, ведь Мария Алексеевна в войну участвовала в движении Сопротивления, состояла в Коммунистической партии Франции. При содействии министра культуры Е.А. Фурцевой девяностолетняя Ленинина-Д'Альгейм в 1959 году вернулась в Москву, где провела последние годы жизни и скончалась в возрасте 100 лет.

Несмотря на нелёгкие условия, в доме Лениных постоянно звучала музыка. Михаил Вадимович рассказывает, как однажды в день юбилея покойного Александра Алексеевича к ним приехал струнный квартет имени Комитаса, армянского композитора-фольклориста, и начал исполнять музыку А.А. Оленина. Всё население квартиры высыпало из своих комнат послушать.

В семье хранилось множество памятных вещей рода Лениных: книг, альбомов, портретов, картин, икон, фотографий, мебели, предметов быта. Большинство из них теперь находится в фондах музеев. В Приютино попали печатка с гербом Лениных, портреты Петра Алексеевича и Алексея Петровича Лениных, Марии Алексеевны Лениной-Д'Альгейм, изделия из бронзы, рисунки. В Государственном музее А.С. Пушкина в Москве можно увидеть деревянный бюст А.Н. Оленина и другие реликвии. Поступили мемориальные вещи и произведения искусства также в музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки (ныне Российский национальный музей музыки), музей

Александр Александрович Оленин за работой. Фото середины XX в.

В.А. Тропинина, в архивы. Уникальная коллекция фольклорной вышивки, собранная композитором А.А. Олениным, была продана во Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства.

В 1964 году, когда дети уже выросли и обрели полную самостоятельность, Нина Евгеньевна начала работать костюмером в Центральном детском театре (ныне Российский академический молодёжный театр). В юности она мечтала стать актрисой, но сочла, что у неё неподходящая внешность. Театр стал её вторым домом: она заведовала обширным театральным гардеробом, готовила костюмы, помогала актёрам одеваться перед выходом на сцену — словом, была незаменимой работницей. Поэтому Нину Евгеньевну часто приглашали в гастрольные поездки. Поскольку театральная дирекция старалась брать на гастроли, особенно зарубежные, поменьше сотрудников и актёров, а без костюмерши в любом случае обойтись было никак нельзя, Нине Евгеньевне стали поручать маленькие роли в пьесах. Она рассказывает, как старательно их репетировала. В пьесе Н.В. Гоголя «Женитьба» её реплика состояла из двух слов. На вопрос: «Дома ли барин?» она отвечала: «Дома, дома!» Даже эту простую сценку прогоняли неоднократно. Однажды Нине Евгеньевне досталась более значительная роль медсестры

в пьесе Сергея Михалкова «Потерянный дом». Так почти сбылась мечта её юности.

В 1965 году умерла Гали Михайловна Бакунина в возрасте 67 лет, а в 1967 году не стало Александра Александровича Оленина. Отработав в Центральном детском театре 17 лет, Нина Евгеньевна вышла на пенсию и ещё 3 года трудилась билетёршей во МХАТе. Это давало ей возможность посмотреть многие спектакли, на которые тогда трудно было достать билеты. Потом здоровье её ухудшилось, и в 63 года она стала пенсионеркой уже в полном смысле слова, занималась хозяй-

Нина Евгеньевна Оленина.
Фото 1977 г.

ством, помогала воспитывать внуков. Старшая дочь Анна Вадимовна Шапошникова много лет трудилась ретушёром на ВДНХ. Сын Михаил Вадимович Шапошников после окончания Литературного института посвятил себя документальному кино. Много лет он работал на Центральной студии документальных фильмов, доводилось ему быть и сценаристом, и режиссёром, и редактором. Когда эту студию закрыли, он перешёл на работу в зарубежную редакцию Первого канала, сотрудничал в журнале «Автомагзин».

Наша интересная беседа в гостеприимном доме Олениных завершилась чаепитием. По дороге домой я размышляла о том, как несколько поколений рода Олениных сохраняли культурные традиции, любовь к искусству, к прошлому, к своей родине, как в течение веков передавалось не только фамильное сходство, но и особая атмосфера духовности и гостеприимства.

Впоследствии я ещё раз приезжала к Нине Евгеньевне вернуть фотографии, которые получила для сканирования, потом мы общались с ней по телефону. В сентябре 2002 года пришло печальное известие, что она скончалась. Светлая ей память.

Потомок славного рода Вульфов

В 2000 году ранним летним утром я приехала в Берново, тверское родовое имение Вульфов, где несколько раз бывал А.С. Пушкин у своих друзей. Ныне в усадьбе музей великого поэта. До открытия экспозиций оставалось три часа. За это время я успела с большим наслаждением прогуляться по тенистому парку, пройти по селу, полюбоваться Успенской церковью, отражающейся в водах речки Тьмы, и отстоять воскресную литургию.

Когда открылся музей, сотрудники повели меня на экскурсию по залам. В кабинете хозяина Ивана Ивановича Вульфа (1776–1860) я обратила внимание на старинные мемориальные

Берново. Усадебный дом.
Фото 2007 г.

Берново. Кабинет. Фото 2007 г.

вещи — стол-конторку, диван и изящный ломберный столик. Оказалось, что их подарил музею Дмитрий Алексеевич Вульф — праправнук И.И. Вульфа, москвич. Я попросила дать мне его адрес, но тогда в суете все как-то забыли об этом. Прошло почти 2 года, прежде чем я получила письмо из Бернова, где был указан телефон Дмитрия Алексеевича.

Наконец-то отыскиваю нужный дом во Вспольном

Наталья Сергеевна Вульф,
урождённая Головнина.
Фото 1910-х гг.

переулке, звоню в квартиру. Дверь открывает милостивая пожилая женщина — супруга хозяина Антонина Семёновна. Оказывается, произошла небольшая путаница: меня ждали днём раньше и волновались, что я не пришла. Пока Дмитрий Алексеевич заканчивает обед, разглядываю портреты и репродукции, украшающие стены гостиной.

Моё внимание привлекает изображение обаятельной дамы с добрыми грустноватыми глазами. «Эта мать моего мужа Наталья Сергеевна, урождённая Головнина, — поясняет хозяйка. — Эта часть стены у нас посвящена Головнинным.

Вот подозрительная труба вице-адмирала Василия Михайловича Головнина. Он ею пользовался в кругосветных путешествиях. Его труды и воспоминания мы храним в книжном шкафу». Напрягаясь, вспоминаю, что В.М. Головнин (1776–1831) руководил двумя кругосветными путешествиями, сделал немало географических открытий и его имя носят пролив и вулкан на Курилах, где знаменитый мореплаватель провёл два года в плену у японцев. Антонина Семёновна рассказывает мне, что Василия Михайловича вызволил японский купец-мореход Такадай Кахей, праправнук которого Такадай Кашити разыскал её супруга, приезжал к нему в гости и пригласил к себе. В 1999 году Дмитрий Алексеевич побывал в Японии, присутствовал на открытии памятника своему прапрадеду и Такадаю Кахею у подножия горы Хакодате в одноимённом городе на юге острова Хоккайдо. Страна восходящего солнца Вульф очень понравилась, а японцы прониклись к нему большой симпатией.

На других стенах — репродукции с портретов предков Дмитрия Алексеевича из дворянских родов Вульфов, Ржевских, Свистуновых и Вревских. По линии Ржевских

Иван Иванович Вульф

он приходится дальним родственником А.С. Пушкину (шестиюродным братом): прапрапрадед Алексей Андреевич Ржевский, вице-президент Академии наук России, известный в своё время поэт и драматург, был двоюродным дядей прабабушки поэта Сарры Юрьевны Ржевской. Женат он был на «фрейлине трёх императриц» Глафире Ивановне Алымовой, одной из первых русских арфисток. Фотография с её знаменитого портрета кисти Левицкого висит на стене у окна. Глафира Ивановна оставила очень интересные воспоминания. К сожалению, они не изданы.

Её внучка Леонида Константиновна стала женой Николая Петровича Вульфа, деда Д.А. Вульфа.

Большую часть старинных вещей Дмитрий Алексеевич подарил музеям. Медный посеребрённый поднос с родовым гербом Вульфов и фужеры тонкого венецианского стекла конца XVIII века с гербом Ржевских теперь в фондах Государственного музея А.С. Пушкина на Пречистенке. Собрание сочинений Байрона в 13 томах с рукописными пометками на страницах, изданное в первой трети XIX века, и географический атлас за 1837 год с искусными акварельными иллюстрациями переданы в Тверской краеведческий музей. В Берново попали уже упомянутые 4 предмета старинной мебели. Письма, книги и разные документы поступили в московские архивы и музеи.

Разглядывая фотографии, портреты и немногочисленные оставшиеся реликвии, я не сразу заметила, как в комнату вошёл Дмитрий Алексеевич — крепкий невысокий человек преклонного возраста. Мне подумалось: «Сколько же ему лет? 80? 85?» Оказалось, 94. Дмитрий Алексеевич прожил почти целый век, сохранив бодрость и хорошую память.

Алексей Николаевич Вульф.
Фото 1910-х гг.

Мы познакомились, и он начал увлекательный рассказ о своей судьбе.

Дмитрий Алексеевич родился в октябре 1908 года и провёл детские годы в Твери, где его отец Алексей Николаевич Вульф (1868–1931), родственник и полный тёзка друга Пушкина, подполковник лейб-гвардии Драгунского полка, был одним из руководителей Тверского юнкерского кавалерийского училища. Семья жила на тогдашней окраине города в казённом двухэтажном деревянном доме, где на первом этаже была анфилада просторных комнат, а на

втором располагались жилые покои. Дом этот сохранился, и спустя много лет Дмитрий Алексеевич нашёл его по памятному с раннего детства большому валуну во дворе. В семье кроме него было ещё трое детей: старший брат Алексей (1907–1974) и сёстры Наташа и Лена (1916–2007, в замужестве Трусова). Мать Наталья Сергеевна умела создавать в доме особую атмосферу любви, доброты и гостеприимства, поддерживала широкий круг знакомств, устраивала на первом этаже вечера, где играл духовой оркестр училища.

В 1914 году Алексей Николаевич Вульф был назначен командиром кавалерийского полка и переехал с семьёй в Вязьму Смоленской губернии. Там часто бывали высшие офицеры. Шестилетний Митя на всю жизнь запомнил одного красивого и статного старика-генерала. Это был сын великого поэта Александр Александрович Пушкин, который скончался незадолго до начала Первой мировой войны. Вязьма тогда стала прифронтовым городом, куда прибывали разбитые полки на отдых и переформирование. Когда Алексей Николаевич Вульф отправился вместе со своим полком на фронт, его семья осталась в Вязьме.

Летом 1916 года отца привезли домой в крайне тяжёлом состоянии. Во время ожесточённого боя, когда он вёл полк за собой в атаку, под ним была убита лошадь, и его выбросило из седла. При падении он сломал позвоночник в двух местах. Жена и дети заботливо ухаживали за раненым. По мнению врачей, его состояние не внушало особых надежд на выздоровление.

Когда Алексею Николаевичу стало лучше, семья переехала в Москву. Больному рекомендовали находиться подольше на свежем воздухе, и Наталья Сергеевна сняла дачу близ Петровского замка, где в 1812 году останавливался Наполеон. Московские профессора в один голос говорили, что отец не выживет, но любовь близких и хороший уход делают порой чудеса. Алексей Николаевич прожил ещё 15 лет, будучи инвалидом войны первой категории. Он с трудом вставал с постели, едва передвигался по комнате с тростью, движения рук у него были ограничены, речь затруднена.

Недалеко от Петровского замка, на Ходынском поле, располагался аэродром, и лётчики были частыми гостями семьи Вульфов, водили детей на лётное поле, много рассказывали о тогдашних самолётах типов Райт, Фарман, Вуазен, Маран. Эти рассказы запомнились Мите и потом пригодились. Однажды лётчики собрались покатать ребят, но Наталья Сергеевна сняла их буквально с крыльев аэропланов, потому что воздушное путешествие было слишком опасным: в кабине имелось только одно место для пилота, и дети могли сорваться и погибнуть.

К осени Вульфы перебрались на городскую квартиру, которую сняли недалеко от Большой Никитской, в Хлыновском тупике. Туда перевезли вещи из Вязьмы, в том числе мебель из родового имения Грибоедовых Хмелита, расположенного в 17 км от этого города. Хозяева усадьбы сдали её в аренду купцу, который намеревался открыть там завод по производству оружия для фронта. Обстановка из дворца была вынесена в конюшню и находилась в плачевном состоянии. Наталья Сергеевна выбрала для своей семьи мебель из кабинета Грибоедова и привезла её на подводах в полк, где столяры очистили мемориальные вещи от навоза и грязи. Помимо грибоедовской мебели обстановку просторной квартиры составляли вещи знаменитых предков Натальи Сергеевны и Алексея Николаевича.

Поливановская гимназия.
Фото начала XX в.

В 8 лет Митя поступил в гимназию известного педагога Л.И. Поливанова — одно из лучших учебных заведений России, в котором учились сыновья Л.Н. Толстого и других знаменитостей. Эту гимназию окончил в своё время отец Мити, там же учился старший брат Алексей. На вступительном экзамене

мальчику задали вопросы по таблице умножения и спросили, какие он знает молитвы. Митя прочёл «Отче наш» и «Богородица, дево, радуйся». Этого оказалось достаточно для поступления. В гимназии Поливанова давалось хорошее классическое образование, большое внимание уделялось изучению языков, литературы, естественных наук. Дмитрий проучился там 7 лет.

В тяжёлые годы революции и Гражданской войны семья Вульфов жила очень бедно, как и большинство граждан. Инвалидность Алексея Николаевича спасла его от репрессий. Мать время от времени вызывали в органы, но всякий раз отпускали без последствий. Самыми тяжёлыми испытаниями были холод и голод. По карточкам давали в день на человека только восьмушку хлеба — восьмую часть фунта, то есть 50 граммов. Большого волевого усилия стоило Мите донести хлеб домой из магазина в целости. Его старший брат порой не выдерживал такого искушения. Облегчали полуголодную жизнь продуктовые посылки из Валяевки, родового имения Ржевских в Орловской губернии, которое бабушка Мити некогда получила в приданое. Добрая и сердечная Наталья Сергеевна кормила не только свою семью, но и некоторых знакомых из дворян, которые жили в большой нужде. В их числе были Кирилл Петрович Коновницын, сын известного декабриста Петра Петровича Коновницына, знакомого А.С. Пушкина, и Мария Александровна Гартунг, старшая дочь поэта. Митя хорошо запомнил худенькую старушку, морщинистое лицо которой ещё сохраняло сходство с чертами великого поэта.

После войны жить стало легче. Старший брат Алексей с детских лет мечтал стать моряком, как его знаменитый пращур В.М. Головнин. В 1922 году в шестнадцатилетнем возрасте он добровольно пошёл служить во флот. Митя продолжал учиться в гимназии Поливанова до 1923 года, когда это учебное заведение сочли буржуазным и закрыли. Даже упоминать о нём было небезопасно. В том же году на квартиру Вульфов пришёл комиссар по делам печати товарищ Халатов. Такой псевдоним был у А.Б. Халатянца (1894–1938), в то время члена коллегии Наркомата путей сообщения. Товарищ Халатов объявил, что дом, который находится рядом с типографией, забирают под редакцию газеты «Гудок». Семье Вульфов никакого другого жилья не предоставили. Пришлось временно переехать на Зубовскую площадь к сестре матери Серафиме Сергеевне Головниной, которая работала концертмейстером-репетитором в Большом театре. Квартира у неё была очень тесная, поэтому часть мебели, в том числе грибоедовской, пришлось оставить в Хлыновском тупике. Мебель эта перешла «по наследству» редакции «Гудка», с которой сотрудничали знаменитые писатели и журналисты Михаил Булгаков, Валентин Катаев, Юрий Олеша, Михаил Кольцов, Илья Ильф и Евгений Петров. Может быть, именно старинный грибоедовский гарнитур с массивными креслами навёл Катаева на мысль о кладе, спрятанном в стуле, и он поделился своей идеей с Ильфом и Петровым. К сожалению, потом мемориальную мебель куда-то вывезли, след её затерялся. Через много лет нашлось только одно кресло, чудом сохранившееся в комнате швейцара редакции. Дмитрий Алексеевич выкупил это кресло и передал в музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита».

С Зубовской площади Вульфы переехали на Пречистенку в дом, некогда принадлежавший Денису Давыдову, известному поэту, герою партизанского движения в период Отечественной войны 1812 года. Там освободилось подвальное помещение, которое занимала семья брата матери Бориса Сергеевича Головнина, уехавшая в Америку при посредстве известной тогда фирмы «АРА», помогавшей эмигрировать дворянам. Переезду Вульфов содействовала жена Бориса Сергеевича Клавдия Геннадьевна Карпова, внучка известного предпринимателя и мецената Саввы Морозова.

Долго жить в подвале было невозможно, поэтому Наталья Сергеевна приняла предложение переехать на постоянное жительство в Валяевку, где им дали в надел бывший скотный двор — 6 десятин земли. С удобренной навозом земли снимали хорошие урожаи зерновых и овощей. На плечи пятнадцатилетнего Мити легли самые трудные заботы. Он очень увлёкся сельским хозяйством, тщательно изучив все 12 томов «Сельскохозяйственной энциклопедии», которая имелась в доме. Занимаясь птицеводством, он удачно скрестил разные породы гусей. Выведенные им гуси-летуны пользовались большим спросом у местного населения: утром они улетали на дальние пастбища, а к вечеру возвращались домой. Однажды Митя самостоятельно ездил в Орёл, где со знанием дела недорого купил выбракованную комолую корову и 45 вёрст вёл её домой. Корова давала по три ведра молока в день.

Наладив семейное хозяйство, Дмитрий в 1924 году вернулся в Москву для продолжения образования, поступил на вечернее отделение техникума при Московской горной академии. Работал юноша на заводе АМО, будущем ЗИЛе, где тогда с помощью американских специалистов налаживали выпуск полуторатонных грузовиков. Дмитрий Алексеевич с особенной живостью вспоминает, как в 1926 году его направили на реконструкцию Большого Кремлёвского дворца, когда потребовалось для предстоящего партийного съезда соединить два зала — Андреевский и Екатерининский. Дмитрий внёс рацпредложение, как удобнее снять и переместить массивные двери между залами. Премия в 45 рублей показалась ему тогда целым состоянием. Довелось Дмитрию Алексеевичу некоторое время поработать и на строительстве электростанции близ платформы Угрешская Московской кольцевой железной дороги.

В 1925 году отец передал Дмитрию архив своего дяди Петра Николаевича Свистунова (1803–1889), который был старостой общины декабристов в Сибири. Юноша очень заинтересовался историей своего рода, внимательно изучил письма декабристов Муравьева-Апостола, Бобрищев-Пушкина, Нарышкина, Пущина, в которых они рассказывали о жизни на каторге и поселении. По совету тётки, писательницы Елизаветы Николаевны Вульф, в замужестве Головинской, архив решено было подарить Ленинской библиотеке. Переписку по этому поводу тётушка вела с

А.В. Луначарским, которому передавала письма на домашний адрес с племянником. Пока Луначарский готовил ответ, Дмитрий вёл занимательные беседы о литературе и искусстве с его очаровательной женой, известной актрисой Натальей Александровной Розенель. При содействии Луначарского 186 документов архива П.Н. Свистунова поступили в Государственную библиотеку СССР имени Ленина (ныне Российская государственная библиотека).

Пётр Николаевич Свистунов.
Фото середины XIX века

В 1928 году Наталья Сергеевна с детьми вернулась из Валяевки в Москву. На семью из 6 человек они получили комнату в коммунальной квартире площадью 20 кв. метров, где с трудом разместились. Дмитрий спал на чертёжной доске, положенной на 2 стула. В 1929 году после окончания техникума юноша, продолжая работать на ЗИЛе, поступил в Московскую горную академию на вечернее отделение металлургического факультета, который в 1930 году отделился и был преобразован в Московский институт стали и сплавов.

Казалось, ничто не предвещало беды. Однако в 1931 году некто Васин, которого Дмитрий привечал и считал своим приятелем, написал донос, что Вульф якобы намеренно скрыл при поступлении в институт, что его отец — кадровый офицер царской армии. В результате весьма предвзятого разбирательства Дмитрий был исключён из института как «буржуазный элемент». Год он нигде не учился, работал во Всесоюзном институте авиационных материалов (ВИАМ), где ему и пригодились знания, полученные в детстве от лётчиков.

Родители надумали Дмитрия обратиться к М.И. Ульяновой, которая тогда возглавляла бюро жалоб Центральной контрольной комиссии. Мария Ильинична внимательно выслушала Вульфа, который рассказал ей о своей семье, о том, как архив декабристов был подарен Ленинской библи-

Дмитрий Алексеевич Вульф.
Фото 1939 г.

отеке. Дмитрию вручили запечатанный сургучом пакет для ректора института. По этому письму Вульфа быстро восстановили без потери курса. Вернулся он и на ЗИЛ.

В 1935 году Дмитрий Алексеевич получил диплом инженера. В 1936 году его направили на строительство 1-го Государственного подшипникового завода (ГПЗ), где он вёл монтаж поточных линий компании ФИАТ вместе с итальянскими специалистами. В 1938 году по направлению ВСНХ Дмитрий Алексеевич перешёл на работу в военную промышленность, участво-

вал в проектировании и строительстве заводов по производству снарядов, в том числе Новосибирского комбината боеприпасов, сыгравшего большую роль в обеспечении снарядами фронтов Великой Отечественной войны. Однажды Вульф узнал, что на него пишут донос, будто монтаж завода ведётся вредительски. Ему вовремя удалось убедить директора создать авторитетную комиссию, которая установила, что никакого вредительства нет.

В очередной раз угроза репрессий нависла над Дмитрием Алексеевичем в начале Великой Отечественной войны, когда он работал главным инженером предприятия. Кадровики заинтересовались, не немец ли он. Пришлось ему написать реферат о происхождении своего рода. Особенно убедительными показались кадровикам цитата из энциклопедии Брокгауза и Ефрона о том, что в 1676 году на службу к царю Алексею Михайловичу «вступил иноземный поручик... по фортификации Гаврила Вульф», и сам факт дружбы А.С. Пушкина с семьёй Вульфов.

Осенью 1941 года Д.А. Вульф занимался эвакуацией московских заводов и наладкой производства боеприпасов в Сибири. Однажды он ехал в Москву из Новосибирска в

военном эшелоне с новобранцами, причём оказался едва ли не единственным штатским и самым старшим по возрасту (33 года). Пассажирами вагона были красноармейцы 18–19 лет, ехавшие защищать Москву. Командиры, вероятно, находились в другом вагоне. Ночью поезд остановился на каком-то полустанке, и вошла беременная женщина, для которой, видимо, сделали исключение и посадили в военный эшелон. Той же ночью у неё начались роды. Ни врача, ни санитарки, да и вообще ни одной женщины в поезде не было. Молодые солдаты, конечно, растерялись, а Дмитрий Алексеевич понял, что только на него одного вся надежда. И он, скомандовав ребятам принести воды и собрать чистые портянки, начал принимать роды. Ни до, ни после этого ему ничего подобного делать не приходилось. Волновался ужасно, но дело сделал. Пуповину перерезал перочинным ножом: более подходящего инструмента не нашлось. И всё закончилось благополучно! Молодая мама, едва придя в себя, очень благодарила Вульфа, спросила, как его зовут, и новорождённого малыша назвала в его честь Митей. Впоследствии о судьбе мальчика ничего узнать не удалось, но Дмитрий Алексеевич всегда помнил о нём и надеялся, что он вырос достойным человеком.

Во время войны Вульф по службе не раз бывал в осаждённом Ленинграде. Он вспоминал, как самолёты летали ночью над Ладожским озером бреющим полётом на высоте 150 метров, чтобы не сбили немецкие истребители, не спускавшиеся так низко. В конце войны направление полётов изменилось: надо было восстанавливать военные заводы в освобождённых районах. В 1944 году Дмитрия Алексеевича командировали в Донецкую область, в г. Сталин (ныне Юзовка). Там он и встретил свою будущую жену Антонину Омельченко. Она устроилась на завод после окончания школы. В Москву они возвращались на трофейном немецком бомбардировщике, который гнали на переокраску, кое-как замазав свастику на фюзеляже. В пути их едва не сбили наши истребители, разглядевшие немецкую символику. Пришлось лётчику совершить вынужденную посадку в Рязанской области, откуда Дмитрий и Антонина с трудом добрались до Москвы по железной дороге.

В 1945 году в молодой семье родился единственный сын Алексей. Антонина Степановна занималась воспитанием ребёнка и училась в Московском металлургическом тех-

Дмитрий Алексеевич Вульф. Фото 2002 г.

никуме. Впоследствии она до выхода на пенсию работала на опытном заводе КБ А.Н. Туполева. Дмитрий Алексеевич с 1945 по 1960 год преподавал специальные дисциплины в Московском механическом институте (впоследствии МИФИ), вёл вместе со студентами засекреченные научные исследования в области механизации и автоматизации военного производства. В 1960 году он перешёл на работу в Московский государственный вечерний металлургический институт (ныне в составе Московского политехнического университета), где преподавал до выхода на пенсию в 1976 году. Также он участвовал в создании туристического маршрута по Тверской области «Пушкинское кольцо». Его мать Наталья Сергеевна умерла в 1956 году, старший брат Алексей — в 1974 году.

Дмитрий Алексеевич Вульф до сих пор сохраняет бодрость, удивительное жизнелюбие и молодость души. Он очень увлечённо занимается своей родословной, изучением судеб знаменитых предков, поддерживает связи с пуш-

кинскими музеями, участвует в пушкинских праздниках, читает интереснейшие лекции. Его энергии можно только подивиться: он является заслуженным работником культуры России, вице-президентом Российского народного Пушкинского фонда, почётным академиком РАЕН, состоит в обществе «Наследие декабристов», в Российском и Международном Пушкинских обществах.

Его сын А.Д. Вульф работает управляющим строительным трестом. Дмитрий Алексеевич и Антонина Степановна очень радуются, когда их навещает любимый внук (1974 года рождения), полный тёзка дедушки. Молодой Дмитрий Алексеевич Вульф, инженер-программист по специальности, получил второе высшее образование (экономическое) и работает в одном из столичных учреждений.

Судьбы Дмитрия Алексеевича Вульфа и его предков неотделимы от российской истории, в них отразились её славные дела, сложные коллизии и трагические события. История рода Вульфов продолжается.

В течение нескольких лет после написания этого очерка я поддерживала связь с семьёй Вульфов, иногда навещала их. К сожалению, в 2007 году у Д.А. Вульфа произошёл инсульт, в 2008 году он скончался и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Берново. Диван, подаренный Д.А. Вульфом

Русский француз из рода Олениных

В 2000 году меня пригласили в Государственный музей А.С. Пушкина на презентацию научного издания «А.А. Оленина. Дневник. Воспоминания». Войдя в зал, я совершенно случайно выбрала место возле незнакомого молодого человека, который внимательно рассматривал эту книгу. Выступали сотрудники музея и гости из Петербурга — составители и комментаторы книги Виктор Файбисович и Лариса Агамалян. Потом ведущая сказала, что в зале присутствует прапраправнук Анны Алексеевны Олениной Степан Владимирович Звегинцов, гражданин Франции, ныне работающий в Москве, и попросила его сказать несколько слов. Мой сосед поднялся и на очень чистом и правильном русском языке стал говорить о том, как высоко ценит многолетний труд составителей и комментаторов книги, ведь он сам увлекается историей и по опыту знает, как нелёгок поиск нужных материалов. «Анна Алексеевна всегда была в нашей семье легендарной женщиной, — сказал он, — но многого я о ней не знаю. Новая книга поможет восполнить этот пробел».

Степан Владимирович
Звегинцов. Фото 2000 г.

После презентации я подарила Степану Звегинцову предусмотрительно захваченную с собой книгу «"Я вас любил..."». Пушкин в доме Олениных» и, рассказав, что очень интересуюсь потомками моей героини, попросила о встрече. Мы обменялись телефонами и условились о беседе, которая отложилась почти на два месяца из-за череды командировок Степана Владимировича.

Наконец время встречи было назначено. Ясным апрельским утром я без труда отыскала в центре Москвы квартиру Звегинцовых, которую снимает для них итальянская энергетическая компания «ENEL Power», где работает Степан

Фёдор Александрович Андро.
Художник С. Дама. 1853 г.

Владимирович. Обстановка в съёмном доме обычно не-многое говорит о его жильцах. Обратили на себя внимание высокие стеллажи с книгами на французском, русском, английском языках, множество компакт-дисков: хозяин любит слушать классическую музыку. Молодой супруги Степана Владимировича, француженки Бенедикты, дома не оказалось: она работает секретарём в московском представительстве компании «Estee Lauder».

Наша беседа со Степаном Владимировичем проходила за круглым столом у окна. По моей просьбе он рассказывал о своих предках, показывал их труды, которые захватил с собой в Москву.

Анна Алексеевна Оленина, руки которой некогда безуспешно добивался Пушкин, в 1840 году вышла замуж за Фёдора Александровича Андро, побочного сына известного государственного деятеля А.Ф. Ланжерона, француза по происхождению. Софья Фёдоровна, вторая дочь четы Андро, состояла в браке с бароном Николаем Александровичем Сталь фон Гольстейн, генерал-лейтенантом Русской армии. Их дочь Ольга Николаевна Оом (1868–1938), в первом браке Звегинцова, приходилась внучкой А.А. Олениной-Андро и прабабушкой Степану Владимировичу.

Анна Алексеевна Оленина.
Художник В.И. Гау. 1839 г.

Его прадед, Николай Александрович Звегинцов (1848–1920), был офицером Кавалергардского полка, когда Ольга Николаевна вышла за него замуж. В 1882–1901 годах Н.А. Звегинцов был Воронежским губернским и Новохоперским уездным предводителем дворянства, в 1901–1905 годах — Смоленским губернатором, в 1905–1914 годах — Лифляндским губернатором и, наконец, в 1916–1917 годах — сенатором. Октябрьская революция прервала эту блестящую карьеру. Его сын, Владимир Николаевич Звегинцов (1891–1973), служил офицером в Кавалергардском полку, воевал в Добровольческой армии, затем в Русской армии Врангеля, и после поражения Белого

Владимир Николаевич Звегинцов с сыном Владимиром.
Ялта. Фото 1919 г.

движения вынужден был эмигрировать. В начале 1920-х годов Владимир Николаевич находился в командировке в Белграде по поводу размещения войск Белой армии, покидавших Россию. Может быть, в этой нелёгкой миссии

Ольга Николаевна Звегинцова с дочкой Ольгой. Фото 1890-х гг.

помогло Звегинцову то, что молодой король Сербии, Александр I, был его однокашником по Пажевскому корпусу.

Потом Владимир Николаевич перебрался в Софию, где волей Провидения неожиданно встретился со своей женой Анастасией Михайловной, урождённой Раевской, правнучкой героя Отечественной войны 1812 года генерала Н.Н. Раевского. Она с двумя малолетними детьми

Володей и Мишей ехала в эмиграцию из Константинополя. Воссоединившись, семья два года прожила в хорватском городке Церквенице на побережье, потом переехала в Рим. Поначалу жили бедно. К счастью, дети обучались бесплатно в школе при посольстве Франции. Директор школы сочувствовал русским эмигрантам и старался помочь их детям получить хорошее образование. Анастасия Михайловна Звегинцова, бабушка Степана, владела многими иностранными языками, искусно вышивала. Эти навыки помогли семье пережить трудное время. Владимир Николаевич Звегинцов был опытным водителем и, работая на специальном такси, возил богатых туристов, преимущественно американцев, по Европе. Он в совершенстве знал немецкий и французский языки, несколько слабее владел английским. Ещё до революции он увлёкся историей и стал хорошим экскурсоводом. Постепенно у него сложилась своя клиентура.

В 1928 году семья Звегинцовых перебралась в Париж — ближе к родным и к портовому городу Гавру, куда прибывала основная масса американских туристов. Другой причиной переезда стал набиравший популярность фашизм в Италии. Работа таксиста-гида приносила хороший доход, а в свободное время можно было заниматься историческими исследованиями. В.Н. Звегинцов работал над темой «Кавалергарды-декабристы» (очерк вышел в свет в Париже в 1977 году, уже после смерти автора), много лет собирал

Дневник А.А. Олениной, изданный О.Н. Оом. 1936 г.

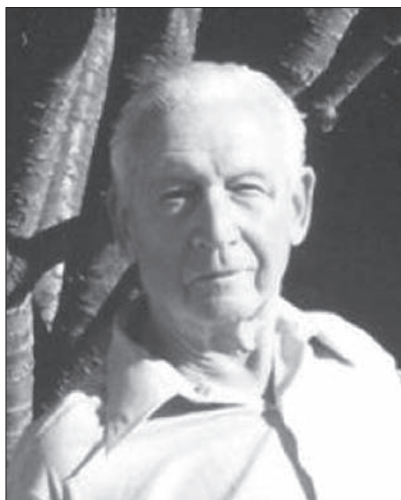
воспоминания знакомых, служивших в Кавалергардском полку, состоял в обществе «Кавалергардская семья». Степан Владимирович показал мне труд своего деда «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. 1914–1920 годы». Все три тома переплетены в одну толстую книгу объёмом более 600 страниц. Первые два тома, изданные очень маленьким тиражом в Париже в 1936–1938 годах, напечатаны русским

дореформенным шрифтом, а последний том, вышедший в 1966 году, набран уже современным шрифтом. Книги проиллюстрированы раритетными фотографиями из семейных архивов.

В 1929 году разразился мировой экономический кризис, и количество американских туристов резко убавилось. Владимир Николаевич продолжал работать гидом-таксистом, только теперь он возил экскурсантов в основном по городу и окрестностям. В Париже находился крупнейший центр русской эмиграции. Здесь жила мать В.Н. Звегинцова, Ольга Николаевна, после смерти первого мужа вышедшая замуж за давнего друга семьи Фёдора Фёдоровича Оома, внука Анны Фёдоровны Фурман, воспитанницы семьи Олениных и старшей подруги Анны Алексеевны Олениной-Андро. Фёдор Фёдорович, по воспоминаниям родственников, был милейшим человеком и легко вошёл в их семью. Многие реликвии рода Олениных в тяжёлые годы Гражданской войны были, к сожалению, утрачены. Ольга Николаевна старалась сохранить то, что ещё осталось. Чудом уцелел в Варшаве у её двоюродной сестры Софьи Андреевны Гарбинской дневник Анны Олениной, и Ольга Николаевна решила издать его для друзей и родственников тиражом всего 200 экземпляров без перевода записей на французском языке. Она сочла нужным несколько подправить, беллетризировать дневник своей бабушки. В 1936 году книга увидела свет. Степан Владимирович показал мне экземпляр за номером 18 с дарственной надписью О.Н. Оом своему внуку Владимиру Владимировичу Звегинцову. Русские записи в книге набраны дореформенным шрифтом. Очень интересно было взглянуть на иллюстрации, особенно на изображения четы Андро в пожилом возрасте. Анна Алексеевна долго сохраняла женскую привлекательность. Проникновенный взгляд её больших глаз кажется мудрым и печальным одновременно.

Несмотря на нелёгкие условия, русские эмигранты в Париже поддерживали тёплые отношения между собой, общались без сословного снобизма. Сохраняя православную веру, русские парижане построили несколько церквей. Многие рассчитывали вернуться в Россию, надеясь, что Советская власть установилась ненадолго. Большинство браков заключалось между русскими в силу того, что общение между эмигрантами было более тесное, чем между ними

и французами, которые могли десятилетиями жить в одном подъезде и лишь вежливо раскланиваться друг с другом. Препятствий со стороны родителей в случае смешанных браков, как правило, не было. Если французы вступали в брак с русскими, то обычно легко вливались в эмигрантское общество, быстро привыкали к тёплым отношениям в нём, обретали новых друзей, изучали русский язык. В эмигрантских семьях говорили чаще по-русски. Дети, обучавшиеся во французских школах, имели, по существу, два родных языка. Для того, чтобы их знания русского не ограничивались обиходной речью, с ними специально занимались педагоги в школах при православных общинах и индивидуально.

Владимир Владимирович
Звегинцов.

Фото начала 1990-х гг.

Отец Степана, Владимир Владимирович Звегинцов, родившийся в России в 1914 году, превосходно говорил по-русски. Высшее образование он получил в Швейцарии, в коммерческой школе, по специальности «бухгалтерия и международное право». Кроме русского и французского он свободно владел ещё пятью языками: немецким, английским, испанским, итальянским и португальским. Похуже он знал греческий, турецкий, японский языки и урду.

Во время фашистской оккупации семья Звегинцовых оставалась в Париже. Немцы относились к русским эмигрантам весьма подозрительно. Опасаясь обысков, Анастасия Михайловна выбросила в реку личный револьвер Владимира Николаевича, оставшийся со времён Первой мировой войны. Владимир Владимирович не служил во французской армии, а его брат Михаил был призван в 1940 году, но воевать ему пришлось недолго. Франция, за исключением небольшой «свободной» зоны, была быстро захвачена гитлеровцами. Долго о Михаиле родные не имели никаких

известий. Вместе с разоружёнными однополчанами он находился в казармах той самой «свободной» зоны.

После войны Владимир Владимирович Звегинцов около 40 лет служил в Международной торговой палате. Поначалу он занимал должность библиографа, но знание иностранных языков помогло ему сделать карьеру. Однажды нужно было вести переговоры с важной делегацией, но квалифицированного переводчика не нашли. Позвали Владимира Владимировича, который отлично справился с поручением и с тех пор начал работать синхронным переводчиком. По служебным делам он побывал во многих странах мира. Как и отец, Владимир Владимирович увлекался историей русской армии. Он выпустил небольшим тиражом солидный семитомный труд «История форм обмундирования Русской армии» и ещё один дополнительный том «Знамена и штандарты Русской армии». Степан Владимирович показал мне это издание. Текст отпечатан на пишущей машинке на русском и французском языках и размножен на ротапринте. Автор даже пытался сам выполнить рисунки, но не очень удачно. Лишь к двум последним томам иллюстрации сделал его испанский друг — профессиональный художник Хосе Мариа Буэно.

В 1961 году Владимир Владимирович, личная жизнь которого долго не складывалась, женился на француженке Мари Жозе Згар, с которой познакомился на службе. Мари Жозе, хорошо владевшая английским и испанским языками, работала секретарём в разных компаниях. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте супругов, брак оказался счастливым. Семья жила в пригороде Парижа, близ Версаля. В 1968 году родился первый сын — Степан, в 1970 году — второй сын Николай. Владимир Владимирович разговаривал с детьми на русском языке и настаивал, чтобы они отвечали ему по-русски. Когда возникали споры между сыновьями и отцом, детям всё же было легче браниться на французском.

В 1963 году умерла Анастасия Михайловна, немного недожившая до 73 лет. Владимир Николаевич Звегинцов пережил супругу на 10 лет. В 1966 году его посетил в Париже известный литературовед и искусствовед Илья Самойлович Зильберштейн, и Владимир Николаевич принял решение отправить на родину часть принадлежавших ему семейных реликвий и портретов, в числе которых оказались дневник

и две главы воспоминаний А.А. Олениной, которые поступили в Российский государственный архив литературы и искусства. В статье, опубликованной в журнале «Огонёк», И.С. Зильберштейн писал: *«Самое отрадное воспоминание осталось у меня от встреч в Париже с сыном О.Н. Оом — В.Н. Звезинцовым, человеком широких познаний в различных областях истории, литературы, искусства, владеющим пятью языками. Какое счастье, что ре-*

ликвши его прабабушки Анны Алексеевны Олениной попали именно к нему! Несмотря на все трудности и превратности своей жизни, Владимир Николаевич сумел сохранить их. И как характерна для этого человека фраза, сказанная им в одном из последних писем ко мне: “Вы не можете себе представить, какой камень спал с моей души после того, что благодаря Вам удалось все эти предметы вернуть домой, на Родину”». К сожалению, В.Н. Звезинцов не дожил до выхода в свет научного издания дневника А.А. Олениной. Не дождался этой публикации и его сын Владимир Владимирович, скончавшийся в январе 1996 года.

Степан Владимирович рассказывает, какое большое влияние оказал отец на формирование личности своих детей, унаследовавших многие его увлечения. Оба сына получили высшее экономическое образование. Степан окончил Парижский институт политических исследований по направлению «политология», получил степень магистра Парижского университета в области международного бизнеса. Николай окончил Высшую Парижскую Коммерческую школу. Оба в совершенстве владеют русским языком, глубоко интересуются русской культурой. Николай Владимирович трудится в компании «Michelin». Степан Владимирович сразу после окончания института работал в инжиниринговой компании, специализирую-

Степан Владимирович
Звегинцов. Фото 2018 г.

щейся в области нефтепереработки, нефтехимии и охраны окружающей среды. Он часто бывал по служебным делам в странах СНГ, посещал многие российские города. Смена места работы была связана с желанием жить в Москве. Частые командировки Степану Владимировичу не в тягость: он любит путешествовать. Большое впечатление на него производит русская старина, особенно Псков с окрестностями, Новгород, Ярославль. Из зарубежных городов, кроме родного Парижа и Версаля,

ему очень нравятся Прага, Рим, старые итальянские города. Ещё Степан Владимирович увлекается горными восхождениями, очень любит любоваться альпийскими пейзажами. Другое его серьёзное увлечение — российская история. Он хотел бы написать исследование о межнациональных отношениях в России в дореволюционный и советский периоды.

Так в семье Звегинцовых, многие десятилетия живущей во Франции, из поколения в поколение сохраняется живой интерес к русской истории и культуре, русскому языку и традициям. Замечательно, что у младших Звегинцовых теперь есть возможность не просто бывать на родине предков, верно служивших России несколько столетий, но и жить и работать здесь продолжительное время, оставаясь французскими гражданами, «русскими французами».

Степан Владимирович Звегинцов продолжает работать в России в руководстве крупной энергетической компании «ENEL Russia» («дочки» «ENEL Power»), с 2018 года он занимает должность заместителя генерального директора — директора по персоналу и организационному развитию, активно участвует в конференциях, посвящённых развитию российской энергетики, в том числе ветрогенерации.

Библиография

- Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. — СПб.: Logos, 1999.
- Аринштейн Л.М. «Я вас любил...» // Лирика А.С. Пушкина: комментарии к одному стихотворению. — М.: Наука, 2006. — С. 182–191.
- Аринштейн Л.М. Пушкин: «Когда Потёмкину в потёмках...». По следам «Непричёсанной биографии». — М.: Грифон, 2012.
- Ахматова А.А. «Каменный гость» Пушкина // О Пушкине. — Л., 1977.
- Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. — М.: Наука, 1989.
- Белецкий А.И. Из наблюдений над стихотворными текстами А.С. Пушкина // Филологический сборник Киевского государственного университета. — 1954. — № 5. — С. 86–95.
- Благово Д.Д. Рассказы бабушки. — Л.: Наука, 1989.
- Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). — М.: Советский писатель, 1967.
- Вацуро В.Э. Избранные труды. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Викторова К.П. Неизвестный или непризнанный Пушкин. — СПб.: Политехника, 1999.
- Виноградов В.В. Стиль Пушкина. — М., 1941.
- Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Гинзбург С.Л. Пушкин и грузинская песня (К истории создания стихотворения «Не пой, красавица, при мне...») // Пушкин. Исследования и материалы. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1953. — С. 318–333.
- Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. — Л.: Лениздат, 1989.
- Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1962.
- Гречаная Е.П. Пушкин и французская аристократическая литература XVII–XVIII веков // Университетский пушкинский сборник. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — С. 389–395.
- Громбах С.М. «Всё в жертву памяти твоей» // Временник Пушкинской комиссии. — Л.: Наука, 1989. — Вып. 23. — С. 98–102.
- Громбах С.М. «Цветы последние милей» // Временник Пушкинской комиссии. — Л.: Наука, 1989. Вып. 23. — С. 103–105.
- Дельвиг А.А. Призвание. Стихотворения. — М.: Летопись, 1997.
- Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829) / Предисловие и редакция О.Н. Оом. — Париж, 1936.
- Доброхотов В.И. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Об одной черновой редакции // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — Выпуск IX. — С. 158–169.
- Долгушина М.В. К проблеме авторства романа «Я вас любил...» из сборника «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных композиторов» // XXXV Болдинские чтения 11–13 сентября 2007 г. — Большое Болдино, 2008. — С. 437–451.

Ермоленко Г.Н. Пушкин и поэты французского ренессанса // Университетский пушкинский сборник. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — С. 367–373.

Есипов В.М. «Печаль моя полна тобою...» (Обзор комментариев) // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2002. — Выпуск X. — С. 89–110.

Есипов В.М. Царственное слово. — М.: САМПО, 1998.

Ефремов П.А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображении. — СПб.: Издание Суворина, 1903.

Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки А.С. Пушкина. Каталог атрибуций. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. — М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. — Т. 2.

Забабурова Н.В. «Елисавету втайне пел...» // Ростовская электронная газета. — 1999. — № 20 (26).

Забабурова Н.В. «И слёзы, и любовь...». Анна Петровна Керн (1800–1879) // Культура. — 2000. — № 9 (39).

Зингер Е.А. Ещё раз о «бедной деве» // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. — М.: Наследие, 2001. — Выпуск IX. — С. 170–175.

Иезуитова Р.В. «Не пой, красавица, при мне...» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. — Л.: Наука, 1974. — С. 121–138.

Иезуитова Р.В. «Угаённая любовь» Пушкина // Легенды и мифы о Пушкине. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 216–240.

Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. — Л.: Наука, 1975.

Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. — М.: Правда, 1989.

Козьмин Б.П. Пушкин и Оленина (По новым данным) // Сборник Пушкинского дома на 1923 год. — Петроград: Государственное издательство, 1922. — С. 31–34.

Краваль Л.А. Рисунки Пушкина как графический дневник. — М.: Наследие, 1997.

Крамер В.В. С.Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. — Л.: Наука, 1970. — С. 58–75.

Лебедева Э.С. «Верный список...» // Пушкинская эпоха и христианская культура. — СПб.: Санкт-Петербургский центр православной культуры. — 1995. — Вып. VII. — С. 67–79.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. — М.: Слово, 1999. — Т. 2.

Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство-СПб., 1995.

Майков Л.Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. — СПб., 1899.

Модзалевский Б.Л. Анна Петровна Керн // Пушкин. Библиотека великих писателей / Под ред. С.А. Венгерова. — СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1909. — Т. III. — С. 585–606.

Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. — М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001.

Никитенко А.В. Записки и дневники 1826–1877 годов. — СПб., 1893. — Т. 1.

Ободовская И.М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н.Н. Пушкиной и её сестер Е.Н. и А.Н. Гончаровых / Вступ. ст. Д. Благого. — М.: ТЕРРА, 1999.

Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — СПб.: Академический проект, 1999.

Павлищев Л.Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А.С. Пушкине // Мир Пушкина: Семейные предания Пушкиных. — СПб.: Пушкинский фонд, 2003. — Т. 3. — С. 29–293.

Панфилов Д.Г. Анна Петровна Керн, которую мы не знали // А.С. Пушкин в Москве и Подмосковье: Материалы IX Пушкинской конференции 16–17 октября 2004 года. — Большие Вязёмы: ГИЛИМЗ А.С. Пушкина, 2005. — С. 215–233.

Переписка А.С. Пушкина. — М., 1982. — Т. 1.

Пини О.А. Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1962–1963 годы) // Временник Пушкинской комиссии. 1963. — М.–Л.: Наука, 1965.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. — М.: Воскресение, 1994. — Т. 2. — Кн. 2.

Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998.

Пушкин в неизданной переписке современников // Литературное наследство. — М., 1952. — Т. 58.

Пушкин. Сочинения / Под ред. С.А. Венгерова. — М.: Брокгауз и Ефрон, 1911. — Т. 5.

Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. — М.–Л.: Academia, 1935.

Русский архив. — 1908. — Т. I.

Синовский В.В. Пушкин. Жизнь и творчество. — СПб., 1907.

Скотов Н.Н. Пушкин. Русский гений. — М.: Классика, 1999.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. — М.: Азбуковник, 2000.

Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. — 1876. — Т. 15.

Соловьёв В.С. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX века. — М.: Книга, 1990.

Соронкулов Г.У. Афоризм Саади и Мария Волконская (Об адресате и гипотетической реконструкции стихотворения «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...») // Болдинские чтения. Сборник статей международной научной конференции 13–15 сентября 2016 г. – Нижний Новгород: НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. — С. 19–27.

Сочинения В.А. Жуковского / Под ред. П.А. Ефремова. — СПб.: Издание И.И. Глазунова, 1878. — Т. 5.

Сочинения Пушкина / Издание Императорской Академии наук. — Петроград, 1916. — Т. IV.

Старк В.П. Автореминисценции в «оленинском» цикле Пушкина // Приютинский сборник. — СПб.: Приютино, 2002. — Вып. III. — С. 101–114.

Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. — М.: Советский писатель, 1959.

Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. — Л.: Лениздат, 1983.

Тимофеев Л.В. «Приют, любовью муз согретый». — СПб.: «Нестор-История», 2007.

Тихонов В. Анна Петровна Керн и романс «Я помню чудное мгновение...» // Исторический вестник. — 1899. — № 5. — С. 610–617.

Томашевский Б.В. Пушкин. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961. — Кн. 2.

Устимович П.М. Анна Алексеевна Андро, рождённая Оленина // Русская старина. — 1890. — №8. — С. 387–412.

Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 247–292.

Цявловский М.А. Два автографа Пушкина. — М.: Издательство Л.Э. Бухгейм, 1914. — С. 10.

Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. — М.: Издательство АН СССР, 1962.

Черейский Л.А. К датировке одного стихотворения Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1973. — Л.: Наука, 1975. — С. 78–80.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. — Л.: Наука, 1975.

Черняев Н.И. Критические заметки и статьи о Пушкине. — Харьков, 1900.

Щёголев П.Е. Угаённая любовь Пушкина // Угаённая любовь Пушкина: сборник статей. — СПб.: Академический проект, 1997.

Эткинд Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 115.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987.

Ссылки на автографы произведений А.С. Пушкина, где находятся его рисунки, опубликованные в тексте книги, согласно обозначениям Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) с указанием номера единицы хранения, номера листа и оборота (об.), если рисунок на оборотной стороне. Обозначение ПД означает: РО ИРЛИ РАН. Фонд 244. Опись 1.

Виньетки на с. 59, 92, 110, 140, 157, 170 представляют собой рисунки А.С. Пушкина из автографов: ПД № 46. Л. 15; ПД № 831. Л. 81 об., ПД № 834. Л. 1 об.; ПД № 838. Л. 98 об; ПД № 839. Л. 59; ПД № 1621. Л. 2 об.

Авторы виньеток: Антонова Н.В. (с. 1), Кострова Л.А. (с. 239).

Содержание

Вдохновительницы Пушкина Анна Керн, Анна Оленина и Ольга Строганова

Кому посвящены стихи	
«Я помню чудное мгновенье...»?	5
Кому посвящена элегия	
«Я вас любил: любовь ещё, быть может...»?	60
Сватался ли Пушкин к Анне Олениной?	93
Кто адресат стихотворения	
«Не пой, красавица, при мне...»?	111
Комментарии Л.М. Аринштейна к элегии	
«Я вас любил...» и оленинский цикл А.С. Пушкина ..	120
Домашний театр в Приютино	141
Тайное венчание в Тайцах	158
Графиня Ольга Строганова.	
Документальная поэма	171

Потомки Олениных, Полторацких и Вульфов в XX веке

Встречи с родственницей Анны Керн	189
В гостях у потомков Олениных	203
Поток славного рода Вульфов	212
Русский француз из рода Олениных	225
Библиография	235

Елена Николаевна Егорова

Три музы Пушкина

*Анна Керн,
Анна Оленина,
Ольга Строганова*

Научно-популярные очерки

Технические редакторы: *В.Н. Киселева, Е.Н. Егорова*

Корректор *О.Н. Крендясова*

Художники: *Н.В. Антонова, Л.А. Кострова*

В оформлении переплета использованы фотографии
Е.Н. Егоровой, сделанные в Тригорском
(обложка и 2-й форзац) и в Приютине (1-й форзац).
На 1-й странице фронтисписа: памятник А.С. Пушкину
в Пушкинских Горах. Скульптор Е.Ф. Белашова.
Фото Е.Н. Егоровой.

На с. 3: Три вдохновительницы поэта. Художник
Л.А. Кострова, 2020 г.

На с. 154 воспроизведён портрет О.П. Ферзен.
Художник П.Ф. Соколов, 1836 г.

**Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова
Московской областной организации Союза писателей России**

121069, г. Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5, стр. 1.

Тел. (495) 551-25-97. www.lito-ugresha.narod.ru.

E-mail: lito_ugresha@mail.ru

ДМУП «Информационный центр»

140093, г. Дзержинский Московской обл., ул. Томилинская, 14а,
тел. (495) 551-22-32.

Сдано в набор 05.06.2020. Подписано в печать 10.07.2020.

Формат 60х90/16. Гарнитура «Bookman». Печ. л. 15,0.

Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-6041100-8-9

9 785604 110089

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Московская область,

г. Можайск, ул. Мира, 93.

Тел.: (49638) 2-06-85, (495) 745-84-28.

Факс: (49638) 2-16-82.

www.oaompk.ru, e-mail: oaompk@oaompk.ru

Заказ № 5933

